

SONATE Nr. 5

МОЛОДОЙ

ISSN 2072-0297

УЧЁНЫЙ

международный научный журнал

“Я так счастлив, что если б я мог однокруглицу моего счастья соединить с тобою миру, то жизнь показалась бы людям прекрасной”

“Прометей есть символ, в разных формах встречается во всех странах ученых. Это — активная энергия вселенной, творческая сила, это — огонь, свет, жизнь, борьба, мысль, прогресс, цивилизация, свобода”

“Не люблю я камерных ансамблей. Ансамбль сковывает игру исполнителя, затушевывает его индивидуальность”

“Зависть — признание себя побежденным”

“История есть стремление к абсолютной дифференциации и абсолютному единству”

16+

7
2016
Часть XII

ISSN 2072-0297

Молодой учёный

Международный научный журнал

Выходит два раза в месяц

№ 7 (111) / 2016

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Члены редакционной коллегии:

Ахметова Мария Николаевна, доктор педагогических наук

Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук

Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук

Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук

Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук

Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук

Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук

Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук

Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук

Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук

Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук

Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук

Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук

Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук

Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, кандидат педагогических наук

Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения

Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук

Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук

Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук

Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук

Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук

Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук

Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук

Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук

Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук

Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук

Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук

Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук

Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук

Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук

Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук

Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук

Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук

Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук

Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук

Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <http://www.moluch.ru/>.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый».

Тираж 500 экз. Дата выхода в свет: 01.05.2016. Цена свободная.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г.

Журнал входит в систему РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) на платформе eLibrary.ru.

Журнал включен в международный каталог периодических изданий «Ulrich's Periodicals Directory».

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)

Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)

Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)

Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)

Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)

Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)

Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)

Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)

Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)

Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)

Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)

Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)

Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)

Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)

Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)

Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, кандидат педагогических наук, заместитель директора (Узбекистан)

Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)

Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)

Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)

Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)

Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)

Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)

Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)

Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)

Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)

Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)

Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)

Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)

Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)

Узаков Гулом Норбоевич, кандидат технических наук, доцент (Узбекистан)

Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)

Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)

Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)

Руководитель редакционного отдела: Кайнова Галина Анатольевна

Ответственные редакторы: Осянина Екатерина Игоревна, Вейса Людмила Николаевна

Художник: Шишков Евгений Анатольевич

Верстка: Бурьянов Павел Яковлевич, Голубцов Максим Владимирович

На обложке изображен Александр Николаевич Скрябин (1871–1915) — русский композитор, пианист, педагог, один из крупнейших представителей художественной культуры конца XIX — начала XX вв.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Материалы публикуются в авторской редакции.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Азимова Н. Ф.

Темпоральная постериорная активная
и постериорная стативная синтаксемы..... 1121

Айрапетян А. Г., Гордеева А. А.

Фонетические средства как часть
социокультурного портрета говорящего 1122

Айрапетян А. Г., Лысенкова М. В.

К вопросу о сложном предложении
в современном английском языке 1126

Айрапетян А. Г., Новикова Д. Д.

Сопоставительная характеристика категории
рода в русском и английском языках 1129

Айрапетян А. Г., Пронькина А. А.

Испанские заимствования в английском
языке 1132

Али Л. З.

Некоторые аспекты изучения лексических
инноваций в современной лингвистике
и психолингвистике..... 1134

Аллаберганов Б. К.

О сопоставительном изучении фонетических
особенностей фонемы [и] русского, узбекского
литературных языков и хорезмского
диалекта 1137

Ахмедова Г. У., Салимова С. Ф.

Собственные имена в ономастике немецкого
языка 1139

Ахмедова Г. У.

Парадоксальные явления в лексике..... 1141

Ашурова З. Б.

Challenges Faced When Teaching English for
Specific Purposes 1142

Ашурова З. Б.

Новаторство Теодора Драйзера — художника
при создании нового женского характера ... 1144

Блохина Н. А.

Перевод средств выразительности в публичных
выступлениях В. В. Путина..... 1147

Галахова А. А.

Альтернативная биография Уильяма Шекспира
и Кристофера Марло в елизаветинской дилогии
Энтони Бёрджесса 1149

Денисенко М. В.

Фразеологизмы с компонентом «grey/серый»
в английском и русском языках..... 1152

Захарова М. В., Долгова А. К.

Социокультурные предпосылки творчества
«сетевых поэтов» (на материале творчества
Димы Птицами)..... 1154

Какуля Ж. М., Нестерик Э. В.

Specificity of medical texts translation..... 1156

Каленов А. А.

Изменение грамматической категории времени
в формах глагола в современном английском
языке по сравнению с древнеанглийским
периодом как результат аналитического развития
языка 1159

Корнеева В. А., Бондаренко Л. В.

Новый философский роман Филипа Рота
«Людское клеймо» в контексте
постмодернизма 1161

Мокрецова М. М., Ербулатова И. К.,

Альмурзина С. С.
Говорение как один из способов формирования
коммуникативной компетенции в условиях
полиязычия..... 1164

Парафиньска Э. З.

Обзор русских языковых заимствований
в польском языке 1167

Савилова С. Л., Литвинов Ю. Б.

Этимолография проблемы топонима
«Юрга» 1171

Улыкова А. К.

Функции обращений в поэзии С. Есенина 1173

Федоренко О. Я.

Цветовая символика и художественный образ
(на примере пьесы Т. Уильямса «Трамвай
“Желание”») 1176

Халикова А. Х.

Термины, обозначающие профессию человека,
его социальное положение в обществе
в шаройском диалекте чеченского языка..... 1179

Хатамова Д. А.

К вопросу об идентификации некоторых
литературоведческих категорий..... 1185

Цой А. П.

О некоторых механизмах языковой игры в пьесах
Л. С. Петрушевской 1188

Шашек В. В., Харченко Н. А.

Проблема ясности языка законодательства
и множественности интерпретаций текстов
законов (на материале статей Гражданского
Кодекса Российской Федерации) 1191

Шунайбекова К. М.

Wiedergabe einiger grammatischer Erscheinungen:
deutsche Partizipien 1196

Ялтырь В. Д., Ялтырь М. В.

Субъект — объект 1200

ПРОЧЕЕ

**Абдуллаева Ш. И., Сейитниязова А. А.,
Нурметов М. Р.**

Ретроспектива формирования и опыта
реконструкции садов и парков Узбекистана
и г. Ташкента 1203

Байджанов А. К., Сейитниязова А. А.

Эстетические критерии переоценки
градостроительства 1207

Орлина К. В.

Проблемы расследования незафиксированных
несчастных случаев на строительных
площадках 1208

ФИЛОЛОГИЯ

Темпоральная постериорная активная и постериорная стативная синтаксемы

Азимова Назира Фаттохевна, преподаватель
Бухарский инженерно-технологический институт (Узбекистан)

Предложные сочетания представляют собой разнородный материал, требующий дифференцированного подхода. Так функционирование предлога в лексических конструкциях рассматривается нами в аспекте выявления лексико-семитических свойств лексем — элементарных единиц лексического уровня языка. Переходность является лексическим свойством лексемы, с которым связана способность к управлению. Рассмотрение понятий управления в переходности в плане лексики позволяет подвергнуть системному анализу английские глаголы, образующие лексические конструкции на основе предложного управления. Предложные сочетания в структуре предложений представляют собой элементарные синтаксические единицы — синтаксемы, которые обычно характеризуются целым комплексом дифференциальных синтаксико-семантических признаков вносят определённый вклад в разработку актуальной для современной лингвистики темы — синтаксической семантики. Будем исследовать системные отношения различных вариантов темпоральных, локативных, итеративных и других синтаксем, в выражение которых участвуют предложно — именные сочетания с предлогами *after* и *before*. Сочетания *after S* в зависимой позиции могут быть еще наделены синтаксико-семантическим признаком активности (обозначение действия). Указанный признак постериорной активной синтаксемы выявляется с помощью трансформации замены предложного сочетания *after S* предлога *after* с герундием того же корня, что и именной элемент. Например:

1. The third of the private collectors was Soames, who more sober than eight of the others- bought -> after a visit to Madrid because

Не числительное.

He was certain that Gova was still on the up- grade after visiting Madrid...

2. Mr. Cols pie, after a brief glance, ignored the pair of them / JPA, 13/; ->, Mr. Cols pie, after glancing, ignored the pair of them.

3. After a shave and a bath — thanks to Annie there was always of boiling water in the tap- he felt lese tired -> After shaving and bathing..... he felt Lese tired

4. For, Miss Peyton continued the housekeeper, after a pause to take breath... —>... after pausing to take breath

5. After a moment's hesitation, she opened the door,...; -> After hesitating she opened the door.

Наличие признака активности находит свое подтверждение и в дистрибутивных свойствах указанной синтаксемы, а именно, в её способности сочетаться с агентивной синтаксемой. В следующих предложениях агентивная синтаксема представлена именами существительными в родительном падеже, например:

1. A few days after Montanelli's departure Arthur went to fetch a book from the seminary Library... —> A few days after Montanelli departed...;

2. With his unable eve Dertie had spotted this weakness in James the very first year after little Rubbius' arrival... —>... after little Rubbius arrived...;

3. After Daniel's return from the Mennem cottage, Margaret screamed and cursed and thumped her frail fists into his chest... —> After Daniel returned from the Mennem cottage...;

4. ... the managers having remained benind to write it after Philitson's withdrawal ->... to write it after Philitson withdrew.

Агентивная синтаксема, с которой сочетается рассматриваемая синтаксема может быть также представлена местоимениями (личными и притяжательными). Ср:

1. He remembered the first day he had seen Mabel after his return -> he had seen Mabel after he returned;

2. Lanny felt easier after his decision not to see arie Villier again -> Lanny felt after easier he decided not to not to see arie Villier again;

3. When shortly after his arrival, he brought home a pretty wife ->... shortly after he arrived..

4. On three- day visit to Robin Hill soon after their arrival home, had yielded no sight of him... —>... soon after they arrived home...;

5. At some point, shortly after your departure from the Rue Rabelais, he stole down to the ccellar and... —>... shortly after you departed from the Rue Rabelais...

Постериорная активная синтаксема имеет варианты, выраженные только предложно-субстантивными сочета-

ниями after S. Причем субстантивные элементы этих сочетаний являются абстрактными именами существительными, обозначающими действие. Сочетание after может представлять не только темпоральную постериорную активную, но также и темпоральную постериорную стативную синтаксему, обозначающую состояние. Проанализируем следующие предложения.

1. I can staying here to- night, and thought I could do no less |, then call, after our mutual affection;

2. Whether he had been attacked and defeated by Mrs Mac Slinger and was shamed to show himself after his discomfiture...

Отмеченные сочетания в приведенных предложениях характеризуются синтаксико-семантическим признаком стативности. Наличие признака стативности доказывается на нашем материале обычно трансформацией введения сочетания in a state of со связочным глаголом to be в личной форме в придаточном предложении:

1. I am staying here to- night and though I could do no less than call, after our mutual affection ->... I could do no less than call, after we were in a state of mutual affection;

2. He... was ashamed to show himself after his discomfiture -> he... was ashamed to show himself after he was in a state of discomfiture.

Литература:

1. Васильев, Л. М. Семантика русского глагола. — М.: Высшая школа.
2. Иванова, И. П. и др. Теоретическая грамматика современного английского языка. — М.: Высшая школа
3. Киямов, Р. Лингвистический анализ предложных сочетаний в современном английском языке. Карши, Изд-во Насаф. 2009.
4. Кротевич, Е. В., О связях слов. — Львов: Изд-во Львовского ун-та.
5. Мухин, А. М. Синтаксема и средства их выражения. М.,
6. Потебня, А. А. Из записок по русской грамматике. — М.: Учпедгиз
7. Уфимцева, А. А. Типы словесных знаков. — М.: Наука
8. Щерба Л. В. Преподавание иностранных языков в средней школе. 2-е изд. — М. Высш.школа.
9. Gurme G. English Grammar. — Y.

Фонетические средства как часть социокультурного портрета говорящего

Айрапетян Анжелика Георгиевна, старший преподаватель;

Гордеева Алина Александровна, студент

Российский университет дружбы народов

Сравнительно недавно в лингвистике появилось новое направление исследований. Лингвисты исследуют язык говорящего, составляя его речевой портрет. Одной из частей речевого портрета является описание фонетических особенностей речи человека.

В данной статье будет рассмотрен вопрос влияния социокультурной среды говорящего на фонетические черты его речи.

Наличие дифференциального синтаксико-семантического признака стативности подтверждается также экспериментом с введением придаточных предложений, в которых употребляется сочетание связочного глагола to be с прилагательными.

1. What would Little Veronica not deserve after her long illness -> What would Little Veronica not deserve after she was ill.

2. Strickland was taken by surprise and he staggered, but he was very strong, even after his illness, and in a moment, he did not exactly know how, Stroeve found himself on the floor -> Strickland was taken by surprise and he staggered, but he was very strong, and even after he was ill... (Ср: It was for fear he should ever become Like Sam that Hugh had resolved to take a wife back to Wytaliba after he was ill. Mollie quessed-);

3. After his father's death he was the practical head of his family,... —> After his father was dead he was the practical head of his family... (Ср: Who got his money after he was dead? Asked Jane.).

Лексической базой темпоральной постериорной стативной синтаксемы служат абстрактные имена существительные, обозначающие чувства, состояния. Данная синтаксема также не имеет вариантов, выраженных местоимениями

Идея языковой личности была создана как идея междисциплинарного термина, в значении которого отражены взгляды философии, социологии и психологии. Это понятие также отражает состояние внутреннего мира человека.

Лингвисты считают, что языковая личность — это человек, который исследуется с точки зрения его способности осуществлять речевую деятельность. Другими сло-

вами, это особенности говорящего, позволяющие ему говорить и воспринимать речь собеседников.

Кроме того, языковая личность понимается как комплекс причин, которые влияют на речевое поведение человека, потому что человек использует язык для обмена идеями и мнениями с другими людьми. Это считается коммуникативной личностью.

Также исследователи часто описывают языковую личность как язык и его лексику, которая зависит от культуры и традиций страны, где носитель языка проживает. Лексика основывается на мнениях, традициях и ценностях страны.

Исследование языковой личности в настоящее время является одной из самых перспективных проблем лингвистики.

Таким образом, языковая личность — это человек, способный совершать речевую активность. Существует множество определений языковой личности, но все они включают в себя суждение о тесной связи между языковой личностью и речевым поведением.

Языковая личность включает в себя фонетические, грамматические и лексические особенности говорящего. Эти аспекты дают нам более полное представление об определенной языковой личности.

Кроме того, описание языковой личности говорящего включает в себя причины его речевого поведения. Мы не можем судить о языковой личности, не изучив причины особенностей речи.

В качестве одной из наиболее распространенных причин речевых девиаций выступает социальная среда, в которой находится говорящий, потому что большинство речевых привычек формируется под влиянием окружения.

И моя работа посвящена исследованию влияния социальной и культурной среды на фонетические характеристики говорящего.

Теперь рассмотрим понятие речевого портрета.

Речевой портрет — это языковая личность конкретного социального сообщества, воплощенная в речи. Его описание составляется со ссылкой на конкретный язык и индивидуальные особенности по трем основным компонентам: словарному запасу, содержанию и металингвистическому сознанию. При всем внимании к индивидуальности, ученые заинтересованы в основном в тех особенностях языка человека, которые несут в себе признаки социальной группы.

Идея речевого портрета была сформирована в лингвистике сравнительно недавно. Термин «фонетический портрет» стал импульсом для развития идеи «речевого портрета». Идея «фонетического портрета» была запущена М. В. Пановым в середине 60-х годов 20-го века, и он воплотил эту идею в фонетических портретах политических деятелей, писателей и ученых XIX—XX вв.

При создании фонетических портретов, ученый опирался на социальные характеристики лиц, такие, как принадлежность к определенным социальным слоям, имеющим признаки диалекта в речи, возраст, профессия и т.д. Несмотря на то, что каждый из портретов описывал

манеру произношения конкретного человека, он объединял индивидуальные и коллективные особенности, так как речь была отражением социальной среды говорящих.

Эти идеи были развиты и другими исследователями, которые поставили перед собой цель создать ряд социолингвистических портретов, которые отражали бы комплекс особенностей речевого поведения в зависимости от ситуации общения.

Таким образом, целостный речевой портрет языковой личности понимается как организованная структура, включающая в себя следующие компоненты:

- социально-психолингвистический портрет, включающий в себя социальные, психологические особенности и личные интересы и увлечения;

- особенности речевого портрета на уровне лексики человека: описание и анализ всех уровней языка;

- особенности речевой культуры, которые включают в себя коммуникативное поведение и своеобразие лексики.

Анализ речевого портрета представляет собой описание различных уровней реализации языковой личности, среди которых одним из ключевых аспектов являются фонетические особенности, в частности, интонационные характеристики личности: скорость речи, ее мелодия, способ приостановки, выбор слов и эмоциональную нагрузку. Речевой и фонетический портрет позволяет выделить особенности языковой личности и могут выявить принадлежность к определенной социальной группе.

Голос человека, будучи частью его образа, помогает создать целостное представление о личности, которое формируется под влиянием индивидуальных характеристик, диапазона голоса, его мелодии, эмоционального состояния говорящего, динамики, дефектов, влияющих на артикуляцию, а также ряда других факторов. Важно помнить, что оценка человека другими людьми, также зависит от социальных стереотипов речевого общения.

Ряд экспериментов, проведенных британскими социолингвистами, показывает, что значительная часть информации о личности говорящего зависит от восприятия его акцента. Географические данные, такие как место рождения и место жительства говорящего, имеют основополагающее значение. Социальные особенности речи в основном проявляются только на фоне региональных особенностей, что и доказывает влияние региональных особенностей речи на характеристики произношения, и в целом показывает тесную взаимосвязь особенностей речи с территориальными характеристиками. Известно, что чем выше социальный статус и уровень культуры, тем меньше в речи проявляются региональные особенности.

Принадлежность к определенному социальному классу, как к ограниченной группе людей, с привязкой к определенной социальной системе с иерархией взаимоотношений внутри и снаружи, оказывает существенное влияние на формирование типа речевого поведения, в том числе на произношение. Согласно Т. И. Шевченко, «социальная дифференциация произношения отражает социальную дифференциацию в обществе», а особенности

произношения связаны с образом жизни людей, поэтому акцент зачастую считается символом класса.

Подведем промежуточный итог: фонетическая сторона речи является очень важной единицей речевого портрета. И фонетические особенности, в основном, зависят от территории, где живет говорящий, от социальной группы, которая окружает оратора и его социального статуса.

Для практической стороны работы мы проанализировали видео файлы с участием королевы Елизаветы II и Элизы Дулиттл, главной героини музыкального фильма режиссера Джорджа Кукорома «Моя прекрасная леди», как представителей разных социальных слоев. Так мы смогли сделать вывод о влиянии социального окружения на фонетику говорящего.

В качестве материала для исследования речи королевы Елизаветы II мы использовали ее Рождественские Обращения 2014 года.

Мы изучили только фонетические особенности королевы. Известно, что в публичных выступлениях для королевы принято говорить на акценте «Received Pronunciation». Таким образом, фонетика ее речи основывается на нормах «Received Pronunciation».

«Received Pronunciation» — это акцент, который обычно используют британские аристократы. В настоящее время этот акцент не очень распространен, и на нем говорит лишь 3% населения Великобритании. Этот акцент также известен как «Королевский Английский». Студенты в Оксфорде и в других учебных заведениях Великобритании обучаются на этом акценте, потому что «Received Pronunciation» рассматривается как стандарт английского языка.

Для анализа мы протранскрибировали речь королевы. И в соответствии с транскрипцией мы смогли подытожить, что Елизавета II произносит некоторые звуки в очень демократичной манере, а некоторые звуки отличаются от норм «Received Pronunciation».

Например, когда Елизавета II произносит слово «man», она говорит [mɛn] вместо [mæn]. Можно также привести несколько других примеров:

- слово «city» она произносит как [sɪtaɪ] вместо [sɪti];
- слово «to» она произносит как [tju:] вместо [tu:];
- Елизавета II также часто смягчает звук [l] в словах: old, sculpture, London, left;
- Елизавета II часто меняет звук [ɪ] на дифтонг [eɪ]. Например, слово «simply» она произносит, как [sɪmpleɪ] вместо [sɪmplɪ].

Для более завершенного фонетического портрета мы также исследовали интонацию Елизаветы II.

И из полученных интонограмм, мы можем заключить, что интонация королевы соответствует правилам «Received Pronunciation».

Таким образом, проанализировав фонетические особенности речи королевы Елизаветы II мы можем заключить, что ее язык и акцент соответствует акценту людей высшего общества Великобритании. Это доказывает, что королева имеет благородные корни.

«Received Pronunciation» можно считать социальным акцентом, потому что он показывает социальный статус говорящего, как никакой другой акцент. Акцент королевы выдает лицо, принадлежащее к узкой социальной прослойке английской аристократии, которую можно назвать «элита элиты». Как правило, это социальная группа британских монархов.

Кроме того, мы проанализировали речь Элизы Дулиттл, главной героини музыкального фильма «Моя прекрасная леди» режиссера Джорджа Кукорома. Ее речь мы использовали как противоположность речи королевы Елизаветы II, потому что они являются представителями разных социальных слоев.

Сюжет фильма раскрывает нам историю женщины, которая была воспитана и жила в бедном районе Лондона. Ее имя Элиза Дулиттл и однажды она встречает профессора фонетики, который согласился исправить ее речь так, чтобы ее произношение соответствовало произношению леди.

В качестве примера мы использовали эпизод визита Элизы в дом профессора с целью попросить его научить ее правильно и красиво говорить.

Прослушав ее реплики, можно выделить некоторые нарушения норм «Received Pronunciation» (признанного стандарта произношения английского языка).

Например:

- Она часто пропускает звук [t] в конце слов. Например, она говорит [wɒn] вместо [wɒnt] в слове «want»;
- Кроме того, она пропускает звук [h]. Например, слово «have» она произносит как [æv] вместо [hæv];
- В ее речи звук [aʊ] превращается в [æ:], как в слове «hour», она говорит ['æ:ə] вместо ['aʊə];
- Элиза смягчает звук [l];
- Она изменяет звук [eɪ] на звук [aɪ], как в слове «lady», она говорит ['laɪdɪ] вместо ['leɪdɪ], слово «take», она произносит как [taɪk] вместо [teɪk], слово «pay», она произносит как [paɪ] вместо [peɪ] и т.д.;
- В ее речи звук [ə] почти не слышен;
- Звук [aɪ] она произносит, как [a: ɪ], как в слове «right». Она говорит [ra: ɪt] вместо [raɪt];
- Элиза также говорит «ain't» вместо «am not».

Такие изменения в речи характерны для диалекта кокни. Это жаргон района Лондона. И это показывает, что человек из низших слоев населения.

Из анализа интонации Элизы видно, что она говорит с восходящим тоном, чтобы привлечь внимание. Диапазон ее голоса очень широк, и переход от низа к верху осуществляется резкими скачками. Паузы между интонационными группами четко выражены: фразы произносятся быстро и почти на одном дыхании.

Иногда Элиза использует нисходящий тон, который демонстрирует уверенность в себе и даже тень назидания. Мы видим, что иногда она говорит в относительно низком диапазоне.

Скорость ее речи довольно высока, поэтому границы между синтагмами трудно различить, особенно в длинных предложениях.

Таким образом, речь Элизы Дулиттл, главной героини фильма «Мой Прекрасная Леди», обладает чертами разговорного языка. Эти черты сформировались под воздействием окружающей среды, которая окружает Элизу, и ее профессии. Все это нашло отражение в речи персонажа.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что социальный слой Элизы относится к низшему обществу. Фонетические особенности речи показывают нам, что она воспитывалась среди необразованных людей, и она сама стала необразованной. Кроме того, у Элизы очень низкий уровень культуры.

Проанализировав особенности речи королевы Елизаветы II и Элизы Дулиттл, мы определили их социальные слои и культурный уровень.

Как мы уже говорили ранее, королева Елизавета II говорит с акцентом под названием «Received Pronunciation». Ее фонетические особенности показывают нам, что она принадлежит к высшему обществу. Только лишь услышав ее речь, не зная, кто она, мы можем сказать, что это хорошо образованный человек с высоким уровнем культуры. Речь королевы правильна с фонетической точки зрения.

Акцент королевы выдает лицо, принадлежащее к узкой социальной прослойке английской аристократии.

Речь королевы показывает нам, что она живет среди людей высшего общества, хорошо образованных и умных.

Анализ речи Элизы Дулиттл показал нам, что среда, в которой она живет полностью отличается от среды, в которой живет королева Елизавета II.

Речь Элизы неправильна с фонетической точки зрения. Ее произношение позволяет нам понять, что она не является хорошо образованным человеком, и что она живет в обществе, которое имеет такой же низкий уровень куль-

туры. Особенности ее речи можно объяснить отсутствием образования и окружением необразованных людей, которые не знают фонетических стандартов.

Почти каждое слово в речи Элизы содержит неправильно произнесенные звуки (в соответствии с принятыми правилами «Received Pronunciation»).

Итак, в заключение можно сказать, что Элиза Дулиттл и Елизавета II принадлежат к разным социальным слоям, что отражается в их речи и произношении. Королева Елизавета II говорит в соответствии с правилами «Received Pronunciation», в то время как Элиза говорит на диалекте низшего общества. Так, условия жизни сильно влияют на произношение и интонацию людей.

В заключение мы можем сделать несколько выводов:

1. создание речевых портретов является относительно новым направлением в лингвистике;
2. среда, в которой живет человек, влияет на его речь и произношение;
3. речь человека может показать нам его культурный уровень;
4. фонетические особенности могут выдать социальное положение говорящего;
5. фонетические особенности могут рассказать нам о профессии оратора, об образе его жизни, привычках и даже месте жизни;
6. больше различий, чем сходств в сравнении выступлений представителей разных социальных слоев.

Различия в речи королевы Елизаветы II и Элизы Дулиттл, главной героини фильма «Моя прекрасная леди», можно объяснить различиями в их образовании, культурном уровне, профессиональной деятельности, социальном настроении, образе препровождения досуга и основных проблемах, с которыми они сталкиваются.

Литература:

1. Вострякова, Н. А. Коннотативная семантика и прагматика номинативных единиц русского языка — Волгоград, 1998. — 22 с.
2. Городецкий, Б. Ю. От лингвистики языка — к лингвистике общения // Язык и социальное познание. — 1990. — № 6. — С.39.
3. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. — М.: Издательство ЛКИ, 2010. — 264 с.
4. Китайгородская, М. В., Розанова Н. Н. Русский речевой портрет. Фонохрестоматия. — М.: Ин-т рус. яз. РАН, 1995. — 127 с.
5. Красных, В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность. — М.: Диалог-МГУ, 1998. — 264 с.
6. Крысин, Л. П. Речевое общение в условиях речевой неоднородности. — М.: Эдиториал УРСС, 2000. — 224 с.
7. Матюшкина-Герке, Т. И. и др. Английский язык: Учебник для первого курса филологических факультетов / Т. И. Матюшкина-Герке, С. П. Балашова, Н. Н. Броссе и др. — Издание 6-е. — М.: ГИС, 2001. — 527 с.
8. Николаева, Т. М. Социолингвистический портрет и методы его описания / Т. М. Николаева // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. Доклады Всесоюзной научной конференции. Часть 2. — М., 1991. — С.73–75.
9. Труфанова, В. Я. Речевой портрет говорящего на фоне интонационной системы языка / В. Я. Труфанова // Вопросы русского языкознания: сб. науч. ст. к юбилею Елены Андреевны Брызгуновой. — Вып. XI. Аспекты изучения звучащей речи. — М.: Изд-во МГУ, 2004. — С.197–213.
10. Шевченко, Т. И. и др. Фонетика современного английского языка. Теоретический курс: учебник для студ. лингв. вузов и фак / Т. И. Шевченко, Е. А. Бурая, И. Е. Галочкина. — М.: Издательский центр «Академия», 2006. — 272 с.

11. Peter Roach. English Phonetics and Phonology. A practical course. Second edition. — United Kingdom: the University Press, Cambridge, 1991. — 262 с.
12. Richard Ogden. An Introduction to English Phonetics. — Edinburg, 2009. — 208 с.

К вопросу о сложном предложении в современном английском языке

Айрапетян Анжелика Георгиевна, старший преподаватель;
Лысенкова Мария Валериевна, студент
Российский университет дружбы народов

На протяжении многих лет учёные изучают синтаксис в английском языке. Особое место в его исследовании занимает вопрос о сложном предложении. Как и другие языки, английский язык не может обходиться без использования сложных предложений, так как при помощи них человек может донести свою идею в полной мере до слушателя без потери смысла.

Согласно работе Блоха М.Я. «Теоретические основы грамматики» **«Предложение представляет собой цельнооформленную единицу сообщения, то есть такую единицу, посредством которой осуществляется непосредственная передача информации от говорящего к слушающему в процессе речевого общения»** [3, с.97].

Традиционная классификация предложений на простые, сложносочинённые и сложноподчинённые возникла в английской грамматике в середине XIX века.

Сложные предложения, в свою очередь, по виду связи частей, можно разделить на **сложносочинённые (compound)** и **сложноподчинённые (complex)**. Эта классификация остаётся общепринятой схемой для многих языков. Вид связи в сложносочинённом предложении — **сочинение**, в сложноподчинённом — **подчинение**.

В сложносочинённом предложении составляющие его части равны с точки зрения синтаксиса, т.е. ни одна из них не подчиняется другой: *We were watching TV and father was working.*

В сложноподчинённом предложении составляющие его части не эквивалентны с точки зрения синтаксиса. Например, если рассмотреть самый простой случай — предложение, состоящее из двух частей, одна из них будет являться условием для другой и присоединяться как придаточная: *I will give you money after I get paid.*

Любая классификация сложноподчинённых предложений основана на классификации придаточных частей. Согласно *принципу функциональности*, придаточные части следует классифицировать по аналогии с частями простого предложения, т.к. в иерархии структур простое предложение находится уровнем ниже, чем сложное. Речь идёт о том, что большинство типов придаточных частей выполняют те же функции, что и части простого предложения. Однако, эта аналогия не абсолютна, т.к. не существует такой придаточной части,

которая могла бы с точностью повторить специфический характер соответствующей части простого предложения [1, с.173].

1. Придаточные подлежащего (Subject clauses)

И хотя значение придаточного подлежащего определено не достаточно ясно, идея заключается в том, что придаточное подлежащего в сложном предложении выполняет ту же роль, как и подлежащее в простом.

Придаточные подлежащего выражаются при помощи *относительных* и *вопросительных местоимений*, а также слова *that*. Например:

That it will be difficult is absolutely clear.

What Jack did was very strange to him.

Причина называть придаточные такого вида придаточными подлежащего такова: если в предложении опустить придаточное подлежащего, то подлежащего не будет вообще. Таким образом, подлежащее придаточного занимает в предложении место подлежащего, отсюда и появляется его название [4, с.67].

2. Придаточные сказуемого (Predicative clauses)

Причина называть придаточные такого типа придаточными сказуемого заключается в том, что если в предложении опустить данную придаточную часть, оно останется незаконченным, т.к. после связующего глагола должно идти сказуемое, а его не будет [5, с.277].

Придаточное сказуемого выполняет функцию именительной части сказуемого, т.е. части, присоединённой к глаголу-связке. Глаголы-связки чаще всего представлены глаголом *be*, но бывают случаи использования *look*, *seem*, а использование других глаголов-связок зависит от ситуации.

3. Придаточные дополнения (Object clauses)

Придаточное дополнения не так легко определить и обозначить, в отличие от придаточных подлежащего или сказуемого. Если использовать тот же метод, что и с вышеописанными придаточными, т.е. опустить придаточную часть и проанализировать полученное с целью дать понятие придаточного предложения, это не приведёт к нужному результату.

Самый простой способ понять, что такое придаточное дополнение — рассмотреть случаи, в которых придаточную часть можно заменить существительным, которое в простом предложении выполняло бы функцию допол-

нения. Например, это можно применить к предложению типа: *She did what she had been asked to do.*

Если мы опустим придаточную часть *what she had been asked to do*, то получим незаконченное предложение *She did*, которое не имеет точного значения до тех пор, пока мы не добавим какое-либо слово, выполняющее функцию дополнения. Им может быть любое существительное, называющее всё, что может быть сделано, например: *She did her homework.*

Таким образом, мы приходим к выводу, что сходство в синтаксической позиции между предложенным *homework* и придаточной частью *what she had been asked to do* раскрывает причину называть эту придаточную часть придаточным дополнением [7, с.264].

4. Придаточное определения

Как и определение в простом предложении, придаточное определения в сложном предложении характеризует предмет, обозначенный ключевым словом части, через некоторые действия, состояние или ситуацию, в которую данный предмет вовлечён. Иногда эту характеристику и вовсе нельзя передать в точности в простом предложении лишь одним определением, в таком случае образуют сложное предложение с придаточным определением [8].

Придаточные определения подразделяются на **три класса**:

– **Ограничительное придаточное определения (Restrictive attributive clause)**

Данный вид придаточного определения расширяет некоторые характеристики описываемого объекта, указывает на индивидуальные признаки. Ограничительное придаточное определения выполняет только обозначающую роль, выделяя то, к чему относится в данной ситуации. [6, с.147]

Важным признаком ограничительного придаточного определения является тот факт, что описываемый объект используется с определённым артиклем *the*, что ещё раз указывает на то, что характеристика отделяет его от других объектов того же класса. Например: *The girl who is standing there is my sister.*

– **Классифицирующее придаточное определения (Classifying attributive clause)**

Классифицирующее придаточное определения передаёт такую характеристику объекта, которая причисляет его к определённому классу или группе. Описываемый объект употребляется с неопределённым артиклем. Например: *Children who were born in winter are hard-working.*

Если опустить классифицирующее придаточное определения, смысл предложения изменится или нарушится.

– **Описательное придаточное определения (Descriptive attributive clause)**

Описательное придаточное определения передаёт дополнительную характеристику описываемого объекта. Данный вид придаточного определения более независим, чем ограничительное придаточное определение, т.к. его

содержимое часто может быть выражено независимым утверждением, дающим некоторую дополнительную информацию об описываемом объекте, который уже достаточно обоснованно обозначен. [5, с.285]

Описательное придаточное определения может быть опущено, и это не повлияет на точное понимание предложения в целом. Такое предложение произносится с различной интонацией и чёткой паузой перед описательным придаточным определением, что является одним из различий между двумя данными классами придаточных определений — перед ограничительным придаточным определением такой явной паузы нет.

На письме же характерная пауза передаётся наличием запятой как до, так и после придаточной части: *The boy, who was dressed in the dirty clothes, began to speak.*

5. Обстоятельственное придаточное (Adverbial clause)

Придаточные обстоятельства составляют широкую область синтаксиса, которая подразделяется на множество подклассов и каждый из них обладает своей собственной спецификой, проблемами и сложностью анализа. Но не стоит воспринимать термин «обстоятельственное» в качестве прилагательного, образованного от слова «обстоятельство», но как синтаксический термин. [4, с.483]

Для того, чтобы выяснить, является ли какое-либо придаточное обстоятельственным или нет, сперва мы определяем, является ли данное придаточное придаточным дополнением или нет. Это также поможет выяснить, относится ли исследуемое придаточное к типу обстоятельственных, и если относится, то, что данное придаточное модифицирует. Сам метод заключается в опускании придаточной части в вопросе и анализе того, что было утеряно в ходе опускания и на что конкретно это действие повлияло. Если в некоторых случаях этот метод не удовлетворяет своими результатами, можно задуматься об иных методах исследования функций придаточных частей. [6, с.150]

Итак, вся система обстоятельственных придаточных подразделяется на 4 группы.

Первая группа включает придаточные времени и места (Clauses of time and place). Их общая семантическая основа обозначена как «*локализация*» (во временном и пространственном отношении).

Обстоятельственное придаточное места вводится в предложение относительным наречием *where, wherever* и фразами *from where, to where* и т.д. Например: *People were running from the place from where the sounds of explosions could be heard.*

Значителен ряд союзов, используемых для введения в предложение обстоятельственного придаточного времени: *when, whenever, while, as, before, after, till, until, as long as, as soon as, since, by the time, directly.* Этот вид придаточного используется чаще, чем обстоятельственное придаточное места.

Вторая группа обстоятельственных придаточных включает придаточное образа действия и сравнения (Clauses of

manner and comparison). Их общая семантическая основа обозначена как «оценка» [6, стр.151].

Эти два вида обстоятельственных придаточных не так просто различить. Иногда придаточная часть относится только к обстоятельному придаточному образу действия и не содержит никакого сравнения. Данный вид придаточного вводится в предложение следующими союзами: *as, as if, as though, that, the way*. Например: *You should do this work as best you can*.

С другой стороны, придаточная часть может четко представлять обстоятельное придаточное сравнения и не включать какого-либо указания на образ действия. Данный вид придаточного вводится в предложение следующими союзами: *as, than, as... as, not so... as, the... the*. Например: *My husband doesn't think about it as I do*.

Так как вопрос, является ли сравнение или образ действия ключевым пунктом, не может быть решён объективными методами, лучше сказать, что в таких случаях различие между двумя типами нейтрализуется. Это то, что заставляет нас объединять два типа в одну группу — «обстоятельные придаточные образа действия и сравнения». [5, с. 299]

Третья и самая многочисленная группа обстоятельственных придаточных включает в себя такие виды как придаточное условия, причины, результата, цели, уступки.

Обстоятельные придаточные условия (Conditional clauses) вводятся в предложение союзами *if* (наиболее часто используемый), *unless, provided/providing, suppose/supposing, on condition (that), in case (that)* и некоторыми другими. Классификация таких видов придаточных достаточно знакома [5, с.293]. Существует три типа главных типа придаточных условия:

1) *If you are at home, I will call you*. — выражает реальное действие, которое может произойти в настоящем или будущем.

2) *If she wasn't busy, she would help him*. — выражает выдуманную ситуацию, противопоставляемую реально существующим фактам в настоящем времени, также используется для того, чтобы дать совет.

3) *If John hadn't studied properly, he wouldn't pass his exams*. — выражает выдуманную ситуацию, противопоставляемую реально существующим фактам в прошлом, также используется с целью выражения сожаления или критики.

Также выделяют ещё один тип придаточных условия, с помощью которого выражается действие, которое всегда является правдой (законы физики и т.д.), например: *If you mix yellow and blue, you get green*.

Вводимые в предложение союзом *because* обстоятельные придаточные причины (Clauses of cause) указывают исключительно на причинные отношения: *Jane was very glad because she had received her brother's letter*.

Другие союзы, с помощью которых можно ввести в предложение придаточное причины — *as, since, for, now that*.

С союзом *for* связана особая проблема, заслуживающая внимания. Дело в том, что во многих случаях этот союз используется в предложениях наряду с *because*, и из-за этого можно предположить, что часть предложения с союзом *because* является придаточной, а часть с союзом *for* — равнозначной. Но в то же время существует значимое различие между двумя типами. Придаточные части с союзом *because* указывают на причину действия, выраженного в главной части. Они могут быть использованы отдельно в качестве ответа на вопрос “*Why?*”

Придаточная часть с союзом *for* не может быть использована таким способом. Причина в том, что такая придаточная часть является дополнительной мыслью к законченной части предложения. Более того, в некоторых случаях союз *because* нельзя заменить союзом *for*.

Таким образом, можно сделать вывод, что придаточные части с союзом *for* занимают промежуточное положение и различие между сочинительной и подчинительной связями нейтрализуется.

Обстоятельные придаточные **результата (Clauses of result)** также предоставляют повод для обсуждения. Сперва следует отметить, что термин «придаточное результата» не предполагает, что результат действия был заранее запланирован или данное действие было направлено именно на его достижение. Результат может быть достигнут без чьего-либо намерения. Это значит, что данный вид придаточных частей можно называть «придаточными следствия», но так как это понятие также относится к другим случаям, то мы используем термин «придаточное результата». [5, с.295]

Обстоятельные придаточные результата могут быть связаны с главной частью двумя способами:

1) Придаточная часть вводится союзом *that*, в то время как в главной части есть местоимение *such* или наречие *so*, связанные с данным союзом.

Her happiness was so great that she almost forgot about the pain.

2) Придаточная часть вводится союзом *so that*.

Jimmy has some problems, so that he is very busy now.

Как известно, придаточные цели (Clauses of purpose) вводятся в предложение союзами *that, lest* или фразами *in order that, so that*. Между этими двумя вариантами есть существенное различие. Придаточная часть, вводимая с помощью *in order that*, в полной мере характеризуется как придаточное цели, при этом не требуются другие идентификаторы [7, с.274]. Например: *Experts look through documents in order that they can find the solution of the problem*.

Обстоятельные придаточные **уступки (Clauses of concession)** выражают некоторые обстоятельства независимо от того, какое действие представлено в главной части предложения [6, с.152]. Очень важно различать следующие типы придаточных уступки:

1) Придаточные, дающие информацию об условиях, не зависящих от действия, выраженного в главной части предложения, или противопоставляемых ему. Например:

Although it is quite late, the neighbours are still listening to music.

2) Придаточные, дающие некоторую дополнительную информацию, которая ассоциируется с содержанием главной части. Идея уступки в таких случаях ослабевает. Например: *She sat down into the chair although her thoughts were full of anxiety.*

3) Придаточные с совпадением отношений. Такие предложения находятся на границе между подчинительной и сочинительной связями, а союз *though* может быть заменён союзом *but*.

4) Придаточные уступки, являющиеся более или менее независимыми синтаксическими единицами и обычно обо-

сбленные запятыми, двоеточием или точкой с запятой: *They like to gather on Sunday, although it isn't comfortable sometimes, and watch different films.*

Из всего вышесказанного следует вывод, что разные виды связи частей предложения помогают нам выражать мысли и намерения, уточнять причины, цели, уступки и т.д. Объединяя части предложения в одно, мы усложняем нашу речь, тем самым делая её полноценнее и красивее. Более того, в разных ситуациях предпочтительнее использовать те или иные приёмы передачи мысли, например, в отличие от разговорной речи, деловой язык среди прочих конструкций требует построение сложных предложений.

Литература:

1. Аракин, В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков: Учебное пособие.— М.: ФИЗМАТЛИТ, 2005. — 232 с.
2. Бархударов Л.С., Штелинг Д.А. Грамматика английского языка.— М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1960. — 422 с.
3. Блох, М.Я. Теоретические основы грамматики: испр.— М.: Высшая школа, 2002. — 160 с.
4. Вейхман, Г.А. Новое в английской грамматике.— М.: Высшая школа, 1990. — 128 с.
5. Ильиш, Б.А. Строй современного английского языка.— Л.: Просвещение, 1971. — 367 с.
6. Blokh, M.Y. Theoretical English Grammar. Seminars/ M.Y. Blokh, T.N. Semionova, S.V. Timofeyeva.— М.: Высшая школа, 2004. — 471 с.
7. Rayevska, N. M. Modern English Grammar.— К.: VYŠČA SKOLA, 1976. — 304 p.
8. Сложные предложения (Composite sentence): [сайт].— URL: http://englishfromhome.ru/grammar/composite_sent.php (дата обращения: 7. 03. 2015)

Сопоставительная характеристика категории рода в русском и английском языках

Айрапетян Анжелика Георгиевна, старший преподаватель;
Новикова Дарья Дмитриевна, студент
Российский университет дружбы народов

В русском языке категория рода является одним из основных морфологических признаков имени существительного. Выделяют четыре вида грамматического рода: мужской, женский, средний и общий.

Принято полагать, что нет никаких конкретных логических оснований для отнесения существительного к тому или иному роду. Однако это не совсем так. В частности, для одушевленных существительных русского языка: лица женского пола относятся к женскому роду, а лица мужского, соответственно, — к мужскому роду. Для тех, кому русский язык приходится родным, это является вполне очевидным. Тем не менее в качестве примера можно привести древнеанглийское слово *wifman* (женщина), которое принадлежало к мужскому роду, что достаточно трудно обосновать логически [1, с.52].

Также предметом дискуссии выступает тот факт, что в разных языках одно и то же существительное (т.е. имеющее одинаковое лексическое значение) может иметь

разный род. Опять-таки обратимся к древнеанглийскому и возьмем слово *steorra* (звезда) мужского рода, в то время как в русском языке это слово относится к женскому роду. Подобное расхождение можно объяснить различием мышления людей, которые являются носителями разных языков. Здесь имеет место культурный опыт предшествующих поколений, что говорит о разном отношении к одним и тем же понятиям у различных культур.

Итак, в русском языке каждое слово имеет свой определенный род. Для носителей языка распределение слов по роду осуществляется на интуитивном уровне (т.к. это закладывается у детей с самых ранних лет) и не вызывает каких-либо трудностей, за исключением слов, заимствованных из других языков. Однако подавляющее большинство людей, изучающих русский язык как иностранный, сталкиваются с проблемой при определении рода. Особенно это характерно для людей, в родном языке которых отсутствует четко выраженная категория рода. В таких

случаях возникает ряд вопросов, к примеру, почему слово *стол* мужского рода, а слово *тарелка* — женского. Как мы ранее заметили, это никак не поддается объяснению.

Тем не менее существует ряд закономерностей, по которым существительные можно отнести к тому или иному роду. Несмотря на большое количество исключений, слов, подчиняющихся правилу, все же значительно больше.

1. К мужскому роду относятся существительные:

— обозначающие лица мужского пола: *отец, гражданин, юноша, старец*;

— с основой на -й и твердый согласный, имеющие нулевое окончание в именительном падеже единственного числа: *ручей, паспорт*;

— с основой на мягкий согласный, а также на -ж и -ш, имеющие окончание -а (-я) в родительном падеже единственного числа: *конь, пляж*;

— слово *путь*.

2. К женскому роду относятся существительные:

— обозначающие лица женского пола: *внучка, гостья, девушка, ученица*;

— с окончание -а (-я) в именительном падеже единственного числа: *радуга, заря*;

— с основой на мягкий согласный и на -ж, — ш, имеющие окончание -и в родительном падеже единственного числа (слово *путь* — исключение): *тень, мышь*.

3. К среднему роду относятся существительные:

— имеющие окончание -о (-е) в именительном падеже единственного числа: *облако, сомнение*;

— оканчивающиеся на -мя (10 слов): *имя, время, племя, знамя, бремя, семя, стреля, темя, пламя, вымя*;

— слово *дитя*.

Однако как быть с такими словами, как, например, *мечель* (женского рода) и *тополь* (мужского рода), морфологическая структура которых в именительном падеже абсолютно одинакова? Стоит сказать, что в данном случае без словаря иностранцу однозначно не обойтись.

Приведем несколько примеров существительных общего рода: *недотрога, соня, невежа*. Как мы видим, данные слова, оканчиваются на -а (-я). Они служат для придания речи эмоциональной экспрессии и, как правило, употребляются в разговорном стиле. Для таких существительных род определяется в зависимости от ситуации. Так, если речь идет о лице мужского пола, то слово выступает в роли мужского рода (то же самое касательно женского рода).

Отдельно стоит сказать о существительных, которые обозначают должность или профессию: *судья, педагог, скульптор*. Преимущественно такие слова имеют мужской род. Однако они называют и лица женского пола ввиду того, что соответствующие формы женского рода в языке отсутствуют. В свою очередь, такие существительные, как *библиотекариша, кассирша, кондукторша*, образованные от мужского рода, употребляются в разговорном стиле речи и зачастую носят некий оттенок пренебрежения, что не дает этим словам широкого распространения.

Таким образом, рассмотрев такое языковое явление как род существительного, мы можем с уверенностью сказать, что данная грамматическая категория в русском языке имеет достаточно хорошо развитую систему.

Говоря об английском языке, повторим, что тема грамматического рода существительного представляет собой проблему для гендерной лингвистики. Основным признаком рода как грамматической категории является то, что существительное должно согласовываться с другими зависимыми от него частями речи (прилагательными; причастиями; порядковыми числительными; местоимениями; глаголами прошедшего времени, как, например, в русском языке). Но для английского существительного, лишённого морфологических средств выражения рода, это невозможно.

Однако вспомним, что так было не всегда. Авторы учебника «История английского языка» приводят массу примеров слов древнеанглийского периода, когда еще была развита грамматическая категория рода. Например, слово *saġu* (saġe — забота) было женского рода, *draca* (dragon — дракон) — мужского, а *eage* (eaġ — ухо) — среднего [2, с.100]. В современном английском все вышеперечисленные слова относятся к среднему роду, который передается местоимением *it*. В древнеанглийском языке на принадлежность роду указывали соответствующие флексии, которые окончательно исчезли во второй половине XVIII века. Ученые-лингвисты утверждают, что такое «отмирание» морфем произошло по чисто фонетическим причинам, т.к. окончания оказывались в безударном положении.

На сегодняшний день мнения лингвистов относительно наличия или же отсутствия категории рода в английском языке расходятся. Первые склонны считать, что данная категория в современном английском не представлена как таковая. Вторые говорят о том, что она все же имеется, однако эта категория отнюдь не грамматическая, а семантическая (т.к. лишь подразумевается говорящим). Наконец, третьи утверждают, что категория рода в английском языке является грамматической, несмотря на то, что в результате исторического развития она существенно редуцировалась.

Далее мы рассмотрим структуру категории рода имени существительного, предложенную профессором М.Я. Блохом. Итак, в современном английском языке принято выделять два основных подкласса, которые представляют собой оппозицию (т.е. две взаимоисключающие характеристики), формирующую категорию рода. Эти два подкласса существительного: личностный (person nouns) и неличностный (non-person nouns). По-другому в английском языке эти подклассы также называют: human nouns и non-human nouns [4, с.28]. Это ясно свидетельствует о том, что данная классификация основана на том, называет ли имя существительное человека или нет. Причем, казалось бы, здесь можно провести параллель с признаком одушевленности/неодушевленности в русском языке. Одушевленные имена существительные со-

ответствовали бы личностным, а неодушевленные — неличностным. Однако это не совсем так: в английском языке животные и даже дети возрастом до одного года (т.е. младенцы) относятся к подклассу неличностных.

В свою очередь, подкласс личностных существительных делится на имена мужского и женского рода (по биологическому принципу) и имена общего рода. Приведем несколько примеров:

– мужской род (masculine nouns): *man, father, Peter, waiter, landlord*;

– женский род (feminine nouns): *woman, mother, Julia, waitress, landlady*;

– общий род (common nouns): *parent, student, child, person*.

Что касается подкласса неличностных существительных, то все они представлены формой среднего рода вне зависимости от того, является ли имя существительное одушевленным или нет. Так, например, английское слово *baby* (младенец) принадлежит среднему роду и заменяется местоимением *it*. То же самое следует сказать насчет животных, которые в английском языке принято относить к неодушевленным. Тем не менее существует ряд исключений, которые мы в дальнейшем рассмотрим.

Итак, мы подошли к теме относительно способов выражения родовых отношений в английском языке. Для данной категории особое место занимает местоимение. Любое существительное должно соотноситься с одним из трех местоимений третьего лица единственного числа. Существительное мужского рода заменяется местоимением *he*, женского — *she*, и среднего — *it*. Из этого вполне лаконичного и легко усваиваемого правила есть свои исключения. Мы как раз рассмотрим эти интересные случаи, которые являются нормой традиционного литературного английского языка.

Как мы ранее обратили внимание, неличностные имена существительные составляют отдельный подкласс и имеют форму среднего рода. По этой причине, казалось бы, названия государств, а тем более транспортных средств, должны подчиняться этому правилу. Однако факт в том, что традиционно названия стран и некоторых видов транспорта заменяются местоимением женского рода *she*. С целью объяснить причины этого лингвист-педагог М.А. Колпачки прибегает к истории Английского королевства. Дело в том, что морской флот всегда играл важную роль в жизни этого небольшого островного государства, особенно во времена колониальной системы. Таким образом, далекая родина и сам корабль, служивший домом мореплавателю, отправившемуся в путешествие, имели для англичанина сакральное значение. Несомненно, олицетворение через женский род говорит о теплых чувствах людей к этим понятиям [3, с.49].

Наряду с Англией, другие страны также стали относиться к женскому роду, за исключением сложных названий (the United **S**tates of America, the Russian **F**ederation), в которых главное слово — имя нарицательное, а не имя собственное.

Что касается кораблей, то по аналогии с ними автомобили тоже стали употребляться в женском роде (Something is wrong with my car, I can't start **her**). Заметим, что в нейтральном контексте употребление местоимения среднего рода не будет являться ошибкой.

Отдельно следует сказать о животных в тех случаях, когда допускается замена на местоимения *he/she*. Это может происходить, если для говорящего имеет значение пол или биологические признаки животного. Так, например, о самке, вскармливающей молоком своих детенышей, мы скажем: *She is feeding her little ones*. Такая замена возможна также при желании индивидуализировать животное (т.е. подчеркнуть его способность мыслить и чувствовать) или передать привязанность хозяина к своему питомцу. Этот метод зачастую находит отражение в сказках и баснях, где персонажа необходимо наделить особым характером и манерой поведения.

Перечисленные нами примеры замещения существительного через местоимение относятся к грамматическим средствам выражения рода в английском языке. Наряду с ними также существуют и лексические средства. Перед тем, как перейти к их рассмотрению, вспомним, что данная категория представлена оппозицией женского и мужского рода. Причем, женский род находится в более сильном положении по отношению к мужскому роду. Это связано с тем, что форма женского рода образуется за счет мужского с помощью специальных для этого морфем. Наличие этих морфем и определяет сильную позицию женского рода. Заметим, что слово *woman* частично дублирует форму слова *man*. Поэтому большинство лексических средств создания гендерного модуля служат образованию именно женского рода от мужского, который является исходным.

I. **Гетеронимия** (т.е.разноименность) — способ, не имеющий явных средств выражения. Род существительного определяется биологически.

Например:

son — daughter (сын — дочь)

king — queen (король — королева)

gentleman — lady (джентльмен — леди)

horse — mare (конь — кобыла)

drake — duck (селезень — утка)

hen — cock (петух — курица)

II. **Словосложение** — сочетание основ слов. При этом одна из основ является гендерным маркером, т.е. содержит в себе ярко выраженное мужское или женское начало.

Например:

salesman — saleswoman (продавец — продавщица)

schoolboy — schoolgirl (школьник — школьница)

landlord — Landlady (хозяин — хозяйка)

manservant — maidservant (слуга — служанка)

headmaster — headmistress (директор — директриса)

male nurse — female nurse (медбрат — медсестра)

peacock — peahen (павлин — павая)

billy goat — *nanny* goat (козел — коза)

he-wolf — *she*-wolf (волк — волчица)

III. **Суффиксация** — процесс замены суффиксов, оформляющих существительные мужского рода (-og, — er), на суффиксы, характерные для женского рода (-ess, — ette, — ine, — ix), или же полное присоединение последних к исходной форме мужского рода.

Например:

actor — *actress* (актер — актриса)

waiter — *waitress* (официант — официантка)

director — *directrix* (директор — директриса)

conductor — *conductorette* (проводник — проводница)

hero — *heroine* (герой — героиня)

poet — *poetess* (поэт — поэтесса)

lion — *lioness* (лев — львица)

Литература:

1. Аракин, В.Д. История английского языка. — М.: ФИЗМАЛИТ, 2003. — 256 с.
2. Иванова, И.П., Чахоян Л.П. История английского языка. М., 1999. — 512 с.
3. Колпакчи, М.А. Дружеские встречи с английским языком. — Л.: ЛГУ, 1978. — 286 с.
4. Blokh, M. Y. "A Course of Theoretical English Grammar", M., «Высшая школа», 2000. — 383 с.

Испанские заимствования в английском языке

Айрапетян Анжелика Георгиевна, старший преподаватель;

Пронькина Ангелина Андреевна, студент

Российский университет дружбы народов

Изучение заимствований в различных языках представляет интерес для ученых, которые занимаются историей и лингвистикой. Одним из исследователей этого предмета был французский филолог А. Доза (1877—1955). Проблема заимствований стала актуальна в последние десятилетия, так как стала происходить активная разработка различных аспектов взаимодействия языков. Число исследований в данной области увеличилось, и как следствие, появились противоречия между объяснениями заимствований, которые сложились в XIX веке, и новыми представлениями о языковом процессе и структуре языка, которые распространились во второй половине XX века. Анализ данного явления всегда относится к изменениям в общественных отношениях, также это можно заметить на фоне сравнения социальных и культурных взаимодействий между разными народами, проживающими на одной обширной территории. Это явление может быть не связано именно с системой языка: сюда можно отнести процессы связанные с изменением слова и обогащение словарного запаса непосредственно заимствованием слов из других языков. Мир не стоит на одном месте, современные процессы меняются очень быстро во многих аспектах человеческой жизни, что проблема заимствований актуальна и на сегодняшний день, так как языковые явления несут в себе

Отметим, что при указании профессии мужской род является универсальным. Однако второй и третий способ гендерной маркировки удачно служит для обозначения лица женского пола, имеющего ту или иную профессию.

Итак, проведя параллель между русским и английским языками, мы постарались как можно больше узнать о таком явлении, как род имени существительного, и рассмотреть основные способы его выражения. Убеждение, что все неличностные существительные английского языка относятся к среднему роду, оказалось ошибочным. Как выяснилось, грамматическая категория английского существительного намного богаче, чем принято полагать. Тем не менее в английском языке данная тема проще для усвоения, нежели в русском, в изучении которого неоднократно придется прибегать к словарю.

дополнительную информацию об особенностях общения. Заимствование является результатом длительного взаимодействия языков с исторической точки зрения. Данный процесс интересен прежде всего тем, что он оказывает влияние на то, как устроена лексика определенного языка. Словарный запас человека обогащается, отображая в себе эволюцию общества. Языковой контакт является важным, но вовсе не главным требованием заимствования. Восприятие иностранных слов зависит от определенных социальных факторов. Такие факторы называются экстралингвистическими, так как они связаны не только с развитием общества, науки и техники, но и с изменением в процессах, не относящихся к лингвистической действительности. Но стоит не забывать, что существуют факторы, которые зависят от системы языка, то есть фонетические, морфологические, семантические и синтаксические признаки структуры. Испанские заимствования в европейских языки малочисленны. Наибольшее число испанских слов пришло в XVI — XVII вв. Заимствования XVIII века отражают культурные и коммерческие связи. Как правило, это книжные слова и экзотизмы. Экзотическая лексика — слова из малоизвестных языков, например, неиндоевропейские, которые употребляются для того, чтобы предать речи говорящего колорита.

Существует несколько способов заимствования. Одним из данных способов является «калькирование». Калькирование заключается в образование лексических единиц по образцу слова определенного языка путем дословного перевода значимой части. Следовательно калькирование подразделяется на лексическое и семантическое. Лексическое калькирование — это слово, образованное по иностранной словообразовательной модели, но из материала данного языка. Данный способ возникает в следствие точного перевода слова по частям: приставка, корень, суффикс. Семантическое калькирование — это заимствование переносного значения слова.

Говоря о заимствованиях, стоит сказать и о их типах. Существует два типа заимствования: способ усвоения заимствования и способ его проникновения в тот или иной язык. По способу усвоения выделяют устные и письменные заимствования. Устные заимствования больше характерны для средневековья, до появления письменных форм общения. Книжные заимствования — те слова или выражения, которые проникают в человеческую речь непосредственно через литературу. Отличительной чертой книжных заимствований является усиленная стилистическая окраска. Заимствования так же бывают непосредственными и опосредованными. Непосредственное заимствование — это слово, которое переходит из одного языка в другой путем взаимодействия двух народов через устную и письменную речи. Опосредованное заимствование — заимствование, которое происходит с помощью третьего языка. Иностраный язык часто был проводником для заимствований из различных языков, например, как, испанский для арабского. Также существует еще один очень интересный способ — ассимиляция значения. Это объясняется выделением новых значений местного слова, которое возникло под влиянием другого иностранного эквивалента. Очень редко, когда иноязычное слово входит в заимствующий язык с собственными значениями, как правило, сохраняется только одно значение, и, следовательно, слово определяется от первоначального определения. Заимствующий язык выступает не точным подражателем, так как он ограничивает значение данного слова.

В данной работе мною рассматриваются заимствования испанского языка, которые различаются по источникам и эпохе, к которой они относились. Появление испанских заимствований датируется к XV веку. Именно в данный период истории в Испании происходили значительные перемены. В ходе истории словарный запас европейских языков обогатился заимствованиями из испанского языка. В 1492 году Колумб открыл Америку, а к середине XVI века европейские языки стали пополняться испанскими заимствованиями в различных областях. В период с 1618 года по 1808 г. в европейские языки пришли слова, относящиеся к культуре и быту Испании, а также несколько заимствований, относящихся к военно-морской тематике. Самые ранние заимствования проявились в английском языке через французский. Испан-

ские слова заимствованы французским языком, так как Испания стремилась к расширению колониальных владений, а также к развитию торговых и политических отношений. Вот несколько примеров испанских заимствований: camarade, casque, escadrille, guitare, caramel, compliment, romance, serenade, jonquille etc. Некоторые слова являются арабского происхождения. Это отражает торговые отношения с Востоком и влияние восточной культуры. Например, cotton (англ.) — хлопок — старо-испанский от арабского языка — qutn или zenith (англ.) — зенит — старо-французский — cenith.

Арабизмы и берберизмы стали проникать в романские идиомы с момента мусульманского вторжения, то есть после 711 года. Следы влияния арабского языка можно найти в фонетическом, морфологическом аспектах, а также и в некоторых способах калькирования. Во время развития мусульманской Испании, классический арабский язык занял ведущее место в качестве научного и литературного языка. Но родным этот язык являлся только для ограниченного круга лиц. Старо испанский язык начал контактировать с арабским во время первого удачного прорыва Реконкисты. Это можно проследить в «Песнь о моем Сиде», где слово «Сид» является арабским заимствованием, что в переводе означает «господин». Из этого следует вывод о том, что влияние арабского языка было широким, но в корне арабский язык не изменил структуру европейского языка. В литературный испанский язык арабизмы также проникли в ходе торговых отношений, а позже и в результате военного контакта.

В первой половине XVI века в результате династических связей между Англией и Испанией, в Англии проживало определенное количество испанцев. Как следствие, англичане узнали определенные испанские слова, относящиеся к нравам и торговле. В качестве примера того времени, можно привести такие примеры: comrade (англ.) — товарищ — camarade (фр.) — comrade (исп.); mulatto (англ.) — mulato (исп.).

Испанские заимствования того периода классифицируются следующим образом:

1) Термины в сфере торговли: cargo (англ.) — груз — cargo (исп.); contraband (англ.) — contraband (исп.).

2) Обозначение предметов торговли: banana (англ.) — банан — banana (исп.); sacao (англ.) — какао — caca (исп.); potato (англ.) — картофель — patata (исп.); tomato (англ.) — помидор — tomate (исп.).

3) Слова, относящиеся к природным явлениям, растениям и животным: savannah (англ.) — саванна, луг — sabana (исп.); canyon (англ.) — ущелье — cañon (исп.); cockroach (англ.) — таракан — cucaracha (исп.).

4) Военные термины, которые образовались в результате испано-английских войн: armada (англ.) — военный флот — armada (исп.); galleon (англ.) — галеон — galleon (исп.).

Испания знаменита корридой. Существует целая наука, которая занимается изучением боя быков. В XIX веке словарь европейских языков пополнился большим количе-

ством терминов, которые относятся к корриде. Например, tauromachie — тавромахия (искусство боя быков), banderille — бандерилья (копье, украшенное цветными лентами, которое тореадор вонзает в загривок быка во время корриды). Большое количество испанских заимствований составляют существительные. Среди существительных большое количество существительных мужского рода. Среди данных существительных мужского рода, есть такие, которые в результате заимствования, не изменили своего значения, написания, ни также произношения. Как правило, такие существительные описывают жизнь Испании. Например, flamenco, toreador, sacao, gazpacho, sombrero.

Таким образом в ходе работы мною были изучены испанские заимствования среди европейских и арабского

языков. Данное исследование проводилось на основе толкового словаря современного испанского языка. В ходе данного исследования было выявлено большое количество косвенных заимствований, сфера их распространения. Также удалось выяснить, что многие заимствования относятся к экзотической лексике, которая в свою очередь подразделена на такие группы, как животные, растения, тавромахия, термины, которые относятся к культуре и быту страны. Но основе данного исследования можно сделать вывод, что лексика испанского языка проникла в европейские языки непосредственно через контакты с другими странами, такими как Франция, Англия. Также приток иностранной лексики обусловлен культурными и политическими предпосылками.

Литература:

1. Амосова, А. Н. Этимологические основы словарного языка. М., 1976. [217 с.]
2. Альтамира-Крева. История Испании. М., 1987. — т. 2. [546 с.]
3. Бонфанте Дж. Позиция неолингвистики // Звеглицев В. А. История языкознания XIX — XX вв. в очерках и извлечениях. М., 1964. [498 с.]
4. Гак, В. Г. Сопоставительная лексикология. М., 1977. [264 с.]
5. Ефремов, Л. П. Основы теории лексического калькирования. Алма-Ата, 1974. [191 с.]
6. Жлуктенко, Ю. А. Лингвистические аспекты двуязычия. Киев, 1974. [176 с.]
7. Крысин, Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке. М., «Наука», 1968. [888 с.]
8. Линник, Т. Г. Проблемы языкового заимствования // Языковая ситуация и взаимодействие языков. — Киев, 1989. [99—120 с.]
9. Сергиевский, М. В. Введение в романское языкознание. М., 1978. [278 с.]

Некоторые аспекты изучения лексических инноваций в современной лингвистике и психолингвистике

Али Людмила Зухировна, магистрант
Тверской государственной университет

Не было в истории лингвистики такого периода, когда вопрос о новых словах в языке обходили бы стороной. Эта тема всегда оставалась актуальной и злободневной, поскольку язык, как вечно живой организм, всегда преподносит новый материал для исследований.

В научный обиход термины «неологизм» и «неология» были впервые введены в 1801 году французским лексикографом Л. С. Мерсье в его словаре неологизмов. Однако, несмотря на появление отдельных работ, посвящённых вопросам пополнения лексического состава языка, неология (как совокупность неологизмов и как наука о них) не привлекала должного внимания лексикологов вплоть до 1960-х гг., в связи с чем основные положения и понятия теории не были достаточно глубоко разработаны.

Принято считать, что как особый раздел науки, неология появилась в конце 1960-х гг. Н. З. Котелова пишет, что «в некоторых странах существуют центры неологии,

занимающиеся научным исследованием неологизмов, вопросами культуры речи, стандартизации языка, организующие информационно-справочную службу» [5, с. 131].

Неологию можно считать научной отраслью, находящейся на стыке двух разделов — лексикологии и словообразования. Вопросами неологии в разное время занимались А. А. Брагина [1973], В. В. Виноградов [1977], Л. Б. Гацалова [2005], В. И. Заботкина [1989, 2009], А. В. Калинин [1978], Л. Ю. Касьянова [2009], Н. З. Котелова [1978], Л. П. Крысин [1989, 1996], Л. В. Рацибурская [2003], С. И. Тогоева [1998, 1999] и др. Под влиянием их идей сегодня интенсивно развиваются неология и неография.

Но, несмотря на большое количество работ, затрагивающих проблемы неологии, тем не менее она считается сравнительно новой лингвистической дисциплиной, с чем связан тот факт, что уже на протяжении многих лет иссле-

дователи констатируют отсутствие четкой дефиниции ее базовых понятий, что отражается в нежелательном терминологическом многообразии. В неологической терминосистеме, по подсчетам ученых, существует более тридцати наименований новых слов.

М.И. Тибилова полагает правомерным рассматривать неологизм как лексическую категорию, выступающую в качестве одной из разновидностей инноваций, включающих в свой состав новые факты на всех уровнях языка (фонетические, фразеологические, синтаксические и другие инновации) [12, с. 9].

Даже если мы обратимся к самому термину *неология*, то обнаружим, что он, во-первых, имеет не одно значение, а во-вторых, не является единственным. Так, С.И. Алаторцева отмечает у этого термина два значения: «1) наука о неологизмах; 2) совокупность неологизмов» [1, с. 10]. В свою очередь, Е.В. Маринова репрезентирует эти значения разными терминами и приводит синоним к термину *неология*: «В настоящее время *неологией* (реже *неологистикой*) называют относительно молодую в языкознании отрасль, которая изучает неологизмы. Совокупность неологизмов называется *неологией*, или *неологической лексикой*» [8, с. 243].

Англоязычные же источники вообще часто приравнивают понятия «neologism» и «neology». Например, «Collins English Dictionary» в статье «neologism» дает два определения:

1. a newly coined word, or a phrase or familiar word used in a new sense;
2. the practice of using or introducing neologisms [15].

Статья же «neology» отсылает к тому же определению. То же самое можно наблюдать и в «Webster’s New College Dictionary»: *neologism* — 1) a new word or a new meaning for an established word; 2) the use of, or the practice of creating new words or new meanings for established words [16]; и в «American Heritage Dictionary»: *neologism* — 1) a new word, expression or usage; 2) creation or use of new words or senses [14].

Как можно видеть из приведенных дефиниций, их значения не отличаются друг от друга. Данный факт может быть связан с тем, что, как отмечает, В.А. Гончарова, неология английского языка находится еще на начальном этапе развития. [2, с. 7]

К настоящему времени в современной отечественной лингвистике достаточно четко можно обозначить два вектора неологических исследований, взаимосвязанных друг с другом общим объектом исследования: собственно неология, ставящая целью анализ новых языковых явлений (лексикология неологизмов), и неография, нацеленная на адекватное отражение неологизмов в словарях (лексикография неологизмов).

С развитием и укреплением лексикографии неологизмов определился и круг проблем этой области, что позволило рассматривать ее как самостоятельную науку. Как отмечает С.И. Алаторцева, «неологическая лексикография, или неография, с этой точки зрения — наука об

особенностях проектирования и составления словарей неологизмов, о специфике нового слова, значения и словосочетания как объектов таких словарей. Кроме того, решение основных вопросов неологии (теории нового слова) было поставлено на научную основу в результате формирования эмпирической базы, созданной серией словарей новых слов» [1, с. 6].

Основными проблемами теории современной неологии признаются: «создание надёжной классификации и типологии словарей неологизмов, обобщение опыта работы по созданию словарей новаций разных типов, определение путей отбора и организации информации в пределах каждого словаря (методика работы неографа), а также проблемы, связанные с созданием автоматических словарей неологизмов, нелогических банков данных и т. п.». [3, с. 99].

Хорошо развита неологическая лексикография английского языка. Среди последних работ в области англоязычной неологии можно назвать следующие словари: Ayto J. «The Longman Register of New Words» [1990], J. Bloomsburry «Dictionary of New Words» [2000], «Longman Dictionary of Contemporary English with New Words Supplement» [2001], McKean E. «The Oxford Essential Dictionary of New Words» [2003], З.С. Трофимова «Dictionary of New Words and Meanings» [2006], «The Oxford Dictionary of New Words» [2006].

На протяжении долгого времени неологизмы рассматривались в рамках традиционной научной парадигмы. Эти традиционные исследования предполагали изучение неологизмов, прежде всего, в рамках структурно-семантического направления.

Основная цель работ, выполненных в рамках *структурно-семантического направления*, заключается «в описании новых фактов языка и речи, их структурно-семантической характеристике, определении способов образования и особенностей употребления, в классификации новообразований, в выявлении места неологизмов в системе современного русского языка, в определении того влияния, которое они оказывают на язык» [11, с. 13].

В последнее время в лингвистических исследованиях новой лексики *психолингвистическое направление*. Главным вопросом неологии в психолингвистическом аспекте является «раскрытие взаимосвязанных особенностей «нового слова» как единицы индивидуального лексикона в процессе функционирования этого слова в коммуникативной деятельности» [13, с. 89]. Ощущение новизны единицы номинации возникает у индивида на фоне всего комплекса переживаемых им впечатлений, как прошлых, так и настоящих, взаимоувязанных со всем опытом речемыслительной и иной деятельности [13, с. 100].

С развитием различных отраслей языкознания появляются новые подходы к изучению неологической лексики. Особое внимание следует обратить на лингвокогнитивный и лингвокультурологический подходы.

Лингвокультурологический подход к исследованию новых лексических единиц позволяет определить, как

в них воплощаются элементы культуры, новые реалии, важные в процессе межкультурной коммуникации.

Как отмечает Е. И. Марченко, «в настоящее время невозможно исследовать процесс неологизации без обращения к духовно-практической деятельности человека, без изучения той системы ценностей, общественно-политической культуры, которая оказывает значительное влияние на сознание индивида, на его мотивацию к созданию нового слова» [9, с. 148]. Глубже исследовать и понять сущность всех этих явлений способна только когнитивная лингвистика.

Когнитивный подход дает возможность установить способ представления знаний, который реализуется в особых семантических отношениях, выявить механизмы языковой репрезентации внеязыкового опыта, который необходимо материализовать в языковых структурах.

Когнитивное направление в неологии находится в стадии становления, формирования. Но лингвисты, работающие в этой области, полагают, что с помощью языка человек шифрует, накапливает, хранит, передает и дешифрует знания разного рода. Поэтому «когнитивисты» пытаются проанализировать структуры знаний, которые скрываются за неологизмами, и их влияние на языковую и концептуальную картины мира современного носителя языка.

Е. В. Пивоварова считает, что задача лингвокогнитивного и лингвокультурологического видов анализа новых лексических единиц — выявление взаимодействия собственно лингвистических, когнитивных и культурологических аспектов внутри слова. [10, с. 12]

Некоторые лингвисты рассматривают лексические новообразования языка в русле *когнитивно-дискурсивного подхода*, который уже довольно активно применяется в ряде современных когнитивных исследований языка. По мнению Е. С. Кубряковой, когнитивно-дискурсивный подход предполагает комплексный междисциплинарный характер исследования с учетом взаимодействия различных областей лингвистического знания [6, с. 12]. При изучении процесса порождения нового слова когнитивная составляющая данного подхода дает возможность выявить те типы знаний, которые участвуют в этом процессе, выявить стоящие за ними ментальные структуры, объяснить возможные пути вербализации осмысливаемого

понятия и т.д. Дискурсивная составляющая учитывает интенции автора, контекст, прагматическую направленность текста и т.д. Таким образом, когнитивно-дискурсивный анализ нового слова стремится дать наиболее полное описание объекта исследования.

Когнитивные и психолингвистические исследования неологизмов характеризуются *динамическим подходом* к проблемам неологии, формируя особый динамический аспект ее изучения. Согласно теории динамической семантики, языковая единица рассматривается как подвижный, динамичный конструкт. Языковое значение может строиться в контексте в режиме реального времени, а не из готовых стереотипизированных когнитивных моделей [4, с. 340].

В. И. Заботкина особую важность при исследовании новых слов и значений придает *функционально-прагматическому подходу*: «само появление нового слова диктуется прагматическими потребностями. Отправитель сообщения выбирает из наличного лексического репертуара то, что наилучшим образом выражает его мысли и чувства» [4, с. 13].

В начале XXI века появился ряд интересных исследований, в которых раскрываются различные аспекты неологии как перспективного направления современных лингвистических исследований. Среди них особенно актуальны: деривационный, стилистический, лексико-грамматический, функциональный и др. Перспективным является также исследование авторских новообразований, окказионализмов, потенциальных слов.

На современном этапе развития неологии как науки сугубо практическими являются следующие аспекты:

1. установление путей появления нового слова;
2. выявление причин его появления;
3. очерчивание прагматического контекста использования [7, с. 351].

Многоаспектность исследования неологизмов в современной лингвистике обеспечивает их достаточно полный и глубокий анализ. Обзор некоторых работ, посвященных исследованию неологизмов, показал, что в современной научной парадигме проблема изучения нового слова по-прежнему остается актуальной и требующей от исследователя новых нестандартных подходов к изучению этого явления.

Литература:

1. Алаторцева, С. И. Проблемы неологии и русская неография: Дис. д-ра филол. наук. – СПб., 1998. – 311 с.
2. Гончарова, В. А. Сопоставительный структурно-семантический анализ новообразований с элементом анти-/anti в русском и английском языках: автореф. дис. канд. филол. наук. – Майкоп, 2007. – 24 с.
3. Григоренко, О. В. Новые наименования лиц в современном русском языке. Словарные материалы. — Воронеж: Научная книга, 2009. — 517 с.
4. Заботкина, В. И. Новая лексика современного английского языка – М.: «Высшая школа», 1989. — 126 с.
5. Котелова, Н. З. Неологизмы // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1998. с. 131–132.
6. Кубрякова, Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения. — М.: Институт языкознания РАН, 1997. — 237 с.
7. Левицкий, А. Э. Горизонты развития неологии XXI века // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: Сб. в честь Е. С. Кубряковой. — М.: Языки славянских культур, 2009. — с. 350–361.

8. Маринова, Е. В. О сновные понятия и термины неологии // Языки профессиональной коммуникации. Мат. междунар. научн. конф. – Челябинск, 2003. – с. 243–247.
9. Марченко, Е. И. Когнитивные подходы к исследованию неологизмов // Вестник КРСУ. — 2013. — Том 13. — № 9. — с. 148–151.
10. Пивоварова, Е. В. Новая лексика немецкого языка периода объединения Германии: автореф. дис. канд. филол. наук. – М., 2007. – 29 с.
11. Попова, Т. В. Русская неология и неография. – Екатеринбург, 2005. – 96с.
12. Тибилова, М. И. Аббревиатуры-инновации: системно-описательный и линвопрагматический аспект: автореф. дис. канд. филол. наук. – Астрахань, 2011. – 21 с.
13. Тогоева, С. И. Новое слово: подходы и проблемы // Психолингвистические проблемы функционирования слова в лексиконе человека / Под общ. ред. А. А. Залевской. — Тверь, 1999. — с. 75–101.
14. American Heritage Dictionary // URL: <https://ahdictionary.com>
15. Collins English Dictionary // URL: www.collinsdictionary.com
16. Webster's New College Dictionary // URL: www.yourdictionary.com

О сопоставительном изучении фонетических особенностей фонемы [и] русского, узбекского литературных языков и хорезмского диалекта

Аллаберганов Бакварган Курамбаевич, кандидат педагогических наук, доцент
Ургенчский государственный университет имени Аль-Хорезми (Узбекистан)

Чтобы полностью представить сходства и различия между русской, узбекской литературной системами и хорезмской диалектной подсистемой гласных, нужно обратиться к данным акустико-артикуляционных особенностей фонем этих языковых систем.

Гласная фонема [и] функционирует в фонетико-фонологических системах русского литературного языка, узбекского литературного языка и его хорезмского диалекта.

Гласная фонема [и] в русском литературном языке с точки зрения артикуляции характеризуется следующим образом: кончик языка опущен и прижат к нижним зубам; по горизонтали средняя часть спинки языка продвинута; по вертикали средняя часть спинки языка сильно поднята к твердому небу, так что язык весь устремлен к передней части полости рта. Края языка прижаты к боковым зубам и захватывают также боковые края твердого неба. Губы слабо раздвинуты.

Таким образом, фонема [и] русского языка — звук переднего ряда, высокого подъема, недифтонгоидный, нелабиализованный.

В узбекском литературном языке гласная фонема [и], обладая теми же специфическими чертами, характерными для произнесения этого типа вообще, по своим артикуляционным и акустическим свойствам заметно отличается от аналогичной русской фонемы.

В узбекском литературном языке имеются два варианта фонемы: передний [и] и задний [ы].

По своим артикуляционным особенностям узбекское [и] занимает промежуточное положение между типичными представителями передних и задних звуков, то

есть артикуляция этого звука в значительной степени колеблется между типом [и] — передним и типом [ы] — задним [6, с. 125].

Передний вариант гласного [и] узбекского литературного языка в независимой позиции произносится сравнительно большим челюстным раствором, чем русский гласный [и], то есть русский гласный [и] более узкий звук, чем [и] узбекского литературного языка. Кончик языка при артикуляции узбекского литературного [и] не касается передних зубов, тогда как при артикуляции русского литературного [и] кончик языка упирается на нижние передние зубы. При произнесении гласного [и] узбекского языка степень продвинутости массы языка вперед (движение языка по горизонтали) сравнительно меньше, чем при русском литературном [и], то есть тело языка при произнесении русского [и] продвигается вперед больше и, следовательно, русский [и] — звук более переднего образования. Степень подъема передней части спинки языка (движение языка по вертикали) при произнесении узбекского литературного [и] относительно ниже, чем при [и] русского литературного языка. Зона высшего подъема языка при артикуляции узбекского литературного [и] занимает сравнительно более заднее положение, чем при русском [и].

Губы при узбекском литературном [и] нейтральны, тогда как при русском [и] слабо раздвинуты.

По своим акустическим свойствам гласный [и] узбекского литературного языка гораздо короче, чем аналогичный звук русского языка.

Таким образом, передний вариант гласного [и] узбекского литературного языка в сравнении с аналогичным

звуком русского литературного языка сравнительно заднего образования и менее высокого подъема.

При артикуляции заднего варианта (типа) узбекского литературного [и] раствор рта больше, чем при [и] русского языка; кончик языка, вместе с ним и все тело языка при заднем [и] узбекского литературного языка отходит назад; зона наибольшего подъема также сравнительно отодвинута назад; задняя часть спинки языка несколько больше, чем при переднем варианте [и] узбекского литературного языка и при русском литературном [и] приближается к задней стенке глотки. Корень языка несколько отодвинут назад. Спад спинки языка, в сравнении с сопоставляемыми звуками, начинается несколько дальше от передних вершин резцов.

Таким образом, фонема [и] русского литературного языка, в сравнении с передним и задним вариантами фонемы [и] узбекского литературного языка, более переднего ряда и высокого подъема. Фонема [и] — передний вариант узбекского литературного и является звуком средним между русским [и] и [ы].

Аналогичная гласная фонема хорезмского диалекта имеет существенные различия и от узбекского литературного [и], и от русского литературного [и]. При артикуляции гласного звука [и] хорезмского диалекта челюстной раствор открывается сравнительно меньше, чем при произнесении узбекского литературного [и], но чуть больше, при русском литературном [и], то есть гласный [и] хорезмского диалекта — более узкий звук, чем [и] узбекского литературного языка. Кончик языка при артикуляции узбекского литературного [и] не касается передних нижних зубов, тогда как при произнесении звука хорезмского диалекта чуть касается передних нижних зубов, но не упирается (не прижимается) как при русском литературном [и]; степень продвинутости массы языка вперед (движение языка по горизонтали) несколько больше, чем при узбекском литературном [и], но относительно меньше, чем при русском. Степень подъема передней части спинки языка (движение языка по вертикали) при произнесении звука [и] хорезмского диалекта несколько больше, чем при [и] узбекского литературного языка; зона высшего подъема языка при артикуляции звука [и] хорезмского диалекта находится в более заднем положении, чем при русском [и], несколько впереди в сравнении с узбекским литературным [и].

По своим акустическим свойствам гласный [и] хорезмского диалекта приближается к русскому [и], но чуть короче его, но вместе с тем он более долгий по сравнению с передним [ь], и с задним [ы] узбекского литературного языка.

Таким образом, гласный [и] хорезмского диалекта по своим артикуляционным и акустическим свойствам — звук средний между русским [и] и узбекские литературным [и].

В хорезмском диалекте употребляется краткий вариант переднего полудолгого [и] — звук [ь], который является более задним и более открытым, чем передний (основной)

вариант. Он напоминает передний вариант фонемы [и] узбекского литературного языка, но является звуком более высокого подъема и чуть более передним по ряду, чем сходный узбекский звук [ь], то есть при артикуляции данного варианта [и] хорезмского диалекта тело языка продвигается вперед больше, чем при произношении аналогичного звука узбекского литературного языка, но гораздо меньше, чем при [и] русского языка; подъем языка (движение языка по вертикали) сравнительно выше, чем при [ь] узбекского литературного языка, но заметно ниже в сравнении с русским [и].

По своей акустике этот вариант переднего [и] хорезмского диалекта дает слуховой эффект переднего [и] узбекского литературного языка, но чуть длиннее его, а в сравнении с русским [и] это значительно более краткий звук.

Вокалическая система хорезмского диалекта имеет фонему [ь], которая в транскрипции обозначается различным образом: то как [ь], то как [ы]. Данный звук — «самостоятельное звукопредставление гласного типа [ы] в составе своей звуковой системы» [5, с. 11]. Это не означает, что в хорезмском диалекте употребляется точно такой же звук, как и русский [ы]. По этому поводу, на наш взгляд, весьма убедительными являются слова академика В. В. Решетова: «Если более задний оттенок фонемы [и] = [ь] охарактеризован нами как акустически близкий к [ы], но русскому [ы] нетождественный.» [6, с. 138]. Данная фонема в хорезмском диалекте выступает как вполне самостоятельная фонема, тогда как в узбекском литературном языке — как задний вариант фонемы [и], а в русском языке аналогичная фонема вообще отсутствует.

Артикуляция этой фонемы совпадает с артикуляцией заднего варианта фонемы [и] узбекского литературного языка. Но задний вариант фонемы [и] узбекского литературного языка в сравнении с фонемой [ь] хорезмского диалекта — более широкий звук, т.е. раствор рта при его произнесении шире, чем при [ь] хорезмского диалекта; подъем задней части спинки языка к твердому небу сравнительно высокий, чем при [ь] узбекского литературного языка и зона высшего подъема спинки языка при [ь] хорезмского диалекта находится в более передней части в сравнении с аналогичным звуком узбекского литературного языка.

Таким образом, фонема [ь] хорезмского диалекта в отличие от заднерядного широкого [ы] узбекского литературного языка является заднерядным узким [1, с. 33].

По своей акустике звук [ь] хорезмского диалекта незначительно длиннее аналогичного звука узбекского литературного языка.

Звук [ы] в современном русском литературном языке имеет два варианта произношения: первый вариант — как гласный смешанного ряда, он отличается как от гласных переднего ряда, так и от гласных заднего ряда. При его произношении спинка (языка) оттягивается назад, вместе с кончиком языка и его корнем; по верти-

кали весь язык высоко поднимается к задней части твердого неба к передней части мягкого неба, кончик языка также приподнят к границе между верхними и нижними зубами [4, с. 81].

Второй вариант его произношения — это гласный заднего ряда продвинутый вперед, так как язык вместе с кончиком устремляется вперед и кончик не приподнят, а упирается в нижние зубы, но корень языка оттягивается назад к стенке глотки.

Губы в обоих вариантах нейтральны.

Задний вариант фонемы [и] узбекского литературного языка по своему звучанию приближается ко второму варианту русской [ы], например, «фонема [и] после глубоководнеязычных [к] и [г] произносится почти так же, как русский гласный [ы], однако гораздо короче, например: киргиз (киргиз), кизимиз (наша дочь) и т.п. Более похож звук [и] на русский гласный [ы] в словах гийбат (сплетни), кийшиқ (кривой) и т.п. [3, с. 26].

По этому поводу очень уместно привести мнение Н.Н. Дмитриева «... всякое [ы] ... тюркских языков отличается от русского [ы] тем, что оно более заднее и более нижнего подъема, чем русское» [2, с. 6].

Литература:

1. Абдуллаев, Ф.А. Фонетика хорезмских говоров. Опыт монографического описания огузского и кипчакского наречий узбекского языка. — Ташкент: Фан, 1967.
2. Дмитриев, Н.Н. Грамматика кумыкского языка. — М., 1970.
3. Киссен, И.А. Курс сопоставительной грамматики узбекского и русского языков. — Ташкент, 1979.
4. Матусевич, М.И. Современный русский язык. Фонетика. Учебное пособие. — М.: Просвещение, 1976.
5. Поливанов, Е.Д. Краткая грамматика узбекского языка. — Ташкент, 1968.
6. Решетов, В.В. Узбекский язык. Часть I. Введение. Фонетика. — Ташкент, 1959.
7. Юдахин, К.К. Некоторые особенности карабулакского говора. — Ташкент, 1957.

Собственные имена в ономастике немецкого языка

Ахмедова Гулшод Умарбоевна, преподаватель
Бухарский инженерно-технологический институт (Узбекистан)

Салимова Сарвиноз Фарходовна, преподаватель
Бухарский колледж экономики и банка (Узбекистан)

Немало курьезов таится в ономастике. Поскольку многие имена собственные возникли очень давно, этимология их затемнена. Словообразовательные и семантические процессы, лежащие в основе их возникновения, кажутся теперь необычными и немотивированными. Особенно примечательны те моменты словообразования и семантики онимов, которым нет прямых или количественных аналогов в словах нарицательных. Ср. обилие вариантов одного и того же имени собственного: от женского имени Elisabeth возникли Elisabeth, Elise, Else, Elsa, Elsi, Ilse, Ella, Elly, Elli, Li (e) sbeth, Li (e) sa, Li (e) se, Liesel, Lissi, Lia, Lilly, Lilli, Betti, Bet-

В хорезмском диалекте после отдельных заднеязычных согласных буквально в нескольких словах: ки: з (девушка), йақи: н (близко) и в аффиксах отдельных глаголов I лица единственного числа: сьгърнь ман сағи: н (давай-ка я подою корову); ми: хнь ман қақи: н (давай-ка я прибую гвоздь) — слышится звук близкий к русскому [ы], который в отличие и от русского, и от заднего варианта узбекского литературного [и] является более передним». Так как артикуляция [и:] в этих словах начинается с рекурсии предыдущего заднеязычного согласного, то под влиянием этого фактора он начинается с [ы] — образного элемента, но быстро переходит в [и:]. По этому поводу весьма уместна характеристика академика К.К. Юдахина: «гласный в словах къ: з и къ: н воспринимается моим ухом как скольжение от [ы] к [и], причем, едва заметное [ы] переходило в совершенно отчетливое и длительное [и]» [7, с. 10].

Таким образом, вышеуказанные факторы: позиционная обусловленность — употребление буквально в нескольких словах, и то в основном после заднеязычных [к], [г] и [х], позволяет нам сделать вывод о том, что фонема [ы:] = [и:^u] в хорезмском диалекте является вариантом фонемы [и:].

tina, Sissy; от мужского имени Johanne свозникли фамилии: Hanke, Haschke, Han (u) schke, Nuschke, Noske, Janke, Janicke, Jaschke, Jeschke, Jantsch (Kleine Enzyklopadie. Deutsche Sprache).

Форма производного слова бывает очень далека от прототипа (это видно из последних примеров). Ср. также: Uschi (Ursula), Elke (Adelheid), Egon (Eckerhard), Lola (Dolores); русск.: **Нюра** (Анна), **Муся** (Мария), **Дуся** (Евдокия), **Юра** (Георгий). Производные уменьшительные формы оказываются результатом комбинации усечения, аффиксации, паронимического преобразования, осуществляющихся в несколько ступеней, не ис-

ключая контаминации. Так, появление формы *Шура* объясняется: *Александр — Саша — Сашура — Шура*. Подобное явление существовало и прежде. Фамилии славянского происхождения, восходящие к антропониму Petrus, звучат Peschke, Peschek.

Примечательна тенденция к смене стилистического регистра диминутивных форм личных имен: KatjaParyla, Sonja Schoner, Willi Bredel, Rudi Conrad, русск. *Жанетта Яковлевна, Лиля Моисеевна, Неля Мункоевна*; гипокорестическое имя превращается в официальное, записываемое в паспорт и употребляемое в деловой среде.

Существуют и так называемые «лепетные имена» (Lallnamen), которые образуют маленькие дети, овладевающие языком, взрослые в обращении с детьми или по причине сюсюканья. Встречаются такие имена с простым повторением слогов: *Ляля* (Лена, Оля), *Тата* (Татьяна, Наталья, Тамара); с изменением гласного: *Боба* (Борис), *Кока* (Николай), *Гога* (Григорий), *Вова* (Владимир), *Леля* (Елена); с удвоением букв в ласкательных именах (не связанным с произношением — согласный не утрируется): Danni (Daniel), Ulli (Ursula), Luggi (Ludwig), Conny (Conrad).

Иногда сокращенное имя собственное закрепляет просторечное или разговорное произношение: *Питер* (Петербург), *Тома* (Тамара). Обычно сокращения имеют ту же денотативную отнесенность, что и целое слово. Для некоторых антропонимов созданы аббревиатуры, которые для своих денотатов не существовали: *Ревмира* (революция мировая), *Новомир* (новый мир), *Вилен*, *Владлен* (от имени В.И. Ленина) Новая номинация вызвана к жизни происходящими одновременно сокращением и переносом.

Чисто формальная ремотивация порождает номинации, семантически немотивированные. Это распространено для прозвищ: Lampe (Lamprecht), Вуфе (Вуфманн) Blessi (Bleßmann), Flori (Florian); ср. русск. *Петух* (Петухов), *Рыба* (Рыбин) *Крыса* (Крысин), *Серый* (Сергей). В отличие от обычных прозвищ, характерологических по своему назначению, эти производные смысловой нагрузки не несут и служат просто фамильярным синонимами отрицательного имени.

Совсем иное происходит с «именами говорящими» (pomenestomen — имя что-то говорит о своем носителе). Хотя в норме связь имени собственного с этимологическим значением — лишь исторически факт, она может иногда ощущаться и в известных условиях играть определенную роль. «Апеллятивное значение лексем, входящих

в состав имен собственных, тем тусклее, чем лучше известен денотат имени, и тем ярче, чем он менее известен». Встречая имя Пушкина или, Шиллера, (никто не думает о *пушке* или о глаголе schillern. Зато, встретив малоизвестное имя собственное, мы склонны ассоциировать его с внутренней формой. Мальчика по фамилии Ostermeier дразнят Ostereier. Учитель Helmut Kuckuck вынужден был сменить фамилию, медсестра Schmutzfink страдает от насмешек. Общеизвестен прием обыгрывания имен собственных не только в художественной литературе, но и в повседневной речи. Вот пример с «говорящими топонимами» Баварии:

„In Elend (Rosenheim) lebt es sich vermutlich nicht schlechter als in Paradies (Berchtesgadener Land). In der Hölle (Hof) ist es manchmal ebenso düster wie in Himmereich (Altötting) Während die Einwohner von Einfaltsberg (Cham) Schimpfhausen (Rottal-Inn) und Großmaulberg (Landsberg) wohl häufiger Spott ernten, könnteman mit den Bürgern von Armensee (Schwandorf), Langweil (Bayreuth), Hunger (Amberg-Sulzbach) und Sorg (Neustadt), Kummer (Altötting) und Jammer (Cham) Mitleid bekommen“. (Berliner Zeitung, 26.7.82)

В топонимике нередко прослеживаются случаи алогичной внутренней формы. Это бывает связано с метонимией. Метонимичность названия немецких городов достаточно типична. Здесь известны топонимы, получившие свое имя по крепости, по близости с которой располагался город Naumburg, Quedlinburg; по названиям горы: Heidelberg, Sonneberg; скалы: Wei-Senfels, поля: Saalfeld, сада: Stuttgart, моста: Saarbriicken, леса: Greifswald, долины: Wuppertal, устья реки: Tangermünde, болота: Weimar, гавани: Ludwigshafen, базара: Neumarkti т.п. По французскому образцу (с основами -plaisir, — repos) возникли Amalienlust, Karlsruhe. Острова, например, называются по озеру: Insel иHiddensee, по змеям: Pellworm, по отмели: MemmertSand. На метонимии построены названия не только городов, но целых местностей, районов: Mecklenburgназван по крепости, Uckermark — по древневерхненемецкому слову marga — граница (бывшая некогда пограничной областью), Oberpfalz — по дворцу (ahdpfalanza), Eichsfeld — по растительности (по дубам), Spree-wald — одновременно по реке и по лесу и т.п.

Из далеко неполного перечисления парадоксальных явлений видно, что они строятся на противоречии формы и содержания, на нарушении регулярных связей и зависимостей, на отходе от правил и на экстраординарной идиоматичности.

Литература:

1. Одинцов, В. В. Лингвистические парадоксы. — М., 1982.
2. Плакс, В. Х., Шаболдина Г. А., Марсакова А. И. Учебник немецкого языка. — Москва, 1978.
3. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного. — М., 1973. — с. 287.
4. Девкин, В. Д. Асимметрия означающего и означаемого // Коммуникативно-прагматический аспект предложения в немецком языке. — М., 1984.

Парадоксальные явления в лексике

Ахмедова Гулшод Умарбоевна, преподаватель
Бухарский инженерно-технологический институт (Узбекистан)

Парадоксальность не чужда и словообразованию с его идиоматичными конструкциями, построенными, как правило, на нарушении морфемной валентности, на комбинации разных возможностей создать слово, на контаминации, на использовании образности и паронимической модели (когда образцом, по которому «лепятся» лексемы, служит облик конкретного слова: *Horroroskop*, *inperbetriblich*, *Muse-Stunde*, *die lieben Krachbarn*). В словообразовании немало частных моментов, которые своей экстраординарностью нарушают упорядоченные логические отношения. Ограничимся несколькими примерами. Роль основного носителя значения в производных словах может переходить с корня на предназначенный скорее для модификации аффикс (или аффиксоид): *jm-nhinaus komplimentieren*, *anpöbeln*, *anschmauzen*, *die Stufen hinaufbeben*; *die Treppe hinauffallen*; русск.: *усидеть две бутылки*, *сосвистать всех-сюда*. Лексикализироваться, т.е. перейти в ранг самостоятельного слова может явление не-словесного уровня, например, превращение морфемы в слово: *Viele Ismen* in der Vorlesung machten sie schwerfällig. Diese Brief markens indaber *super* die Kontras, die Ultras; лексикализация множественного числа: *воды*, (курорт), *грязи* (лечение). Слова, кажущиеся состоящими из одних аффиксов (*MiSlichkeiten*, *Innung*), имеют корень в преобразованном виде. Аффикс может неожиданно занять не свойственное ему место: *Kinderchen* (суффикс стоит после показателя множественного числа); русск. *пешочком* неожиданно приобретает уменьшительность в позиции, где она невозможна (*пешком*).

Семантическая емкость многих сложных слов в немецком языке связана с тем, что некоторые элементы смысла не представлены в их компонентном составе:

Schneebereitschaft — ein Trupp zur Bekämpfung der Folgen von Schneefällen; *Feinbackerei* — *Bäckerei*, in der man feines Gebäck herstellt; *Weißnäherei* — *Näherei*, in der weißes Tuch genäht wird.

Этикетные курьезы. Противопоставление обращения *ты* — *вы*, обусловленное типом отношений (неофициальных — официальных), нарушается в случае обращения к богу, в официальном торжественном приветствии, в котором действует *Du*, или при неожиданном переходе на *Du* в языке рекламы, объявлений. Примеры:

Der Duft dieser Zigaretten bringt dich in den siebenten Himmel. Mit der Zahnpasta X bist Du um 10 Jahre jünger.

Врач, учитель, наставник, человек старшего поколения или чувствующий себя в несколько покровительственной роли может позволить себе обращение *Мы* с наигранным (а иногда и искренним) участием, сочувствием, подчеркиванием не безразличия, сопричастности: *Was macht unser Hals? Wie steht es mit unserer Aufgabe? Wir sind ganz schön*

groß geworden. Обращение *Ihr* к одному лицу просторечно и встречается лишь в некоторых диалектах: *Habt Ihr Euch gutter holt, Herr Meyer? Kannich Euch helfen, Frau Kunze?* В русской фамильярной речи встречается особая редуцированная форма существительного в функции обращения, невозможная ни в каких других синтаксических условиях: *Толь* (Толя), *Жень* (Женя), *тетя*, *а тетя\ пап* (папа), *а пап*. В языке XVIII века было распространено обращение к нижестоящим на *Er*, *Sie* (она): *Schweiger! Höre Sie!* По старинному русскому этикету требовалось, чтобы письмо, просьба, жалоба, направленные вышестоящему лицу, подписывались уничижительной формой: «*старостишка Ивашика Петров сын*» (А. В. Суперанская).

Атрибутивный компонент композита может соответствовать обстоятельственной характеристике трансформы: *Schnell strafe* — *Strafe*, *aufdermanschnellfährt*. Экзоцентрические композиты содержат лишь признаковую характеристику носителя, остающегося названным: *Trotzkopf*, *Blondschoopf*, *Bleichgesicht*, *Rotkehlchen*. То, что первые три из них относятся к человеку, а четвертое — к птице, не следует из их морфемной информации. Идиоматичные композиты также семантически сложнее, чем об этом можно заключить из их состава: *Schöngeist* — *эстет* (einer, der Sinn für das Schöne hat), а не *schooner Geist*; *Jung gazelle* — *холостяк*, а не *молодой работник*. Семантические связи между компонентами сложного слова эксплицитно не выражены, а лишь угадываются: *Oster reich reise* выражает локальное отношение, *Oster reise* — темпоральное с конкретизацией, когда совершается путешествие, а *Tages reise* — тоже темпоральное, но с указанием продолжительности; *Schiffsreise* — обстоятельственное, *Vergnügungsreise* — финальное. Ср.: *Fiebermittel* (средство от простуды) и *Appetitmittel* (для возбуждения аппетита). Определяется это только догадкой. Если для детерминативного словосложения типично предшествование определяющего компонента, то для некоторых топонимов порядок следования компонентов композита как бы меняется: *Berlin* — *Pankow*, *Leipzig* — *Mölkau*, и роль препозитивного определения заменяется подобием приложения (своеобразный *Appositionoid*).

Довольно часто имеет место плеоназм в словообразовании, когда семантика аффикса или аффиксоида дублирует семантику корня, особенно в словах иностранного происхождения:

Abfrottieren, *abpatrouillieren*, *abkonterfeien* *anvisieren*, *durchdiskutieren*, *herumflanieren*, *vorbeidefilieren*, *vordeterminieren*, *zusammen mixen*

Некоторые из них употребляются преимущественно в этой форме. Дуден 9 (1972) осуждает образования типа:

zusammenaddieren, zurückreduzieren, heraus- eliminieren, nachimitieren, durchfiltrieren, neurenovieren.

Тавтологичными бывают и производные слова: abschildern, abvermieten, anliefern, anmahnen, anmieten, absieben, absieden, absichern, abstai abtauen, davonfliehen, herabmindern, zusammen- brauen.

В оправдание их существования указать, что аффиксация расширяет грамматические возможности применения таких слов и привносит также некоторый дополнительный смысл.

Парадоксальные явления в лексике довольно часты и очень разнообразны. Остановимся лишь на некоторых из них. Много противоречивого и алогичного заложено в механизме внутренней формы слова, особенно в соотношении этимологического значения с денотативным. Когда это соотношение нулевое, как, например, в совершенно немотивированных корневых словах или когда денотативное значение полностью выводится из словообразовательного механизма и по сути дела совпадает с этимологическим, усвоение слова происходит легко и не в ущерб коммуникации. Значительно хуже, если мотивировка слова до некоторой степени понятна и ощутима» но с денотативным значением не идентична и связана с ним лишь по отдельным признакам. Такие слова, как Handtuch, Augenblick Ankleideraum или русские *скрипка, голубь, сосулька* слабо знающими язык могут быть осмыслены неверно. Случайно выхваченный объективный признак не исчерпывает сущности называемого понятия и допускает домыслы. Деориентирование может произойти только в первый момент знаки со словом. Как только условность обозначения становится ясна говорящему, опасность нарушения понимания исчезает. Парадокс асимметрии

этимологического и денотативного значения настолько массовое и обычное явление, что свойственные ему недоразумения быстро преодолеваются и не служат препятствием ни в процессе познания действительности, ни при обмене информацией. То, что, например, все абстрактные слова, происшедшие от конкретных (fassen, verstehen и т.п.), содержат какой-либо конкретный признак, не становится помехой. Противоречие формы и содержания легко преодолевается. Более того, явно парадоксальны образования Zitronen limonade, maschine geschriebenes Manuskript; в русском языке *красные чернила, цветное белье* и т.п., этимологическое значение которых кажется несовместимым с денотативным, входят составным элементом в сложный механизм языковых условностей, не мешающих общению.

Также не являются отрицательным явлением пережиточные этимологии, отражающие наивные (часто уже преодоленные) представления об объективной реальности die Jackewarmt (кофта всего лишь сохраняет, а не создает тепло), die Sonne geht auf undunter, im Himmel; русск.: *громоотвод, душа замирает, делать что-либо с душой* и т.п., а также этимологии, возникшие на недоразумении и ошибке (примеры встречаются в биологической номенклатуре):

Drehwurm, Hülsenwurm, Holzwurm, Mehlwurm, WurmmimApfel, Heerwurm, Weißwurm, Pfahlwurm, See (Meer) spinne, Grasmücke, Silberfischchen, Braunfisch (Meerschwein), Walfisch, Eulen, Seeigel, Stachelschwein, Meerschweinchen, Seekühe, Flußpferd, Seepferdchen, Heupferd, Walroß, See-Elefant, Ameisenlöwe, Füchse, Blattlauslöwe, Seelöwe, Meerkatze, Seehund, Seebär, BraunerBär, Seelilien, Seeanemonen, — moos, — nelken, — rosen (Kl. Enzyklopädie. Natur).

Литература:

1. Шелингер, Н. А., Клемент В. И. и др. Учебник немецкого языка. Москва, 1977.
2. Плакс, В. Х., Шаболдина Г. А., Марсакова А. И. Учебник немецкого языка. — Москва, 1978.
3. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного. — М.: 1973. — с. 287.
4. Девкин, В. Д. Асимметрия означающего и означаемого // Коммуникативно-прагматический аспект предложения в немецком языке. — М., 1984.

Challenges Faced When Teaching English for Specific Purposes

Ashurova Zavar Bobirovna, teacher
Bukhara engineering-technological institute

Ашурова Зевар Бобировна, преподаватель
Бухарский инженерно-технологический институт (Узбекистан)

English for Specific Purpose appeared due to the awareness that general English course was not suitable for the learners' need, especially in higher education. In the teaching of

ESP, the materials are focused on the learners' needs or their specific fields of study and it is assumed that they have basic language skills of general English. In this article there were analyzed some of the problems that arise in teaching English for Specific Purpose (ESP) in higher education.

Key words: *ESP, challenges, subject-specific approach.*

One of the characteristics or even a critical feature of ESP is that a course should involve specialist language (especially terminology) and content. In the majority of cases ESP teachers are not specialists in the students' professional fields. That is why the primary issue in ESP teaching is the struggle to master language and subject matter. Teachers find themselves having to teach with texts whose content they know little or nothing about. In addition, the ESP teacher happens to be the syllabus designer and is responsible for the teaching material and evaluation.

The basic problem in designing a topic syllabus is that the ESP syllabus designer is not a specialist in the specific area (e.g. engineering), consequently he/she is not capable of deciding by himself/herself which topics to include in the syllabus to provide the required terminology. It is also very difficult for him/her to arrange the topics in the most suitable order. Care should be taken that the ESP classes do not precede the topics in the special subjects, as the ESP teacher is not a subject specialist, this can lead to misunderstanding. Moreover, if a topic has already been discussed in the special subject, this motivates the learners and gives them confidence to communicate or discuss.

Another problem is the text selection and adaptation. Not being a specialist in the specific area, the ESP teacher cannot decide by himself/herself how to adapt the text that the most important information in terms of subject matter will remain. The decision has to be made about the texts: on the one hand, the texts must not be too difficult, because neither the ESP teacher, nor the students have such a high level of professional knowledge; on the other hand, the text must not be too popular, because some learners have some confidence in their professional knowledge, and if the text is too easy for them in terms of subject matter, they tend to underestimate it in terms of language as well. In order to avoid such demotivation, the text should contain some challenges which can activate the professional knowledge of the students.

The lack of close cooperation and coordination between content lecturers and the designers of the study programmes, is a problem that still exists. Content lecturers should have more responsibility for introducing students and training them in a particular discipline. Developing home assignment or oral examination tasks together with content experts could be a great help for ESP teachers.

Moreover, in the ESP course the students are expected to have at least an intermediate level of general English. In practice we have to deal with mixed-ability groups in terms of both level of language competence and professional competences. Some students are very good at English; other students are very good at professional areas (i.e., know carrier content very well but do not possess good command of English). The first group wants to practice their general English and is quite disappointed by the matter-of-fact style of technical English. For example doing tedious reading tasks about

the values of diodes may demotivate them for studying ESP. The group who feels confident in their professional field has much stronger motivation for studying ESP. Though if some of them do not have good knowledge of general English they would like to spend much more time studying grammar, revising tenses, articles, etc. If the English teacher is not competent in electronics and the learners are not competent in English and electronics how can they possibly communicate in the different aspects of the learning/teaching process? How can an ESP teacher cope with the issues he/she meets in his/her job?

Hutchinson and Waters (1987) provide part of the answer. ESP teachers do not need to learn specialist subject knowledge. They require three things only:

- A positive attitude towards the ESP content;
- A knowledge of the fundamental principles of the subject area;
- An awareness of how much they probably already know.

In other words, the ESP teacher should not become a teacher of the subject matter, but rather an interested student of the subject matter.

Nevertheless, some teachers are able to develop sufficient knowledge of a subject to teach confidently from the subject-specific texts. But even the most dedicated ESP teacher will realize that his knowledge of a subject has limits and may feel the need for closer cooperation with the subject teacher, perhaps developing a team-teaching programme.

Chen (2011) describes language pedagogy as the challenge of ESP in Taiwan. One main problem is the widespread opinion that there is no solid theoretical basis to support the teaching ESP. There were confrontations whether ESP should be viewed as a tool or a discipline, whether ESP should be considered a practical skill or knowledge capital and whether ESP instructors should be "insiders" or "outsiders". It is argued whether language teachers or subject teacher that should teach ESP. The paper concludes with the dilemma that differentiating ESP instructors into "language teacher" and "subject teachers" only continues the rigid power structures within the academic hierarchy.

Other study, for example the one conducted by Ho (2011), revealed that course designers and teachers encountered problems related to the design of the course, the task, assignments and the teaching methods. The researcher described the teaching ESP in a university in Hong Kong which emphasized on developing students' English communication skills needed in workplace and/or in academic setting. The students were expected to learn to write and engage in spoken activities related to a number of documents over a period of 13 weeks. They should learn for example how to conduct a meeting, write an agenda, minutes, a memorandum report, a letter and a technical proposal and give oral pre-

sentation. Due to the need to achieve so many learning outcomes in a short period, the problems arose.

The other problem in ESP is related to students' reading skill. A study conducted by Rezaei, Rahimi, & Talepaskan (2012) showed that mostly learners have problems in understanding the concepts of syntactic units in reading text. For example, they do not understand what is the concept of subordinate clause or passive forms. It has also been observed that they did not have problems in understanding the meaning so the researcher assumed that the learners have problems in the form of language. The research proved that the learners encountered problem in syntactic units. The problem arose due to the different structure of

English and Persian language.

Learners and their needs in higher education are also problems in the teaching of ESP. These problems are found in the study written by Suzani and others (2011). The data showed that the learners complained about several things. First, the inappropriate time of conducting ESP course which is offered in the lower semester. They thought they were not ready enough for the course. Second, the class was usually too crowded so the students could not concentrate on their study. Third, it concerned with inappropriate class hours.

It was claimed that class' hours were usually postponed. Fourth, summer course could reduce learners' motivation. It was due to the shortage of time and excess of specific materials. Fifth, the learners found incompatibility between their previous knowledge and ESP course they have. Sixth, most in ESP classes, the students were just required to memorize terminology. They feel frustrated for not applying them in authentic context. Seventh, the students stated that sometimes the teachers were unable to cope with unwanted problems of teaching ESP in their educational setting.

All these issues considered we reached the conclusion that, teaching of English for Specific Purpose is necessary in higher education due to the demand in academic setting or workplace later on. Teaching ESP means the teacher focuses the material to content of students' subject field or knowledge which should be run based on the needs analysis. This led to several problems in the teaching of ESP. There are five major problems found. First, it is related to teaching pedagogy. Second, it is concerned with the teachers. Third, the design of the material also becomes challenge in ESP. Fourth, it deals with students' ability which cover their basic knowledge about language use. The last is students' need which sometimes is not fulfilled by ESP course.

References:

1. Hutchinson, T., A. Waters (1987). *English for Specific Purposes: A learning-centered approach*. Cambridge: Cambridge University Press.
2. Chen, Y. (2011). The institutional turn and the crisis of ESP pedagogy in Taiwan. *Taiwan International ESP Journal*, 3 (1). 17–30.
3. Ho, B. (2011). Solving the problems of designing and teaching a packed English for specific purposes course. *New Horizon in Education*, 59 (1). 119–136.
4. Rezaei, A., Rahimi, M. A, & Talepaskan, S. (2012). Exploring EFL learners reading comprehension problems in reading ESP texts. *Sino-US English Teaching*, 9 (3). 982–987.
5. Suzani, S. M, Yarmohammadi, L. & Yamini, M. (2011). A critical review of the current situation of teaching ESP in the Iranian higher education institutions. *The Iranian EFL Journal*, 7 (6). 179–204.

Новаторство Теодора Драйзера — художника при создании нового женского характера

Ашурова Зевар Бобировна, преподаватель
Бухарский инженерно-технологический институт (Узбекистан)

«Сестра Керри» — первое крупное произведение классика американской литературы Теодора Драйзера. Это одно из наиболее реалистичных его произведений. Все основные персонажи романа воспроизведены Драйзером на редкость точно. Что можно сказать о героине романа? Никакой другой образ не таит в себе столько загадок, как образ Керри. Она — жертва того общества, в котором существует. Что отличает Керри, которая добилась признания зрителей и спокойной жизни, от той юной

девушки, впервые покинувшей свой городок, чтобы попытаться счастье в Чикаго? В свои восемнадцать лет она полна радужных надежд.

“She was eighteen years of age, bright, timid, and full of the illusions of ignorance and youth. Whatever touch of regret at parting characterized her thoughts, it was certainly not for advantages now being given up.”

Но как только Керри пытается начать самостоятельную жизнь, начинаются разочарования: устроиться

на работу очень трудно. В конце концов, Керри нанялась на фабрику. Она

«... and towards the last she seemed one mass of dull, complaining muscles, fixed in an eternal position a performing a single mechanical movement which became more and more distasteful, until as last it was absolutely nauseating...».

И лишь встреча с Друэ, «типичным коммивояжером крупного торгового дома», открывает перед ней другой мир. Он стал единственной надеждой на что-то светлое. Молодой человек держится с ней как друг. Друэ ничего от нее не требует. Мир тоски, страданий, нужды вынести было невозможно, и это подтолкнуло ее снять для нее квартиру. Так, шаг за шагом, происходит «падение» героини. Ведь настоящей любви к

Друэ Керри не испытывает. Вторая связь также оказалась непрочная. Когда Герствуд и Керри оказались вместе, его любовь к женщине, ради которой он столь многим пожертвовал, стала быстро гаснуть. Любовь же героини к нему с самого начала едва теплилась. Это чувство не выдержали борьбы за существование. Да, Керри сумела уберечь себя от горькой участи Герствуда. И даже завоевала успех. Но не за счет ли близкого человека? Ведь она видит, как беспомощен Герствуд, и все же обрекает его на одиночество. Трагично не только все случившееся с Герствудом.

“... Even then he stood there, hidden wholly in that kindness which is night, while the uprising fumes filled the room. When the odour reached his nostrils, he quit his attitude and fumbled for bed” What’s the use? “

Не менее грустна судьба Керри, почувствовавшей, что её работа далека от истинного творчества. В реальной жизни главная героиня лишена действительно больших человеческих чувств: любви, понимание. В конце романа она так и не познала счастья творческого труда. Несмотря на видимость удачи Керри: «В своей качалке у окна ты будешь мечтать о таком счастье, какого тебе никогда не изведать!».

В романе шесть женщин, чьи судьбы изображены более или менее полно. Это главная героиня, Керри, ее сестра Мини, миссис Герствуд, ее дочь Джессика, миссис Вэнс и артистка Лола.

Судьбе Мини в романе уделено несколько страниц. Кухня, мытье полов, штопанье одежды и уход за детьми — вот занятия Мини, и можно предположить, что, если ничего чрезвычайного в ее жизни не произойдет, все так и останется, только дети вырастут, и квартира, возможно, станет больше, если мужу удастся разбогатеть:

«drag of a lean and narrow life. The walls of the rooms were discordantly papered. The floors were covered with matting and the halls laid with a thin rag carpet. One could see that the furniture was of that poor hurriedly patched together quality sold by the installment houses.

В отношении динамики изображения судьбы женщин в литературе судьба Мини совершенно не примечательна, единственное отличие от бессловесных, добродушных, трудолюбивых женщин литературы прошлых времен,

возможно, заключается в том, что Мини изображена несколько более крупным масштабом, позволяющим воспринимать ее душевные колебания и неоднозначно оценивать ее действия.

Судьбу миссис Герствуд в чем-то можно назвать счастливой. Есть жизнь, есть борьба за жизнь, то она, безусловно, победитель.

Hurstwood’s residence could scarcely be said to be infused with this home spirit. It lacked that toleration and regard without which the home is nothing. There was fine furniture, arranged as soothingly as the artistic perception of the occupants warranted. There were soft rugs, rich, upholstered chairs and divans a grand piano, a marble carving of some unknown Venus by some unknown artist, and a number of small bronzes gathered from heaven knows where, but generally sold by the large furniture houses along with everything else which goes to make the “perfectly appointed house”.

Рожденные по любви красивые и здоровые дети, а также прибранное к рукам нажитое за время совместной жизни состояние мужа, то есть гарантия независимости и достойного существования, все это означает, что жизненная программа выполнена. Удачная (в материальном плане) выдача замуж Джессики очередной тактический успех, лишь подтверждающий правильность общей стратегии.

Однако если рассматривать образ миссис Герствуд с позиции динамики изображения женских судеб в литературе, ничего примечательного найдено не будет. Образ плоский, а не объемный, мотивы поступков лежат на поверхности, а что за ними, остается загадкой, прочем автор намекает, что внутри ничего, собственно, нет. Только стержневая и расчетливая женщина. Персонаж привязан к своей социальной роли, и ничего больше. Впрочем Герствуд, все же, персонаж второго плана и изображая ее столь урезанно, автор, возможно, просто не хотел оттенять главную героиню.

Джессика Герствуд изображена еще более примитивным существом, чем ее мать.

“In her seventeenth year Jessica had developed a certain amount of reserve and independence which was not inviting to the richest form of parental devotion. She was in the high school, and had notions of life which were decidedly those of a patrician. She liked nice clothes and urged for them constantly. Thoughts of love and elegant individual establishments were running in her head. She met girls at the high school whose parents were truly rich and whose fathers had standing locally as partners or owners of solid businesses. These girls gave themselves the airs befitting the thriving domestic establishments from whence they issued. They were the only ones of the school about whom Jessica concerned herself.”

Миссис Герствуд успешно присваивает нажитые другими состояние, при всей убогости ее активности она хотя бы что-то делает, Джессика же на протяжении романа ведет себя как музейный экспонат. Система ценностей миссис Герствуд сознательно принята и проверена

временем. У Джессики нет вообще никакой системы ценностей, ее жизненный ориентир — успешные музейные экспонаты из ее окружения. При этом совершенно отсутствует воля. Единственное стратегическое решение ее жизни (о замужестве) принимается матерью. К зарабатыванию денег и вообще к какому-либо производительному труду, судя по роману, Джессика не способна. К высоким чувствам, способным перевернуть жизнь, судя по всему, тоже. Данный образ, бездушной куколки-аристократки, не представляет собой ничего нового в смысле динамике женских образов в литературе. Возможно, роль Джессики в романе сводится к контрастированию с Керри, сверстницы, красавицы, со средним образованием и без специальности и определенных занятий. И каждая в конце романа получает то, к чему стремилась, причем исключительно благодаря случаю и природным задаткам.

Образ миссис Вэнс противоречив ее выше перечисленных “She seemed to have so many dainty little things which Carrie had not. There were trinkets of gold, an elegant green leather purse set with her initials, a fancy handkerchief, exceedingly rich in design, and the like.” Очевидно, что это женщина не глупая, не ограниченная, также отмечается наличие у нее определенных моральных качеств. Однако остаются неясными мотивы ее замужества за мистером Вэнсом. Это замужество подозрительно напоминает акт купли продажи. Также бросается в глаза экономически зависимое положение миссис Вэнс в семье. Она нигде не работает, и не владеет никакой специальностью, то есть ее благополучие зависит исключительно от благополучия и доброго расположения к ней ее мужа. В принципе, все это уже было в предыдущей литературе, т.е. образ миссис Вэнс не являлся на момент создания романа новым в галерее женских образов всемирной литературы.

Вышеперечисленные женские судьбы подчеркивают вторичность женщин в социальной жизни того времени. Без своих мужчин они ничто, даже миссис Герствуд при всей ее властности лишь перераспределяет в свою пользу произведенное другими мужчинами (мужем и отцом зятя).

Лола, подруга Керри — это уже независимая от мужчин женщина (независимая напрямую, косвенно она зависима, т.к. клиентами театра являются либо мужчины, либо женщины миссис Вэнс, которые ходят туда на мужские деньги) и женщина, откровенно не стремящаяся продаваться, даже на долгосрочной основе. Судьба Лолы —

своего рода предвестник освобождения женщин от экономической зависимости и достижения возможности творить свою судьбу (хотя пока и в довольно ограниченных пределах) и строит свои отношения с мужчинами на экономический равноправной основе.

Вышеперечисленные персонажи являются второстепенными героями романа, они изображены настолько, сколько было необходимо для раскрытия главного образа романа — Керри.

О Керри в романе даётся огромное количество информации, причем как о действиях, как и о внутренней, душевной жизни. Для понимания судьбы Керри ниже представлен социально — психический анализ ее личности, т.е. исследование ее общественной личной и внутренней жизни.

Общественная жизнь складывается из взаимосвязей и взаимодействие людей, не связанных отношениями родства, любви и дружбы. В случае Керри можно утверждать, что кроме последней четверти романа, когда она стала работать в театре не в какую общественную жизнь и социальную структуру она включена не было. Отработав несколько дней на производстве потеряв работу и не найдя новую она встретила Друэ и не работала после этого примерно четыре года. В эти четыре года Керри нигде не научилась. Не приобрела специальность, не занималась общественной деятельностью, не пыталась работать хотя бы для приобретения опыта или поддержание формы. Ее сравнительно успешный опыт выступление в любительском спектакле не может быть рассмотрен как начало профессиональной актёрской деятельности, поэтому же потому что, в общем, не о чем не говорит. Лишь последний четверти романа благодаря внезапно обнаруживающемуся таланту актриса Керри начала успешно работать и очень скоро заняла сравнительно высокое место в социальной структуре общества. Тревожным моментом здесь является отсутствие образование, что может стать препятствием в деле профессионального совершенствование, и вследствие чего со временем при появлении новых молодых актрис аналогичного уровня Керри рискует снова садится вниз, став в начале низко оплачиваемой актрисой, а потом лишиться работы и повторит судьбу Герствуда. Причем создается впечатление что жизнь ничему не учит Керри, т.к. как только появляется деньги и жизнь налаживается, она вместе повышение своего образовательного уровня и профессиональной классификации, то есть создания за деле и будущие расслабляется и в основном, мечтает о непонятном счастье.

Литература:

1. Драйзер, Т. Сестра Керри М., 1986 (перевод М. Волосова)
2. Засурский, Я. Н. Теодор Драйзер — писатель и публицист. М., 1957
3. Засурский, Я. Н. Литература США XX века. М., 1978
4. Засурский, Я. Н. Проблемы становления американской литературы. М., 1981
5. Урнов, Д. М. Литературное произведение в англо-американской «Новой критике». М., 1982
6. Dreiser Th. Sister Carrie. Moscow Foreign Languages Publishing House., 1953

Перевод средств выразительности в публичных выступлениях В. В. Путина

Блохина Наталья Александровна, студент

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого

Перевод ораторской речи является одним из самых сложных видов переводческой деятельности. В то же время, он является одним из наиболее интересных. Публичные выступления приковывают к себе внимание, а значит и перевод должен быть выполнен максимально качественно.

Устный перевод Комиссаров В. Н. определяет как «вид перевода, при котором оригинал и его перевод выступают в процессе двуязычной коммуникации в нефиксированной форме, что предопределяет однократность восприятия переводчиком отрезков оригинала» (с.98–99) [1]. Из данного определения можно понять, что трудность в устном переводе представляет именно то, что сопоставить перевод с оригиналом или исправить готовый вариант перевода после его выполнения уже не представляется возможным. По сравнению с письменным, он ограничен во времени — это связано с тем, что от переводчика ждут выполнения своих обязанностей спустя несколько секунд после окончания звучания оригинала.

Возможным затруднением для человека, выступающего в роли переводчика или посредника между людьми, говорящими на разных языках, станут средства выразительности. Они придают тексту яркость, образность и экспрессивность и призваны привлекать внимание. Следует отметить, что приемы могут различаться от языка к языку, а в некоторых культурах и совсем отсутствуют. Если для какого-либо из них не находится соответствия, то приходится пользоваться описательным методом при передаче информации. Связана данная трудность в равной степени как с самобытностью языков, условиями их развития, так и грамматическими различиями.

Для примера приведем некоторые расхождения русского и английского языков [2]:

- в русском языке присутствует грамматическая категория рода, которая может выражаться суффиксами, указывающими на половую принадлежность предмета; а в английском языке она имеет слабо выраженную категорию рода;

- можно проследить сходство идиом этих языков, что связано с тем фактом, что многие пословицы имеют Библейское происхождение. Различия же часто объясняются несоответствием реалий жизни народов, например «Not worth a bean (не стоить и боба) — гроша ломаного не стоить»;

- анализируя русский и английский языки, был сделан вывод, что русские предпочитают своего собеседника слышать, а англичане — видеть. Для примера рассмотрим обращение к человеку: носитель русского языка скажет «послушай», в то время как англичанин произнесет противоположное — “look”, а если собеседник оратора понимает, то он ответит “I see”.

Использование различных средств выразительности широко распространено в политическом дискурсе. Их цель — убедить аудиторию, воздействовать на нее, чтобы добиться желаемого отклика. Вот лишь некоторые из них:

- сравнения, то есть уподобления одних ситуаций или предметов другим (*поток людей, словно река, массово покинул страну*);

- метафоры — уподобления на основе схожести предметов, иногда приходящие из спорта или экономической сферы (*догнать и перегнать конкурента*);

- инверсия — намеренное нарушение порядка слов. Именно инверсия привлекает внимание слушателя, обращая его внимание на те смысловые отрезки, которые автор хочет выгодно подчеркнуть (*идет счет на миллионы*);

- Повтор и параллелизм — фигуры речи, состоящие в повторении одного слова или одинаковом расположении элементов речи в рамках предложения или текста. Они помогают акцентировать внимание на нужных высказываниях, вытащить на передний план новую мысль (*да, это сложная работа; да, это длительная работа*);

- Довольно часто встречается такой прием выразительности, как риторический вопрос. Он служит для выстраивания диалога между оратором и слушателями (*спрашивается, ради чего выстраивать политические отношения на военных конфликтах?*).

Перевод ораторской речи на самом высоком уровне, то есть на уровне государственных деятелей, является очень серьезной задачей даже для квалифицированного переводчика. Каждое слово интерпретатора должно быть продумано, а также точно передано в переводе. В этом заключается сложность перевода образных выражений, ведь не всегда в языках можно отыскать эквиваленты. Не найдя их, стоит придерживаться описательного метода, однако при таком подходе часть глубинного смысла, заложенного в сообщении — его прагматики — будет потеряна, а значит и тот коммуникативный эффект, который вкладывал автор, попросту не дойдет до слушателя.

Рассмотрим подробнее передачу средств выразительности в переводе речей, облетевших газеты всего мира, и выбрали объектом нашего исследования публичные заявления Президента РФ Владимира Владимировича Путина.

Обращение Президента РФ к Государственной Думе и Федеральному Собранию по поводу присоединения территории полуострова Крым и города Севастополя к России два года назад привлекло всеобщее внимание. Мы проанализируем некоторые моменты, которые невозможно представить трудности в переводе этой исторической речи [3].

1. «Для нас важно другое: это решение [передача Н. С. Хрущевым территории Крым Украине] было принято с очевидными нарушениями действовавших даже тогда конституционных норм. Вопрос решили *культурно, междусобойчиком*». В представленном отрывке демонстрируется экспрессивная, разговорная лексика. Наш вариант перевода: “The decision was made *behind the scenes in the group of influential acquaintances*”.

2. «Российское государство, что же оно? Ну что, Россия? *Опустила голову и смирилась, проглотила эту обиду*», — оратор использует прием олицетворения словно оживляя страну, представляя ее в виде единого организма, совокупности всех жителей, проживающих на данной территории. Предлагаемый перевод: “What about the Russian State? What about Russia? *She hung her head humbly and swallowed the offence*”. Можем сравнить наш перевод с вариантом, опубликованном в The Washington Post: “And what about the Russian state? What about Russia? *It humbly accepted the situation.*” В данном варианте фразеологический оборот не был отражен, что уменьшило эффект олицетворения [4].

Рассмотрим также выступление В. В. Путина на пленарном заседании юбилейной 70й Генеральной Ассамблеи ООН [5]:

3. «Ялтинская система была действительно *выстрадана, оплачена* жизнью десятков миллионов людей, двумя мировыми войнами, которые прокатились по планете в XX веке...». Данная метафора, содержащая черты олицетворения, призвана убедить слушателей в важности Ялтинской системы. “The Yalta system was actually *born in travail. It was won at the cost* of tens of millions of lives and two world wars, which swept over the planet in the XX century”.

4. «Мы все знаем, что после окончания «холодной войны» — *все это знают* — в мире возник един-

ственный центр доминирования». Применение повтора акцентирует внимание на факте, который, с точки зрения говорящего, не подлежит сомнению, в чем он и убеждает аудиторию. “We all know that after the end of the Cold War — *everyone knows that* — a single center of domination emerged in the world.”

5. «И тогда у тех, кто оказался на вершине этой пирамиды, возник соблазн думать, что если они такие сильные и исключительные, то лучше всех знают что делать. А следовательно, не нужно считаться и с ООН, которая зачастую, вместо того чтобы автоматически санкционировать, узаконить нужное решение, только мешает, как у нас говорят, *«пугается под ногами»*. Передача фразеологических оборотов, как мы уже говорили, очень сложна, ведь не всегда можно найти эквиваленты, но мы предлагаем собственный вариант перевода этого оборота, применяя описательный метод: “*stands in the way and hinder*”.

6. «*Поставщиком рекрутов* является и Ливия, чья государственность была разрушена в результате грубого нарушения Резолюции № 1973 Совбеза ООН». Метафора, пришедшая из экономической сферы, может быть переведена на английский язык и дословно, однако The Washington Post предпочитает отойти от этого и дает вариант, близкий по смыслу: “*Many recruits also come from Libya, a country whose statehood was destroyed as a result of a gross violation of the U. N. Security Council Resolution 1973.*” [6].

Рассматривая данные примеры, мы убедились, что средства выразительности широко используются ораторами в публичных выступлениях. Мы также проанализировали разные способы передачи этих приемов в устном переводе. Учитывая эти способы, профессиональные переводчики должны выбирать самый подходящий вариант в процессе перевода, который не будет противоречить оригиналу.

Литература:

1. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (Лингвистические аспекты). — М.: Высшая школа, 1990. — 253 с.
2. Сходства и различия в языках // СКОДис. URL: scodis.com/?q=ru/content/сходства-и-различия-в-языках (дата обращения: 23.03.2016).
3. Обращение Владимира Путина по итогам референдума в Крыму // youtube.com. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=mhrPXMQUUNBA> (дата обращения: 22.03.2016).
4. Transcript: Putin says Russia will protect the rights of Russians abroad // The Washington Post. URL: https://www.washingtonpost.com/world/transcript-putin-says-russia-will-protect-the-rights-of-russians-abroad/2014/03/18/432a1e60-ae99-11e3-a49e-76adc9210f19_story.html (дата обращения: 22.03.2016).
5. Владимир Путин выступил на 70-й сессии Генассамблеи ООН // youtube.com. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=wtP5IEHhfq8> (дата обращения: 22.03.2016).
6. Read Putin’s U. N. General Assembly speech // The Washington Post. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2015/09/28/read-putins-u-n-general-assembly-speech/> (дата обращения: 22.03.2016).

Альтернативная биография Уильяма Шекспира и Кристофера Марло в елизаветинской дилогии Энтони Бёрджесса

Галахова Анастасия Алексеевна, аспирант
Южный федеральный университет

Елизаветинская дилогия Энтони Бёрджесса включает в себя романы, которые преподносятся автором как жизнеописания двух величайших писателей английского Возрождения — Уильяма Шекспира и Кристофера Марло, судьбы которых оказались напрочь переплетены в связи с обсуждением так называемого «Шекспировского вопроса».

Шекспировский вопрос — это вопрос об авторстве, мучающий не одно поколение исследователей и литературоведов. Тот факт, что человек по имени Уильям Шекспир (Шакспир) действительно существовал, неоспорим и документально подтверждён. Однако споры вызывает другое — кому же на самом деле принадлежат пьесы Шекспира: Шекспиру из Стратфорда или же человеку, взявшему имя Уильяма Шекспира? Среди возможных претендентов на авторство называют и Кристофера Марло, чья малоизвестная жизнь и загадочная смерть позволяют сделать подобное предположение.

Бёрджесс действительно вводит Шекспира в роман о Марло «Мертвец в Дептфорде», но избегает при этом привязки к какой-либо версии касательно авторства шекспировских пьес. Напротив, он разделяет фигуры драматургов, а Шекспир и вовсе играет незначительную роль в «Мертвце в Дептфорде»: *«Новые люди. Тулер, Остлер, Алекс Кук, Дикки Робинсон. Один недавно прибыл из деревни и пробует себя — Шогспоу, или Шегспир, или что-то в этом роде. Что-то происходит за вашей спиной»* [2, с. 255].

Беря за основу цепь из известных фактов о жизни двух писателей, Бёрджесс создает полную картину жизнеописания, наполняя ее новыми событиями и персонажами, которые сопровождают писателей на протяжении их жизни.

Такое смещение интереса писателя с известных фактов на наиболее спорные и сомнительные стороны жизни творческой личности позволяет отнести дилогию Бёрджесса к такому жанровому ответвлению постмодернистской биографии как альтернативная биография.

Роман «Влюбленный Шекспир» (в оригинале «Nothing Like the Sun: A Story of Shakespeare's Love Life», которое следовало бы перевести как «На солнце не похожи: История любовной жизни Шекспира»), написанный Бёрджессом за 29 лет до романа о Кристофере Марло, впервые был прочтен в форме лекции, в таком же виде и вышел в издательском варианте, в то время как роман «Мертвец в Дептфорде» датируется 1993 годом и был издан посмертно.

Оба произведения являют собой примеры литературной биографистики, чьей главной проблемой является

совмещение документального и художественного начал, факта и вымысла в текстах биографического характера. С одной стороны, биография является исследованием особого рода: как известно, биографический метод играет огромную роль в литературоведении, истории, герменевтике, в то же время биография часто допускает большую долю вымысла и художественной фантазии. По мнению Е. В. Ушаковой «для постмодернистской биографии характерны стремление переосмыслить устоявшиеся образцы и концепции, открытая оценочность и субъективность в интерпретации биографического материала, тенденция к дегероизации. Современным биографиям свойственны усиление доли вымысла, повышенная степень саморефлексии (например, в одноимённой биографии Диккенса Питера Акройда и в романе Джулиана Барнса «Попугай Флобера» можно найти пассажи-рассуждения о самом жанре биографии). В постмодернистской биографии усиливается игровое, пародийное начало, высвечивающее традиционные ‘пробелы’, пропуски в жизнеописании персонажа («Мильтон в Америке» П. Акройда)» [4].

Учитывая то, что романы Бёрджесса являются постмодернистскими, мы можем сказать, что автор следует традиции постмодернистской биографии в отказе от идеализации устоявшегося образа, в частности, образа Шекспира. Мы наблюдаем разрушение стереотипа. В справочной статье дополнительного (девятого) тома «Краткой литературной энциклопедии» указано: «Бёрджесс движется по линии поисков «антигероя» — в пародийно-разоблачительной «контрбиографии» У. Шекспира «Со всем не солнце» («Nothing like the sun», 1964)».

Сам Бёрджесс в предисловии книги «Шекспир. Герой и его эпоха» говорит: «Но все уже порядком устали восхищаться ассонансами и концовками строк Шекспира, устали восторгаться современностью его философии и глубиной проникновения в человеческую душу» [3]. И ещё одна любопытная цитата из этой книги: «В обеих работах большая доля вполне достоверных фактов, но в них и немало предположений, а равным образом и несколько находок, которые не имеют никакого обоснования. Представляемая читателю книга также содержит догадки, аккуратно предваряемые фразами вроде: «Вполне могло случиться...» или «Возможно, приблизительно в это время.»..., и они отнюдь не претендуют на научные открытия» [3].

Бёрджесс в своём романе обращается к первой половине жизненного пути великого мастера Уильяма Шекспира — основное повествование датируется 157?-1587 и 1592—1599, то есть до написания «Гамлета» и лучших

трагедий. Бёрджесс восполняет традиционные «пробелы», пропуски в жизнеописании персонажа, чем ещё раз доказывает свои притязания на биографическую прозу.

За несколько десятилетий до написания «Мертвеца в Дептфорде» Бёрджесс отмечал в своем руководстве по английской литературе, что если бы Кристофер Марло не умер так рано, то наверняка бы смог затмить даже «лебеда из Эйвона». И действительно, при прочтении двух романов, читателю становится ясно, на чьей стороне находятся симпатии автора.

Для анализа двух произведений Энтони Бёрджесса, видимых нами как альтернативные биографии, мы попробуем сравнить то, как представлены автором фигуры писателей в обоих романах. С этой целью нам бы хотелось рассмотреть такие вопросы, как духовность героя, источник вдохновения или муза, а также наличие или отсутствие великой цели, по обыкновению присущей художнику.

В романе о Шекспире последний представлен скорее не как поэт или гений, а как человек, стоящий перед выбором двух начал — доброго и злого. Бёрджесс, как мы думаем, намерено не вводит мотив внутреннего развития героя или духовного подъема, который бы привел к написанию лучших трагедий мастера, а напротив, рисует образ человека бездуховного, черпающего вдохновения в пьяных кутежах и сумасшедшей погоней за вожделенным образом смуглой леди, тягу к которой юный Уилл пытался утолить при помощи девушек в округе: *«А воспаленный мозг поэта, который, казалось, стремительно разрастался, подобно поганому грибу, так что ему уже было тесно в пьяной голове Уилла, извергал из своих недр прекрасные стихи, и безжалостная богиня отрешенно наблюдала, как страдает это тело»* [1].

Автор не идёт по пути «антистратфордианского» движения. Он воссоздаёт биографию великого английского поэта, исходя из того, что тот является Шекспиром из Стратфорда. Бёрджессом берется за основу набор известных фактов о жизни английского писателя (женитьба на Энн Хэтэуэй, переезд в Лондон, работа в театре «Глобус»), но при этом он создает абсолютно новый образ, далекий от того представления о гении, которое бытует в наших умах. Попытка представить жизнь мастера Шекспира, наполнение его дней, бытовые мелочи — всё это направлено на создание образа Шекспира-человека, с человеческими страстями и желаниями.

Тема любви является одной из магистральных тем «Влюбленного Шекспира», и, как уже было замечено выше, герой Бёрджесса оказывается во власти любви к Смуглой Леди, а скорее, во власти недостижимого образа вполне реального человека — леди по имени Фатима, чьё имя зашифровано в самом начале романа в акrostихе из 147 сонета Шекспира — ФАТИМАН. Самое интересное, что в оригинальном тексте это имя обозначается как F. Только в последней главе эпилога Бёрджесс

впервые называет её полным именем: *«Любовь, любовь, всё дело только в любви... Знаю, это не очень умно. А ещё Фатима...»* [1].

Автор как будто бы разделяет любовь платоническую и плотскую, идеализируя Смуглую Леди: Уилла постоянно посещают видения золотой богини, или темнокожей богини, каковой она периодически предстает читателю, что вполне естественно для постмодернистского текста, который часто отходит от канонов изображения того или иного факта или явления.

Мотив Смуглой Леди встретится нам не раз на протяжении всего романа. Ее образ всегда будет присутствовать в жизни Шекспира — зримо и незримо. И связан он не только с мотивом любви, но и с творчеством как таковым, а также с душевными страданиями героя. Сумев овладеть своей музой, Уилл переживает творческий экстаз, его охватывает бредовое наваждение, и к нему, в пик его наивысшего наслаждения, снисходят неземные существа. Уильям пишет произведение за произведением. Сонет за сонетом. Множество их было посвящено мастеру РГ — Гарри Ризли, графу Саутгемптонскому. Множество — его чернокожей Фатиме.

История Смуглой Леди из видений и история Смуглой Леди Фатимы развиваются параллельно друг другу. Поэтому Шекспировская богиня грёз — это, прежде всего муза, источник вдохновения и огромного богатства образов. Страсть затмила разум Уилла. Богиня из миража — непорочна, чиста, независима ни от кого и, в то же время, принадлежащая только Уиллу.

Пройдя вместе с Шекспиром и автором жизненный путь мастера, мы можем смело утверждать, что драматургия и поэзия, в большей своей части, для Уилла лишь источник дохода. Его ремесло — это то, чем он может обеспечивать себя и своих детей. Кроме того, герою «Влюбленного Шекспира» присуще тщеславие, желание прославиться и встать в один ряд с лучшими представителями английской нации: *«Интересно, а он сам, Уилл, сможет когда-нибудь выбиться в люди, чтобы умереть таким же знаменитым, как этот великий сын [Хью Клоптон, лорд-мэр Лондона] Стратфорда?»* [1].

Подводя итог, мы можем сказать, что Бёрджесс, создавая портрет Шекспира в своем произведении, акцентирует внимание на душевных переживаниях и любовных порывах главного героя, и лишь в самой меньшей мере — на творческих. Перед нами человек, который гонится за славой, заработком. Он испытывает те же чувства, что и все остальные, но ко всему прочему, Шекспир Бёрджесса много анализирует происходящее вокруг него и с ним. Таким образом, Бёрджесс пытается не снизить портрет Шекспира, а приблизить его к человеческой натуре, ведь канонизированный образ гения мешает нам в полной мере представить его людскую жизнь.

Роман о Кристофере Марло стал итогом писательской карьеры Бёрджесса, а также, его научного исследования. В 1993 году, в год своей смерти и ровно 400 лет

спустя после смерти Марло, он пишет роман о драматурге и делает следующее примечание после романа: «Теперь, когда отмечается четыреста лет со дня убийства Марло в 1593 году, я хочу принести дань уважения великому писателю» [2, с. 378], а после добавляет следующее: «Возможно Шекспир и затмил Марло, но он не в состоянии вытеснить его или занять его место. Неповторимый голос продолжает звучать» [2, с. 379].

Подобно «Влюбленному Шекспиру» в романе «Мертвец в Дептфорде» за основу взят ряд фактов о таинственной жизни Кристофера Марло, в частности, убийство драматурга, которое не было раскрыто и осталось загадкой для всего мира. Бёрджесс умело выстраивает сюжетную линию, в которой Марло оказывается в центре политического и религиозного конфликтов между англиканами и католиками и вынужден исполнять роль шпиона для передачи секретной информации. Служба на королеву, по версии Бёрджесса, становится причиной убийства писателя.

Особую важность приобретает и роль рассказчика в «Мертвце в Дептфорде», где он, то является непосредственным участником событий, выступая в роли очевидца и одного из персонажей романа, то исчезает из сюжетной линии, продолжая при этом рассказывать о происшествиях в жизни Кита. При этом рассказчик сравнивает Марло с известным котом Шрёдингера, который не перестает существовать, даже если мы его не видим: «*Пусть так и будет с моей кошкой или с Китом. Я должен предположить, что все действия Кита, которые совершались вне поля моего зрения, являлись по своей природе важным звеном в цепи его существования*» [2, с. 7].

На примере данного романа мы видим, что роль рассказчика в современной биографии претерпевает как некую универсализацию, так и размытость статуса: пропадает граница между рассказчиком-повествователем и описываемой реальностью, что является указанием на постмодернистский субъективизм с преобладанием одной точки зрения на происходящие события.

Тема творчества, в отличие от «Влюбленного Шекспира», занимает центральное место в романе, и герой «Мертвца в Дептфорде» относится к своему ремеслу писателя иначе, чем это было с Шекспиром: для него это не способ заработка на жизнь или возможность прославиться. Кит как будто бы живет в мире своих пьес, не отдыхая от работы над ними ни на минуту. Он часто погружается в размышления о предназначении писателя, яро и открыто критикует бездарные или ангажированные пьесы, вступает в постоянные перепалки и до конца от-

стаивает свою точку зрения пусть то на творчество, политику или религию.

Мы смело можем сказать, что Кристофер Марло представлен нам как человек с миссией, но вовсе не той, которая была вверена ему служителями короны, а своей собственной, смелой миссией, — добиться возможности говорить, о чем бы то ни было, честно и открыто, которая и приводит его к трагическому концу.

Что касается любовной линии, то она, очевидно, присутствует в романе (отношения Кита с юношей знатного рода по имени Томас Уолсингем), но оказывается на периферии в сравнении с линией творчества. Кит действительно испытывает некие чувства к молодому человеку, но для него они оказываются скорее средством познания себя, что вовсе не похоже на ту любовную горячку, которая заставляла страдать героя «Влюбленного Шекспира».

Таким образом, Бёрджесс не просто представляет бытовую составляющую жизни драматурга, но и создает образ героя, оказавшегося не в свое время и не на своем месте. Его Кристофер Марло возвышается над остальными писателями, включенными автором в сюжет, не только благодаря своему таланту, но и за счет передового мышления, которое идет вразрез со всеми правилами и нормами Англии времен правления Елизаветы I.

Как уже было отмечено выше, Бёрджесс не скрывал своего расстройств из-за недооцененности таланта Кристофера Марло, короткая жизнь которого не позволила оставить после себя большого наследия творческого материала, и который по несправедливости оказался в тени славы Шекспира. В последнем своем романе, «Мертвец в Дептфорде», Бёрджесс как бы реабилитирует фигуру Марло и возносит его на пьедестал гения.

Анализ двух образов писателей, созданных Бёрджессом в его дилогии, позволяет сделать вывод о том, что автор изображает двух не похожих друг на друга героев: с одной стороны, они оба находятся в одном пространстве — елизаветинской Англии, театральном круге, но с другой, являются персонажами скорее противоположными. Марло представлен Бёрджессом как гений: автор создает тот канонизированный образ художника, который обычно представляется при мыслях о писателе эпохи Возрождения; Шекспир, напротив, свергается Энтони Бёрджессом в ранг обычных смертных, которые слишком сильно подвержены человеческим страстям и переживаниям, затмевающим всю их жизнь. Дилогия, проанализированная в данной работе, представляет собой субъективный взгляд автора на личности писателей, их биографию и на их место в мировой культуре.

Литература:

1. Бёрджесс, Э. Влюбленный Шекспир. — М.: Центрполиграф, 2002. — 332 с.
2. Бёрджесс, Э. Мертвец в Дептфорде. — М.: АСТ, 2015. — 384 с.
3. Бёрджесс, Э. Шекспир. Гений и его эпоха. М., 2001.
4. Ушакова, Е. В. Литературная биография как жанр в творчестве П. Акройда. — М.: МГУ, 2001.

Фразеологизмы с компонентом «grey/серый» в английском и русском языках

Денисенко Марина Валерьевна, доцент
Кемеровский государственный университет культуры и искусств

Изучение значений слова тесно связано с фразеологией. «Очертания смысловых контуров слова нередко стираются в структуре фразеологического единства» [7].

А значения фразеологизмов, в свою очередь, тесно связаны со знаниями носителей языка, с практическим опытом, с культурой и историческими традициями народа. Во фразеологизмах проявляется национальное своеобразие. Фразеологизмы часто используются в повседневной речи. Ш. Балли дает определение общего характера: «сочетания, прочно вошедшие в язык, называются фразеологическими оборотами» [6].

Что же такое фразеологизм? Вот несколько определений данного явления.

И. Р. Гальперин пишет: «В каждом языке имеются сочетания слов, в которых значение целого доминирует над значением составных частей или, иными словами, значение целого сочетания не совсем точно, а иногда и совсем не выводимо из суммы составляющих его частей. Такого рода сочетания носят названия фразеологических единиц. Одной из наиболее характерных черт фразеологических сочетаний является их устойчивость, то есть устойчивость местоположения составных частей сочетания и семантическое единство всего сочетания. Фразеологические единства являются достоянием языка и входят наряду с отдельными словами в лексический инвентарь данного языка». [8].

Н. М. Шанский дает следующее определение: «Фразеологизм, фразеологическая единица, — общее название семантически несвободных сочетаний слов, которые не производятся в речи, а воспроизводятся в ней в социально закреплённом за ними устойчивом соотношении смыслового содержания и определенного лексико-грамматического состава». [12].

О. С. Ахманова в своем словаре лингвистических терминов определяет фразеологическую единицу как «словосочетание, в котором семантическая монолитность довлеет над структурной раздельностью составляющих ее элементов, вследствие чего оно функционирует в составе предложения как эквивалент отдельного слова» [5].

Если собрать все эти определения воедино, можно дать следующее определение: фразеологизм — это устойчивый оборот речи, который имеет самостоятельное значение и свойственен определенному языку. Некоторые фразеологизмы просты, привычны и знакомы нам с детства. Многие из фразеологизмов пришли к нам из других языков, эпох, сказок, легенд, а также с развитием современных технологий.

Рассмотрим семантику серого цвета во фразеологизмах русского языка.

1. Серый цвет символизирует посредственность, заурядность, необразованность, нечто ничем не примечательное:

- серые будни — обычные, будние дни;
- серый человек — необразованный, малокультурный человек;
- серая пьеса — посредственная, ничем не выделяющаяся пьеса.

2. Серый цвет обозначает низкое социальное происхождение:

- серый люд — простолюдины.

3. Чтобы показать неприметного, тихого, заурядного человека используется образ серой мыши:

- серая мышь — незаметный, заурядный человек.

4. Эта же серая мышь, благодаря серому цвету своей окраски, а также серый окрас некоторых других животных и птиц символизирует опасность:

- серая опасность — мыши и крысы.

5. Другое животное — серая кошка во фразеологии русского языка является символом ссор:

- серая кошка пробежала — кто-то с кем-то поссорился.

6. Образ еще одного животного — серого волка связывают с терроризмом:

- серые волки — террористические подпольные организации в Турции и ряде западных стран.

7. Серый цвет присутствует в продуктах питания и пряже, обозначая нечто грубое, необработанное:

- серый хлеб — хлеб темного цвета, выпеченный из пшеничной муки грубого помола;
- серая пряжа — грубая, необработанная пряжа.

8. О человеке немолодом, который говорит вздор, болтает чушь, говорят:

- врет как сивый мерин — то есть нагло, беззащитно врет. Здесь проводится ассоциация со старым животным, глупым, не способным что-то делать правильно.

Рассмотрим семантику серого цвета во фразеологизмах английского языка.

1. Серый цвет имеет значение «нейтральный»:

- grey area — (букв. «серый район») — «нейтральная зона», «серая зона», нечто среднее.

2. В то же самое время имеет серый отрицательную коннотацию «неблагополучный»:

- grey area of economy — юридически не вполне благополучная область экономики, район частичной безработицы.

3. Серый цвет ассоциируется с темнотой:

- the gray of the dawn — предрассветная мгла.

4. Также серый цвет имеет значение «мрачный»:

- grey thoughts — (букв. «серые мысли») — мрачные мысли.

5. Серый цвет используется для обозначения седых волос, которые символизируют старость «седой; старый»:

– grey with age — седой человек; to turn grey — седе́ть; grey hairs — седины; grey-headed — седовласый; greybeard — старик; пожилой человек.

6. Однако старость в свою очередь означает опытность:

– to be / grow grey-headed in smth. — иметь / приобрести опыт в чём-л.

7. Серый означает бесцветный, неокрашенный:

– grey-state (о материи) — неокрашенный.

8. В английском языке присутствует образ лошади, обозначающий деспотичную жену:

– the gray (grey) mare — (букв. «серая кобыла») — женщина, держащая своего мужа под каблуком.

9. В названии морских судов:

– the greyhound of the ocean — быстроходный океанский лайнер;

– grey diplomats — «серые дипломаты» — боевые корабли как средство дипломатии с позиции силы.

10. В результате бурного развития экономики появились разные выражения, обозначающие те или иные экономические отношения:

– grey knight — «серый рыцарь» — название компании, действующей в процессе поглощения в собственных интересах; она не защищает компанию-цель от враждебного поглощения (как «белый рыцарь»), но предлагает более выгодные условия поглощения (чем «черный рыцарь»);

– grey propaganda — «серая пропаганда» — пропаганда, которая не раскрывает свои источники информации в отличие от черной пропаганды, которая неправильно называет свои источники или белой пропаганды, которая раскрывает источники информации;

– grey-wave — относится к компании или вкладу, которые потенциально прибыльны, но прибыль инвестор сможет получить только в пожилом возрасте.

11. А с развитием интернет-технологий появляются свои специфические выражения:

– greybar land — «земля серых клавиш» (о клавиатуре компьютера, клавиши которой гипнотически действуют на человека, ожидающего завершения программой особо долгой операции);

– greylisting — технология «серых списков» средство борьбы со спамом — составляются списки серверов, от которых, хотя и с определённой долей риска, можно принимать почту, в отличие от «чёрных списков», от которых нельзя принимать почту, или технологии «белых списков» — «проверенных», надёжных серверов, от которых можно принимать почту.

И, наконец, рассмотрим семантику серого цвета во фразеологизмах, присутствующих как в английском, так и в русском языках и имеющих приблизительно одинаковое значение и перевод.

1. Однообразие, обыденность:

– серая жизнь; серое существование;

– gray existence — бесцветная, однообразная жизнь. Это выражение используется также, когда имеются в виду галлюцинации, полученные в результате алкогольного или наркотического опьянения.

2. Серый цвет используется для описания внешности человека в значении бледный, унылый:

– серое лицо — бледное лицо;

– to look gray (grey) — иметь унылый вид.

3. Того, кто обладает большой властью, но не занимает соответствующего высокого положения и остается в тени, называют «серым кардиналом»:

– серый кардинал — влиятельное лицо, действующее за кулисами;

– gray eminence (серое высокопреосвященство) — «серый кардинал», человек, обладающий властью и влиянием, но неофициально. Как пример из истории таким человеком был отец Жозеф — монах-францисканец, подручный и тайный агент кардинала Ришелье);

– grey power — человек, в руках которого сосредоточена реальная власть.

4. Обмундирование солдат дореволюционной России и США было серого цвета:

– серая скотинка — солдат в дореволюционной России;

– grey-coat — «серый мундир» — солдат в серой шинели, американский солдат в армии южан в США 1861–1865 гг.;

– greyback — солдат армии южан в США 1861–1865 гг.; to don/wear the gray — («одеваться в серое») — значит служить в армии южан (во время гражданской войны в США в 1861–65 гг.).

5. В некоторых фразеологических выражениях серый цвет ассоциируется с чем-то загадочным, неопределённым, безликим:

– некто в сером — загадочная, неопределённая личность;

– the identity of these grey men — личность этих безликих людей.

6. Благодаря развитию экономики появились следующие выражения:

– gray list — (букв. «серый список») — список лиц, фирм и т.п., которые считаются нежелательными или неблагонадежными, хотя в меньшей степени, чем занесённые в чёрный список;

– grey market — серый рынок — неофициальный рынок каких-либо товаров, полулегальный, «получерный» рынок, имеющий дело с юридически неблагополучными товарами, или на «сером» рынке продаются товары по крайне высоким спекулятивным ценам;

– grey import — «серый импорт» — импортируемый товар, который является контрафактным.

Рассмотрев семантику фразеологических единиц двух языков можно увидеть достаточное разнообразие значений, присущее тому или другому языку, которое обуславливается историческим развитием языка и общества.

Литература:

1. Cambridge Advanced Learner's Dictionary. Grey. http://dictionary.cambridge.org/dictionary/british/grey_1?q=grey
2. Dictionary.com. <http://www.dictionary.com/browse/gray>
3. Macmillan Dictionary. <http://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/grey>
4. The free online dictionary by Firlex. <http://www.thefreedictionary.com/Gray>
5. Ахманова, О. С. Фразеологическая единица // Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов — М.: Сов. Энциклопедия, 1969. — 608 с.
6. Балли, Ш. Французская стилистика. / Ш. Балли. — М.: Эдиториал УРСС, 2001. — 392 с.
7. Виноградов, В. В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины. \ Лексикология и лексикография. Избранные труды. — М.: Наука, 1977. — 312 с.
8. Гальперин, И. Р. Очерки по стилистике английского языка. / И. Р. Гальперин. — М.: Издательство Литературы на иностранных языках, 1958. — 462 с.
9. Кунин, А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь \ Лит.ред. А. Д. Литвинова. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Рус. Яз., 1984. — 944 с.
10. Мюллер, В. К. Англо-русский словарь. 53 000 слов. / В. К. Мюллер. / — 23 изд., стер. — М.: Рус.яз., 1992. — 844 с.
11. Ожегов, с. И., Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова — 4-е изд., дополненное. — М.: Азбуковник, 1999. — 944 с
12. Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка. / Н. М. Шанский. — М.: Высшая школа, 1985. — 160 с.

Социокультурные предпосылки творчества «сетевых поэтов» (на материале творчества Димы Птицами)

Захарова Марина Вадимовна, преподаватель;
Долгова Арсения Константиновна, студент
Кубанский государственный университет

Материал статьи содержит обзор и анализ тенденций современного литературного процесса с точки зрения новых форм подачи творческого материала. Приводится пример реализации творческого потенциала посредством «блога», вводится и раскрывается основное содержание нового, получающего сегодня широкое распространение понятия «сетевая поэзия».

Ключевые слова: сетевая поэзия, творческий блог, блогер.

«Сетевая поэзия» — сегодня одно из самых новых направлений в литературе, ее роль в современном обществе, литературе, лингвистике и истории еще не изучена. «Сетевая поэзия» — это не просто модерн современности, это в будущем — образ русской души, русского народа. Легкость форм воздействия на читателя — может быть, это в первую очередь сегодня нужно обществу. Именно поэтому многие авторы стали вести творческие блоги, а источниками вдохновения и наставниками стали первооткрыватели этого «жанра».

Блоги появились одновременно с рождением сети интернет и так прочно вошли в нашу жизнь, что уже даже толковые словари вносят на свои страницы такие понятия, как «блог», «блогер» и даже «блогинг». Однако мало кто знает, с чего всё начиналось. В далеком 94-м студент колледжа Суортмор (Swarthmore) Джастин Холл (Justin Hall) завел свой онлайн-дневник и назвал его «Justin's Links from the Underground». В своем дневнике Джастин де-

лился с другими пользователями сети полезными ссылками, рассказывал об Интернете, в общем, этого парня можно считать отцом-основателем блогосферы. Три года спустя Йорн Баргер ввел термин «вебблог», а его сокращенную форму, «блог», позже придумал Питер Мерхольц.

Таким образом, «блог» — это дневник, размещенный в интернете. Ведение дневника или блога на сегодняшний день для некоторых людей не просто обыденность, это увлекательное хобби. Это уникальная возможность подарить человечеству свой нерастроченный творческий потенциал, рассказать миру о своих переживаниях и жизненном опыте, найти новых интересных друзей или деловых партнеров, расширить свои возможности и придать своей жизни больше энергии. [1]

Сегодня в Интернете миллионы блогов, у всех у них разные тематики, разные авторы, разная аудитория. Работчики «всемирной паутины», создавая свои первые

сайты, регулярно размещали на них новые заметки, которые и были первыми блогами. Технология ведения блога очень проста — нужно лишь включить компьютер, написать текст и выложить его в сеть. Существенно облегчило этот процесс появление новых сетевых платформ для ведения блогов, таких как «LiveJournal», «Blogger.com», «LiveInternet», «Блоги@mail.ru», «Я.ру». [2]

Творческие люди нашли новую форму подачи своего творчества, уловив тенденции современного мира, стали охватывать огромные по своим масштабам аудитории. Интернет и творчество, блог и проза, стихотворение и заметка — действенные методы воздействия на читателя. Для реализации творческого потенциала блог имеет одно преимущество, суть которого в том, что это оперативный способ информирования своей аудитории о новых материалах, идеях. Ведь процесс ведения блога намного быстрее, чем печать в литературных журналах и другой полиграфии. [2]

С каждым днем появляются яркие и уникальные личности в рядах блогеров, каждый старается и стремится добавить частичку своей индивидуальности и уникальности. Развитие интернета стало способствовать появлению новых форм подачи литературы. Такую меру нашли для себя поэты, прозаики, критики и другие. И одной из важных новых форм стала «сетевая поэзия», а сам блог явился первичной плоскостью, на которой возникла интернет-поэзия. Идут споры о том кто основатель этого направления, считается, что это Вера Полозкова, но можно говорить и о начале сетевой революции еще с имен советских поэтов, которые записывали свои произведения на аудио.

Мало кто знаком с талантливым сетевым поэтом Димой Птицами. Он считается одним из самых популярных поэтов России и Украины. И получает постоянные приглашения от любителей поэзии. Дима Птицами одним из первых стал записывать свое творчество в аудио. Вся поэзия автора строится на жизненном опыте, в одном из интервью сам поэт рассказал о своем творчестве: «Есть стихи, которые по тем или иным причинам я перестал читать на выступлениях. Темы затрагиваю только те, которые касаются лично меня. Глупо писать про то, чего сам не видел и не испытал». [3]

Про аудиоформат поэт заявляет, что был не первым, кто это делал, намекая на классиков советской литературы. Но говоря о сетевой поэзии, то можно смело утвер-

ждать о его первенстве в таком виде подачи. Притом музыка, которая является фоном записи голоса, написана его другом.

Смысл, который вкладывает Дима Птицами в свою поэзию, трогает сердца слушателей. Он — не копия, не подражание известных сетевых поэтов как Вера Полозкова или Юлия Соломонова, которая создает образ обиженной сильной женщины, действительно такая поэзия привлекает девушек, страдающих феминизмом. А Дима Птицами смог проникнуть в глубину души не только молодежи, но и пожилых людей.

В интервью «Назови самый запоминающийся комментарий о своём творчестве, который ты получал?» поэт привел пример трогательного отзыва, который написала на странице его блога одна девочка: «Сегодня мыла все окна дома (обычай такой перед Пасхой), слушала Ваши произведения. Все. «От» и «до». А бабуля сидела в кресле, молча впервые. Впервые ничего не сказала поперёк. Просто слушала и ничего не говорила. Аудиозаписи закончились. Она с восхищением сказала, что ничего подобного не слышала. Что ей безумно понравилось. И такой приятный голос и такой будораживший ещё никогда не слышала. Давно она не говорила со мной... Спасибо» (Процитировано из сети «ВКонтакте». — N.P.)» [3].

Дима Птицами стал новым наставником юных писателей. К нему постоянно обращаются за советами, но, как человек порядочный, автор не дает никаких наставлений, даже не говорит «хорошо» или «плохо», потому что боится взрастить эгоцентриста или обидеть. Каждый день кто-то находит записи Димы Птицами на популярных пабликах в сети, случайно переходит по ссылке на его личный блог, а потом, слушая его бархатный голос, находит в различных строчках «себя». Невольно мы мысленно переносим текст на свою судьбу.

Развитие новых технологий влияет на развитие современного социокультурного пространства и создает предпосылки для появления новых форм коммуникации и искусства, таких как «сетевая поэзия», которые только начинают развиваться и подлежат кропотливому изучению. Пройдет лет десять, когда найдутся исследователи, которые объективно оценят новаторство «сетевой поэзии», которая развивается и «имеет место быть» или же «идет вспять».

Литература:

1. Захарова, М. В. Педагогический блог — инновационная форма взаимодействия в образовании (на примере проекта «Блогосфера» МКУ КМЦИКТ «Старт» города Краснодара и муниципального конкурса «Лучший блогер») // Образование и воспитание. — 2015. — № 5. — с. 1–3.
2. Литвин, Е. Н. Прибыльный блог: создай, раскрути и заработай. — СПб., 2011.
3. Однозначно неоднозначный поэт Дима Птицами [Электронный ресурс] — URL: <http://n-prokonina.livejournal.com/11563.html> (2.12.2015).

Specificity of medical texts translation

Какуля Жанна Мухамедиевна, магистрант;
Нестерик Элла Владимировна, кандидат филологических наук, доцент
Карагандинский государственный университет имени Е. А. Букетова (Казахстан)

Dictators should be afraid of the translator and the dentist, as these are more powerful than themselves.

Sir Winston Churchill

Translation of medical texts (medical translation) is translating from one language into another of specialized medical publications and texts of private character which content is directly connected with the person's health. A special position of this category of specialized translations is defined by the importance of any translated information, increased requirements to the accuracy of the translation and observing confidentiality of private data, as well as pronounced heterogeneity of the used terminology. A feature of medical texts is the existence of special terms and abbreviations. Medical texts do not contain enough metaphors and other stylistic means therefore translating specific terminology and abbreviations is the most difficult thing in the translation process. An important factor is also studying the structure of terms and abbreviations and their use in various contexts.

The purpose of the article is specifics of translating medical texts; there are considered characteristic features of informative translation, «false friends of the translator» in medical texts, as well as the problem of translating such a lexical group as the group of abbreviations in the field of medical translation.

Medical translation includes translating the texts of the all-medical and pharmaceutical direction, it is by right possible to call medical translation one of the most difficult specialized translations and it is even possible to allocate it as a special type of translation activity. In the process of conversion of medical and pharmaceutical texts a translator constantly compares a source text of the original with the translated text, every time switching from one language to another. In this process the set of the translator's actions is divided into the actions relating to the source medical text and respectively to the text of medical translation, that is in this process a translator at first perceives and understands the text of the original and on its basis he forms the translated text. Thus, medical translation is made by a translator on the basis of two interconnected stages of the translation process which are undertaken by the translator, namely: the first stage includes extraction of information from the original medical text, and the second stage is selecting the needed translation means and methods for implementation of medical translation. The extraction of information from the original medical text is the first stage of translation process, which is related to informative translation. Informative translation represents translating the texts which main function

consists in informing of some data, the information transfer; it makes no art and esthetic impact on the reader. All materials of scientific, business, social and political, everyday life character belong to such texts. There should be referred to this group translating lot of detective stories, descriptions of travels, sketches, official materials and those materials where there prevails purely information narration.

The aspiration to the clearness and strictness of a statement, refusal of indirect, descriptive designations of objects, wide use of stamps and stereotypes of special vocabulary is characteristic of informative translation, both in the English and in the Russian languages. However more detailed analysis shows that strictness of using terms and habitual formulations is in general more peculiar to the Russian special texts. Therefore a translator quite often feels obliged to make «stylistic editing» of the original, to enter an exact term instead of a paraphrase, to explain what is specifically meant, to replace an author's construction with a more habitual stamp. A translator is to report fully and precisely the thought of the author, giving it the shape inherent in the Russian special text and without transferring peculiar features of the English original to the Russian text. In the English text there prevail personal forms of a verb whereas in the Russian text there are more impersonal or indefinite-personal constructions.

Prevalence of simple sentences which average over 50% of the total number of sentences in the text is characteristic of informative texts of English. At the same time the number of compound sentences is rather small. This phenomenon is unusual for the corresponding style in Russian where compound sentences are used very widely.

One of the criteria of selecting the variant of translation of the text is the genre and stylistic accessory of the text being translated. According to this criterion informative translation allocates:

- translation of social and political texts, journalism and oratorical speech; the commonness of lines of this category is caused by the propaganda or a propaganda aim of the translated material directed to forming or changing public opinion and its abundance with language elements of polemic: language cliches, rhetorical structures, literalisms, newspaper cliches, social and political terms, estimated words, slang and popular speech;

- translation of scientific texts depends on their types and content. The more is formalized a scientific text, and it

occurs first of all in natural sciences especially, the more is translation equivalent to the original. Translations of works in mathematics, chemistry, biology and other exact sciences consisting of stereotypic phrases and highly specialized terms are identical to the original, i.e. they possess full equivalence.

The fullest equivalence is observed in translations of the texts of highly specialized character owing to unambiguity of terminology. Translation of the texts of general scientific or medical subject requires selecting a correct variant of translation of one of the meanings of a polysemantic term:

– translation of official texts is completely focused on transferring the content, i.e. it has an informative character. The form of texts is in most cases stereotypic.

Medical translation, as well as any other type of translation, has its features and can cause difficulties for a translator. Difficulties of medical translation consist in the presence in texts of difficult medical terminology, as well as special words and abbreviations. In addition to it, depending on the country and even its region the same term can have several meanings and it is necessary to translate it taking into account the geographical aspect. A very important condition facilitating the work at medical translation is the thorough knowledge by the translator of Latin, the language universal for physicians around the world.

When translating medical texts there should be paid attention at the following moments:

1. Using transcription when translating the names of diseases and preparations.

English variant: Klaritin is allergy relief medicine.

- Lymphangioma
- Lymphedema
- Metronidazole
- Sulfasalazine
- Hypertrophic cardiomyopathy
- Methylmethacrylate
- Pharmacomania.

Russian variant: Кларитин является противоаллергическим лекарством.

- Лимфангиома
- Лимфедема
- Метронидазол
- Сульфазалазин
- Гипертрофическая кардиомиопатия
- Метилметакрилат
- Фармакомания.

2. Using transcription when translating medical terms.

English variant:

- Antibiotic
- Narcotic
- Penicillin
- Chlamidia
- Stimulator
- Hematocrit
- Hemoglobin
- Vitamin.

Russian variant:

- Антибиотик
- Наркотик (наркотическое средство)
- Пенициллин
- Хламидия
- Стимулятор
- Гематокрит
- Гемоглобин
- Витамин.

3. Grammar transformations (antonymic translation, grammar substitutions).

Partial atrioventricular septal defect — неполная форма открытого атриовентрикулярного канала.

There is a mild intrahepatic biliary ductal dilatation — Незначительное расширение внутрипеченочных желчных протоков.

Antonymic compliances exist not only for Russian verbs but for other parts of speech: adjectives, participles, pronouns, adverbs: *небольшой* — small, minor, mild; *недопустимый* — prohibitive; *невооруженный глаз* — naked eye; *не содержащий окислов* — oxide-free; *не такой, какой хотелось бы иметь* — less than desired; *небольшими ступенями* — incrementally; *неблагоприятно влиять* — to affect adversely.

4. «False friends of the translator» in medical texts.

False friends of the translator are foreign words, conformable with Russian but meaning something quite different. There are especially a lot of false friends among medical terms. A typical example is: cystic fibrosis. It is not «кистозный фиброз» but «муковисцидоз». Unlike a classical false friend it reminds not something certain but a certain term in general. A person never heard the term «кистозный фиброз» but, as they say, all can't be known. A conclusion is simple: it is necessary to check whether there is this or that illness (a syndrome, a symptom). Of course, new diseases develop from time to time, but it happens not so frequent.

Examples: cellulitis — not «целлюлит» but «флегмона»; potent pathogen (about a bacterium) — not «потенциальный» but «мощный патоген», that is a simple pathogen (opposite to a conditional one); by the way, as for power: third power — not «третья сила» but «куб» (third degree).

Symptomatic can mean not only *симптоматический* but also with clinical manifestations, for example: symptomatic hypertension — *артериальная гипертония с клиническими проявлениями* but not «симптоматическая артериальная гипертония», but symptomatic therapy — *симптоматическая терапия*.

The translation of medical texts is a very demanded type of translation but at the same time one of the most difficult and responsible.

This genre assumes an absolute understanding by the text translator of the original and laborious work with dictionaries and reference books. Here it is forbidden to dream and guess, the medical diagnosis, the appointed treatment and, as a re-

sult, the patient's life quite often depends on the translation accuracy. A translator of medical texts should be guided very accurately in the subject to reveal surely ambiguous terms and expressions and to define correctly their treatment.

«The medical language» is an extended modification of the basic language, that is apart from the main rules there act additional (specific) ones.

There exist several types of medical translation:

1. translation of medical analyses which contain a lot of abbreviations where each, sometimes absolutely unreadable letter or figure, means something;

2. translation of instructions to medical equipment where it is necessary not only to understand well medical issues but also to have some technical knowledge;

3. translation of specialized texts. In case with such texts it should be considered that texts of adjacent subjects can be sated with absolutely different terminology. For example, different terms can occur in the description of two autoimmune diseases.

A special difficulty in translating medical texts is made by «false friends of translators»: a couple of words in two languages similar in writing and/or pronunciation, frequently with the common origin but differing in meaning.

For example: Latin term «cellulitis» means not «целлюлит» but «флегмона». The English word «vector», apart from its first meaning «вектор» can be translated as «переносчик инфекции».

To avoid mistakes when translating, it is necessary not to trust in the seeming coincidence of the meaning with a similarly sounding word in the target language, as well as to seek to seize all lexical and stylistic subtleties of both the source language and the target language. In the presence of the slightest doubt there are used both explanatory and special dictionaries.

Besides «false friends of the translator», medical texts are characterized by a peculiar building of sentences (the grammatical relations between words become clear only at the accounting of sense), the sentence structure (the problem of definition of the logical accent in the sentence), there is also possible an unsuccessful building of sentences abounding with the developed definitions complicating the definition of connection between the words. All this leads to the emergence of ambiguity of the text being translated. When preparing medical documents there are often used clichés and terminological phrases.

The problem of set expressions, cliché and stamps is typical for any translation, and medical literature is not an exception. The abundance of phraseological units and words with various lexical coloring does the translation of medical documentation not less difficult than of highly specialized technical texts. For example, the expression «under the weather» (literally, «под погодой») means that the person is unhealthy, feels bad. The idiom «pigging out» (from English «pig» — «поросенок») means переедание, обжорство.

One of the most problematic for translation lexical groups is the group of abbreviations in the field of medical transla-

tion. Abbreviations (which are especially coming from Latin) are some of the most often used elements in written and oral medical communication. Many terms, such as names of diseases and their treatments, the names of chemical compounds are seldom used in their full, bulky form as it would interfere with effective communication. Wide popularity of abbreviations in the medical language, undoubtedly, provides economy of space and time in the emergency medical situation. Besides, abbreviations provide understanding only for health workers, doing materials inaccessible for the patient that is in certain cases expedient for ethical reasons. However, quite often one abbreviation stands behind several medical terms that undoubtedly leads to the ambiguity of understanding and considerably complicates the translation. For example, abbreviation CF has about 20 medical meanings (Californium, Cystic Fibrosis and so on), as well as not medical meanings (Compact Flash — a device for saving data).

The following is considered as the main ways of translating the English medical abbreviations:

1. borrowing a foreign abbreviation with preservation of Latin writing;

2. transliteration (presenting the literal structure of a foreign abbreviation by the Russian letters);

3. transcription (presenting the phonetic form of a foreign abbreviation by the Russian letters);

4. descriptive translation (in the absence of an equivalent abbreviation).

Medical texts are characterized by a peculiar building of sentences. Quite often the structure of an English sentence abounds with difficult grammatical constructions (infinitive and participial phrases) that complicates the definition of a logical accent in the sentence. All this leads to the emergence of ambiguity of the text being translated. From the point of view of grammar sentences can be divided into translated practically without changes, translated by means of the changed word order; requiring when translating partial syntactic and lexical changes; requiring descriptive translation sentences that are difficult in every respect.

Thus, the complexity of medical translation consists in the huge and promptly growing vocabulary of medicine, abundance of synonyms and an idiomaticity of the professional medical language, prevalence of abbreviations in medical communication, grammatical difficulties of the English sentence. Successful performance of this kind of activity requires a close acquaintance with medicine — for this reason the best translators of similar literature are graduates of medical schools.

From the above-mentioned it follows that medical texts represent complexity when translating not only at the lexical level but also at the syntactic and grammatical ones. The described problems are not the only that can be faced when translating. But having correctly presented the matter at the syntactic, lexical and stylistic levels, it is possible to achieve the correct and high-quality translation.

References:

1. Rosenthal D. E., Telenkova M. A. Dictionary reference of linguistic terms: guide for teachers. — 3rd ed., rev. and add. M: Prosveshchenie, 1985. — 99 p.
2. Sdobnikov V. V. Translation theory: textbook for students of linguistic higher education institutions and departments of foreign languages] / V. V. Sdobnikov, O. V. Petrova. M.: ACT: East-West, 2007. — 448 p.
3. Superanskaya A. V., Podolskaya N. V., Vasilyeva N. V. General terminology. Theory questions. M, 1989. — 248 p.
4. Superanskaya A. V. General terminology: terminological activity / A. V. Superanskaya, N. V. Podolskaya N. V. Vasilyeva N. V — M.: ASTA, 2008. — 288 p.
5. Komissarov V. N. Translation theory: (Linguistic aspects). — M, 1990.

Изменение грамматической категории времени в формах глагола в современном английском языке по сравнению с древнеанглийским периодом как результат аналитического развития языка

Каленов Андрей Алексеевич, аспирант
Костромской государственной университет имени Н. А. Некрасова

В данной статье рассмотрена специфика глагола как части речи и его роль в осуществлении предикатных функций в предложении. В статье выявлены изменения грамматической категории времени английского глагола в современном языке по сравнению с древнеанглийским периодом. Проанализированы основные особенности категории в коммуникативно-прагматическом аспекте. Сведения данной статьи можно использовать для разработки занятий или курсов по грамматике английского языка.

Ключевые слова: английский язык, глагол, грамматические категории, категория времени, аналитическое развитие.

Transforming Of the Grammatical Category Of Tense Of English Verb In Modern English Language Comparing With Old English Period As A Result Of Analytic Development

Andrey Alekseevich Kalenov, postgraduate student
Kostroma State University

This article provides the point of view on the specific of the verb as a part of the speech and its role in expressing of predicate functions in the sentence. The article reveals changing's of the grammatical category of English verb in modern English comparing to the Old English period. Main features of the category of tense in communicative-pragmatic aspect. The information from this article can be used for planning English grammar lessons or courses.

Keywords: English language, verb, grammatical categories, the category of tense, analytic development.

Изучение эволюции грамматических категорий английского глагола обнажает интересную информацию о современном состоянии грамматического уровня языка. Значимость исследования данной статьи обусловлена поиском новых путей и методов изучения природы английского глагола и его грамматических категорий. В этой статье я постараюсь описать историческое развитие грамматических категорий английского глагола в древнеанглийский период и в наши дни.

Глагол — это часть речи, которая несёт в себе значение действия. Это вызвано ролью сказуемого, которую играет глагол в предложении. Например, глагол реа-

лизует в своей внутренней форме действие или определенную функцию, которая является связующей между событиями (ситуациями), действие в реальности переносится в обозначение действия в речевом высказывании (предложении) [Блох: 1983, с. 85]. Сложный характер глагола связан с замысловатой структурой его грамматических категорий, большинство из которых сформировалось уже в древнеанглийский период развития английского языка.

Система глагола в древнеанглийском имела четыре грамматических категории:

— категория числа (единственное, множественное);

- категория лица (1-ое, 2-ое, 3-ее);
- категория наклонения;
- категория времени (настоящее и будущее).

Функция обозначения действия в будущем времени выражалась при помощи глагола, употребленного в форме настоящего времени в сочетании с наречием в форме будущего времени. Формы глаголов будущего времени стали появляться в английском языке только к концу древнеанглийского — началу среднеанглийского периода развития языка как часть глобального процесса аналитического развития форм глагола.

Кроме того, глаголы в древнеанглийском периоде подразделялись на две группы:

- сильные глаголы (с чередованием гласного в корневой морфеме);
- слабые глаголы (с добавлением дентальных суффиксов -d, — t к корневой морфеме).

Пример: *And heo seolde him þone mete þe heo seaf, and hlaf;* (древнеанглийский)

(Современный английский: «And she gave him the tasty food and some bread she had cooked.»..).

Глагол — *sealde*: Past Indicative 3-го лица, единств. ч. от «sellan» (слабый глагол 1-го класса): *sellan* — *sealed* — *seald*. Значение: «to give» в Past Tense («gave»).

Эти две группы древнеанглийских глаголов, как мы можем видеть, стали основой для складывания системы правильных и неправильных глаголов в современном английском языке.

Помимо этих двух главных групп, в древнем периоде существовала еще небольшая группа так называемых претерито-презентных глаголов, которые включали в себя черты как сильных, так и слабых глаголов и небольшую группу неправильных глаголов. Наиболее древними по происхождению являются сильные глаголы, которые содержат индоевропейскую основу в своем корне. [Бруннер: 1955, с. 164]

Как указано в исследовании Расторгуевой Т. А., формирование новых грамматических категорий глагола и включение новых категориальных членов в уже существующие системы грамматических категорий — одно из величайших событий в историческом развитии английского языка. [Расторгуева: 1989, с. 43].

Расширение системы глаголов вызвано развитием аналитических форм в языке и реструктуризацией отношений между формами глагола. Бархударов Л. А. связывает это расширение с семантикой и функциями грамматических категорий глагола. [Бархударов: 1960, с. 115]. Например, мы можем отметить аналитическое развитие глагола в формы будущего времени, которых не было в древнеанглийском периоде.

В настоящее время английский глагол имеет следующие грамматические категории: лицо, число, время, вид (аспекта), залог и наклонение. Рассмотрим более подробнее категорию времени.

Категория времени отличается от других категорий по своей структуре, грамматическому значению и синтак-

сической функции, потому что она связана с ситуацией коммуникативного акта. Категория времени указывает на предикативную функцию. Мы можем назвать три основных времени, с этой точки зрения, по отношению к моменту коммуникации (к настоящему моменту):

Прошлое — Настоящее — Будущее.

В данном случае мы можем говорить о простых временах: Past Simple (или Past indefinite) — Present Simple (или present indefinite) — Future Simple (future indefinite). Но мы также можем подчеркнуть присутствие сложных категорий времени, которые выражают идею длящегося действия (continuous) или законченного действия к определенному моменту (perfect) внутри рамок общих основных времен Past-Present-Future. Таким образом, в каждом периоде времени выделяются добавочные категории времен в зависимости от характера действия по отношению к моменту речевого акта. Например: в прошедшем времени — Past можно выделить три разновидности — претеритную (завершенное действие); действие, совершенное в настоящем времени и вообще; и длящееся действие. Этим разновидностям соответствуют следующие расширенные состояния действия в зависимости от времени их совершения — perfect, indefinite and continuous. Следует отметить, что в различных классификациях формы длящегося времени (процесса) — Continuous относятся к категории аспекта, но не к грамматической категории времени.

Оппозиция отношений прошедшего и настоящего времени не сводится к простому противопоставлению двух форм глаголов, это понятие гораздо шире — противопоставление двух систем форм глаголов. Пример:

PRESENT — PAST

Plays — *played*

Is playing — *was playing*

Has played — *had played*

Has been playing — *had been playing*

Is going to play — *was going to play*

Is to play — *was to play*.

Все формы глаголов, которые входят в эту систему, с функциональной точки зрения имеют одинаковую функцию — выполняют роль сказуемого в предложении. Но, в коммуникативно-прагматическом аспекте речи различные формы глагола настоящего времени отражают свой уникальный характер: они отражают факты и события как актуальные, имеющие непосредственное отношение к моменту речи («здесь и сейчас»). В то же время, противоположные формы прошлого времени описывают нечто, произошедшее в прошлом, то, что стало частью истории и не связано непосредственно с моментом речи и участниками коммуникативного акта в настоящий конкретный момент. Перфектные времена являются составными:

Present perfect: preterite + preterite;

Past perfect: pre-preterite + preterite;

Future perfect: pre-future + prefuture.

Примеры:

I have done it already = I was doing something, but by the present moment I finished it, (Present Perfect).

Таблица 1. Система времен в английском языке (А — 0 — С)

А			В	Future		
Before past (перед про- шлым)	Past (про- шное)	After Past (после про- шлого)	Present (настоящее)	Before Future (предше- ствующее будущему)	Future (будущее)	After Future (после будущего)

I had done it before she came = I was doing something in the past and finished it before the moment in the past (before somebody came), (Past Perfect).

I will have done it by the time she came = I will finish the action by the concrete moment in future, (Future Perfect).

В таблице 1 представлена модель системы времен в английском языке, согласно О. Ясперсена. [Ясперсен: 1933, с. 121]

Грамматическая категория времени связана с категориями лица и числа, которые влияют на выбор окончания глагола, обозначающего то или иное время.

Например: I read the book. — Present Simple tense 1-го лица, ед.ч. à нулевое окончание.

You read the book. — Present Simple tense 2-го лица, ед.ч. à ze нулевое окончание.

She reads the book. — Present Simple tense 3-го лица, ед.ч. à окончание -s/es.

They read the book. — Present Simple tense 3-го лица, мн. ч. à нулевое окончание.

We/You read the book. — Present Simple tense 1-го/2-го лица, мн. ч. à нулевое окончание.

Данное исследование позволяет сделать вывод о том, что грамматическое расширение категории времени английского глагола со времен древнеанглийского периода до современного состояния языка было вызвано аналитическими изменениями в языке и расширением парадигмы английского глагола.

Литература:

1. Бархударов, Л. С., Штеллинг Д.А. Грамматика английского языка. М., Изд-во литературы на иностранных языках. 1960. — 422 с.
2. Блох, М. Я. Теоретическая грамматика английского языка. М., Высшая школа, 1983. — 384 с.
3. Бруннер, К. История английского языка. Т 1. М., 1955. — 323 с.
4. Воронцова, Г. Очерки по грамматике английского языка. М., 1960. — 400 с.
5. Расторгуева, Т.А. Очерки по исторической грамматике английского языка. М., Высшая школа. 1989. — 160 с.
6. Решетникова, Н.Д. Языки аналитические и синтетические / Н.Д. Решетникова, А.О. Савинова // Молодой ученый. — 2013. — № 12. с. 873–877.
7. Greenbaum, S., Quirk R. A Student's Grammar of the English Language. Longman, 1990. — 496 p.
8. Iriskulov, A. T. Theoretical grammar of English. Tashkent, 2006. — 64 p.
9. Jespersen, O. Essentials of English Grammar. London, 1933. — 372 p.
10. Lee, M., Longman. D. B. Target English Grammar. Hong Kong, 2004. — 582 p.
11. Quirk, R., Greenbaum S. and others. A Comprehensive Grammar of the English Language. Lnd., 1985. — 779 p.

Новый философский роман Филипа Рота «Людское клеймо» в контексте постмодернизма

Корнеева Виктория Александровна, студент;
Бондаренко Лидия Валериевна, кандидат филологических наук, доцент
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

Роман Филипа Рота «Людское Клеймо» относится к жанру нового философского романа, сочетающего в себе жанровые особенности психологического, социального, философского и биографического романов. Большинство литературоведов рассматривает творчество американского писателя в контексте постмодернизма, выделяя роман «Людское Клеймо» как наиболее яркий образец постмодернистского нарратива. В романе используются такие писательские техники как нелинейная структура, фрагментарность, прием «ненадежный рассказчик», флешбэк.

Ключевые слова: *новый философский роман, национальная идентичность, внутриличностный конфликт, фрагментарность, ненадежный рассказчик, флешбэк.*

New philisopic novel “The human stain” by Philip Roth in the context of postmodernism

The “Human Stain” by Philip Roth is regarded as a new philosophical novel that combines genre features of psychological, social, philosophical and biographic kinds of novel. The majority of literary critics refer the works of the American writer to postmodern literature? Considering his novel «The Human Stain» as the brightest example of a post-modernist narrative. In the novel the author used such literary technicians as nonlinear structure, fragmentariness, «the unreliable story-teller» and flashbacks that give us the reason to speak about the genre originality of the new philosophical novel in the context of postmodernism.

Keywords: new philosophical novel, national identity, intra personal conflict, fragmentariness, unreliable story-teller, flashbacks.

Филип Милтон Рот — американский писатель — постмодернист, автор более 25 романов, лауреат Пулицеровской премии, дебютировал рассказами, в середине 1950. Вместе с повестью «Прощай, Колумбус» (Goodbye, Columbus, 1959) они составили первую книгу прозаика, высоко оцененную критикой и удостоенную в 1960 г. Национальной книжной премии. И в повести, и в последовавшем за ней романе «Попустительство» (Letting Go, 1962) показан конфликт молодого интеллектуала, представителя поколения, болезненно ощущающего на себе последствия «маккартизма», насаждавшего идейную нетерпимость, с самодовольным мешанством и доминирующей в американском обществе той поры философией практицизма. Романы Ф. Рота отличают трагифарсовые коллизии, порожденные специфическими обстоятельствами еврейского иммигрантского бытия. Это проявляется в таких произведениях, как «Жалобы Портного» (Portnoy's Complaint, 1969); «Литературный негр» (The Ghost Writer, 1979); «Освобожденный Цукерман» (Zuckerman Unbound, 1981); «Урок анатомии» (The Anatomy Lesson, 1983); «Людское клеймо» (The Human Stain 2000) и другие [5].

Роман «Людское клеймо» является ярким образцом американского постмодернистского романа, отображающего важнейшие социальные проблемы американского общества начиная с конца XX века и до сих пор, а также одной из лучших книг Ф. Рота. Возникающее в первых же эпизодах напряжение возрастает, странности в поступках и мыслях персонажей постепенно находят свое логическое объяснение, а пробелы в их жизни заполняются один за другим. А в завершении романа раскрывается самая главная тайна героя, профессора Коулмена Силка, — талантливый человек и уважаемого профессора, который был несправедливо обвиненного в расизме.

В отечественном литературоведении на сегодняшний день не существует значительных критических работ, посвященных творчеству Филипа Рота, а роман «Людское Клеймо» с точки зрения его жанровых особенностей и вовсе не рассматривался. Однако, следует отметить, что интерес к творчеству американского писателя неуклонно возрастает: отдельным произведениям Ф. Рота уже были

посвящены статьи А. Мулярчика, а также рецензии А. Зверева на романы «Контржизнь», «Факты: Автобиография романиста» и «Операция Шейлок: Признание».

Таким образом, **актуальность** данного исследования определяется двумя основными моментами: широким вниманием современных литературоведов и лингвистов к творчеству современного американского писателя, с одной стороны, и интересом филологов к новым подходам и методам анализа «современного философского романа», с другой.

Методика исследования основана на комбинации подходов и методов, используемых в гуманитарных науках. В работе применяются *комплексный подход*, сочетающий традиционные и новые литературоведческие методы. *Культурно-исторический* и типологический подходы используются при определении понятия «философский роман» в культурно-историческом и литературном контекстах. *Структурный метод* применяется при анализе интертекстуальной структуры романа в сочетании с *методом концептуального анализа* и *методом тщательного прочтения*.

Целью исследования является выявление жанровых особенностей нового философского романа Ф. Рота «Людское Клеймо» и определение его художественного своеобразия в контексте постмодернизма.

Современный философский роман в контексте постмодернизма сохраняет традиции реалистические и экзистенциальные, затрагивая такие «вечные» вопросы как смысл человеческой жизни, место человека в мире и его взаимоотношения с обществом, а также отображая человеческие жизни, людские пороки и несовершенство мира в целом. Ярким примером современного философского романа является роман «Людское Клеймо», в котором, помимо изображения жизни главных героев, их пороков, несовершенства и ограниченности общества, в котором они находятся, автор отображает и целый набор проблем, актуальных в современном американском обществе и предлагает посмотреть по-новому на старые проблемы, а также новую интерпретацию тем, которые ранее затрагивались в его творчестве. Так, проблема этнического самоопределения приобретает расовый оттенок, что делает роман еще более «американским».

«Людское клеймо» отличается ярко выраженной социальной проблематикой, характерной именно для США. Впервые Ф. Рот обращается не к этническим проблемам, а к проблеме расовой дискриминации, иллюстрируя ее на примере отношения американцев к афроамериканцам. Главный герой Коулмен Силк был обвинен в расизме двумя чернокожими студентами за то, что назвал их “призраки”, что, некогда, использовалось как оскорбление. Однако и сам Коулмен, как оказалось, был афроамериканцем, и страдал от расовой дискриминации: его невеста, узнав, что он из семьи чернокожих, бросила его, а его отец, человек большой эрудиции, был вынужден работать в вагоне-ресторане лишь потому, что он негр. Это привело к тому, что Коулмен пошел на отчаянный шаг — он изменил свою национальность, поскольку хотел жить независимо от расовых ограничений, не быть обремененным расовой дискриминацией.

Проблема «выбранной» идентичности является ведущей темой романа и позволяет определить его как философский роман. Коулмен Силк сменил свою назначенную идентичность на выбранную: будучи одаренным молодым человеком, светлокожим афроамериканцем, подававшим большие надежды боксе, он отказался от предназначенного ему будущего, отрекся от своей расы, дабы самому распоряжаться своей жизнью, а не предоставлять неосведомленному обществу право определять его судьбу. Однако это не увенчалось успехом: после случая в колледже, его успешная карьера была разрушена, жена умерла, и он скатывался все ниже и ниже по социальной лестнице, вскоре став одним из тех, кого он некогда презирал.

Жанровые особенности психологического в романе просматриваются через внутреличностный конфликт главного героя, через историю его надежд и разочарований. Коулмен Силк — сложная личность, конфликтующая со средой, в которой он находится, он ищет смысл жизни за пределами его расовой принадлежности, однако сам загоняет себя в ловушку: имея белое лицо, мысли у него остаются рабские. Ради успеха и счастливой жизни Коулмен Силк отказался и от своего дома, своей семьи, что повлекло за собой множество переживаний. Изображение этих чувств, переживаний и внутренней жизни героя помогают читателю раскрыть правду о нем — человеке, прожившем непростую жизнь и дорого заплатившем за свои поступки.

Еще одна жанровая особенность романа — наличие биографического элемента. Поскольку все книги Рота носят более или менее выраженный автобиографический характер, следовательно, в романе «Людское клеймо», так же, как и в некоторых предшествующих романах, наиболее ярким является образ еврейского писателя Натана Цукермана, который находится в поисках профессиональной писательской идентичности и является alter ego Филипа Рота. Так же, биографичность романа заключается не только в профессиональной деятельности героя и автора — они оба писатели, но и в их принадлежности к одной национальности: и Натан Цукерман, и главный герой, Коулмен Силк, так же, как и Филип Рот — ев-

реями. Несмотря на сложность и «запутанность» композиции, читателю все же удается определить, что именно Натан Цукерман является повествователем, автором книги, посвященной Коулмену Силку. Именно от него мы узнаем о многих событиях, происходящих с главным героем, однако сам он не выступает как важный персонаж, поскольку не несет никакой информационной важности и является, так называемым, сквозным персонажем.

Следует отметить, что роман «Людское Клеймо» относится к литературе постмодернизма, о чем свидетельствуют постмодернистские техники присутствующими в нем. Для нарратива Ф. Рота характерна *нелинейная структура*. Роман состоит из пяти глав, которые не являются логическим продолжением друг друга, их связь между собой едва заметна. События, происходящие в жизни главных героев, подаются читателю непоследовательно, с большими промежутками во времени, отдаленно друг от друга. Так, первая глава («Всем известно») начинается с рассказа о взаимоотношениях Коулмена Силка и Фауни Фарли, а затем этот рассказ прерывается чередой событий, произошедших до этого, а описывая пребывание героев на молочной ферме, автор прерывает рассказ, уводя читателя в далекое будущее, в котором Коулмен и Фарли уже мертвы, и затем снова возвращается к событиям, происходящим в прошлом. При прочтении создается ощущение, что автор разделил события из жизни главного героя на множество маленьких фрагментов и постепенно выдает их читателю в различной последовательности, когда ему этого захочется.

Другим признаком постмодернистского текста является *фрагментарность*. В романе присутствует множество лирических отступлений, среди которых рассказ о вьетнамской войне, в которой участвовал муж Фауни и его реабилитации по возвращении домой. Другим примером такого лирического отступления является рассказ Натана Цукермана о перенесенной им операции, проблемами со здоровьем, и объяснение того, что побудило его к затворнической жизни. Этот фрагмент «вклинивается» в рассказ Коулмена об его отношениях с Фауни, тем самым разрывая его целостность.

Также следует отметить *флешбеки*, которые непосредственно выступают в качестве ключевых фрагментов в тексте и несут высокую смысловую нагрузку, поскольку раскрывают важные детали из жизней персонажей, дают объяснение их поступкам или же просто вводят читателя в курс дела. Одним из примеров флешбэка выступает эпизод, когда Коулмен, собираясь жениться на Айрис, приехал домой к матери и заявил о том, что это их последняя встреча. Наличие данного фрагмента в тексте позволяет читателю самому прочувствовать на себе те эмоции, которые переживали герои в тот момент и «окунуться» в их мысли.

Стоит также отметить художественный прием «*ненадежный рассказчик*». Основной рассказ ведется от лица, так называемого, «сквозного» персонажа Натана Цукермана, который повествует о жизни главного героя и, параллельно, в некоторых ситуациях, сам выступает участ-

ником событий. Однако, далеко не все факты о главном герое мы узнаем от него, поскольку и сам Коулмен Силк выступает в качестве рассказчика. Данное чередование повествователей не всегда удастся проследить, что создает некую сложность и запутанность текста.

Итак, роман Ф. Рота «Людское Клеймо» с точки зрения жанрового разнообразия является произведением

сложным и неоднозначным. В нем гармонично переплетаются элементы различных, среди которых на первый план выступают психологический, социальный, философский и биографический роман, отображающие сложные взаимоотношения человека и общества, что позволяет говорить о жанре «нового философского романа» в контексте постмодернизма.

Литература:

1. Денисова, Т. Экзистенциализм и современный американский роман / Т. Денисова. — Киев: Наукова думка, 1985. — 248 с.
2. Карасик, О. Б. Этническое своеобразие романов Филипа Рота: автореф. дис... канд. фил. наук: 10.01.03. — Казань, 2006.
3. Панкова, Л. И., Шурыгина С. Специфика психологического романа (По произведению Ф. М. Достоевского «Подросток») // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Беллинского. — 2007. — № 8. — с. 65–70.
4. Roth Philip. The Human Stain. — Boston: Houghton Mifflin, 2000. — 352 с.
5. Филип Рот (Philip Roth) // Лаборатория фантастики. URL: <https://fantlab.ru/autor10178> (дата обращения: 22.03.2016).

Говорение как один из способов формирования коммуникативной компетенции в условиях полиязычия

Мокрецова Маргарита Михайловна, преподаватель, магистр;

Ербулатова Ильмира Канатовна, преподаватель, магистр;

Альмурзина Самал Сериккалиевна, преподаватель, магистр

Западно-Казахстанский аграрно-технический университет имени Жангир хана (г. Уральск)

Образовательный процесс во все времена представлял собой сложную систему работы. В связи с этим в последнее время наблюдается активный поиск эффективных путей и методов обучения молодого поколения, способного к коммуникации с представителями других культур. Как показывает история существования общества, его развитие зависит не только от экономики и техники, а от культуры слова. Поэтому подготовка разностороннего специалиста, обладающего высоким уровнем культуры (в том числе и культуры слова) — первостепенная задача образования сегодня.

Президент РК Н. Назарбаев в своей книге «Стратегия трансформации общества и возрождения евразийской цивилизации» обращает внимание на то, что «... Казахстан уникален и силен своей многонациональностью. На его земле сформировалось уникальное поликультурное пространство... Поликультурность Казахстана — это прогрессивный фактор развития общества. Евразийские корни народов Казахстана позволяют соединить восточные, азиатские, западные, европейские потоки и создать уникальный казахстанский вариант развития поликультурности» [1, с.16–18].

Полиязычное образование в Казахстане представляет собой взаимосвязанное изучение трех языков: ка-

захского языка — русского языка — английского языка. На современном этапе образ жизни человека определенным образом стандартизируется; стираются национальные особенности, теряется связь человека со своими корнями, обесценивается нравственный опыт предыдущих поколений. Такая унификация уничтожает национальное своеобразие, местную самобытность во всех сферах жизни. Поэтому перед преподавателем стоит важнейшая задача — использовать весь свой педагогический опыт и знания культурных традиций народов и этносов, общечеловеческих ценностей и мировой культуры в создании благоприятной образовательной и воспитательной среды, способствующей формированию социально-активной личности.

В современных рамках образовательного процесса важно ставить на первое место не знания, умения и навыки, а личность обучающегося, ее развитие посредством образования. В условиях полилингвизма обучение русскому языку должно осуществляться с учетом приобщения подрастающего поколения к универсальным, глобальным ценностям, формирования у подростков умений общаться и взаимодействовать с представителями соседних культур в мировом пространстве. В этой связи понимание роли языков в современном мире ставит перед

нами вопрос обучения языкам и повышения уровня языковой подготовки обучающихся. Возможно, компетентностный подход в обучении как реальное требование времени и станет одним из путей решения этой задачи, а именно формирование коммуникативной компетенции у студентов как залога становления успешной личности. Различные подходы к формированию личности студента в современной высшей школе — это темы, являющиеся одними из самых важных тем для современного преподавателя.

Понятие «компетентностный подход» получило распространение в начале 21 века в связи с дискуссиями о проблемах и путях модернизации казахстанского образования. Данная проблема актуальна и на данный момент и имеет статус «проблемы № 1» в преподавании, охватывая фактически все предметные области, и в первую очередь филологические дисциплины. При таком подходе в высшем образовании учебная деятельность, периодически приобретая исследовательский или практико-педагогический характер, сама становится предметом усвоения. С данных позиций казахстанские учёные предлагают следующую классификацию ключевых образовательных компетенций:

- 1) межкультурная;
- 2) ценностная;
- 3) учебная (интеллектуальная);
- 4) коммуникативная;
- 5) социальная [2, с.20].

В обучении неродным языкам акцентируют языковую (лингвистическую), речевую, коммуникативную, социокультурную и многие прочие виды компетенций. Согласно типовой образовательной учебной программе основным направлением дисциплины «Русский язык» в нерусскоязычной аудитории считается формирование коммуникативной компетенции, т.е. возможности и готовности реализовать иноязычное межличностное и межкультурное взаимодействие с носителями языка. В Казахстане вопросы коммуникативного обучения русскому языку как неродному в соответствии с концепцией модернизации образования приобретают особое значение, т.к. коммуникативная компетенция выступает как интегративная и ориентированная на достижение практического результата в овладении русским языком, а также на образование, воспитание и развитие личности обучающегося.

Коммуникативная компетенция — это главнейшая задача, которая включает в себе основную цель изучения неродного языка, и включает в себя все основные виды компетенций. Так же коммуникативная компетенция определяется как способность решать средствами неродного языка актуальные для обучающихся

и общества задачи общения в бытовой, учебной, производственной и культурной жизни; умение обучающихся пользоваться фактами языка и речи для реализации целей общения с учётом различных условий речевого акта.

Традиционный урок, ориентированный на процесс передачи знаний преподавателем и воспроизведение этого процесса студентами, недостаточно способствует формированию у обучающихся познавательной мотивации к изучению предметов, ограничивая возможность формирования коммуникативных и социальных компетенций. Условия для сознательного, осмысленного, а не формального усвоения знаний, на наш взгляд, обеспечивает коммуникативная направленность преподавания русского языка.

Современные стандарты образования выдвигают новые требования к преподаванию русского языка как неродного. Важным стало не только приобретение обучающимися орфографических и пунктуационных навыков, но и формирование коммуникативных умений. Таким образом, для формирования коммуникативных компетенций необходимо выбрать такую форму работы, при которой изучение русского языка будет направлено на развитие речевой и мыслительной деятельности, коммуникативных умений и навыков, обеспечивающих свободное владение русским литературным языком в разных сферах и ситуациях общения; готовности и способности к речевому взаимодействию и взаимопониманию; потребности в речевом самосовершенствовании.

К основным видам речевой деятельности относятся:

- 1) говорение (устное выражение мысли),
- 2) слушание (восприятие речи на слух и ее понимание),
- 3) письмо (графическое, письменное выражение мысли),
- 4) чтение (восприятие и понимание чужой записанной речи).

Одним из продуктивных видов деятельности на уроках русского языка является такой вид речевой деятельности как говорение. Мы должны научить студентов, плохо владеющих русским языком, рассказывать о том, что они пережили, увидели, услышали; обогатить и активизировать их словарный запас, научить правильно строить предложения и связные высказывания, грамотно и последовательно отвечать на вопросы и давать развернутые ответы, одним словом, научить **говорить**.

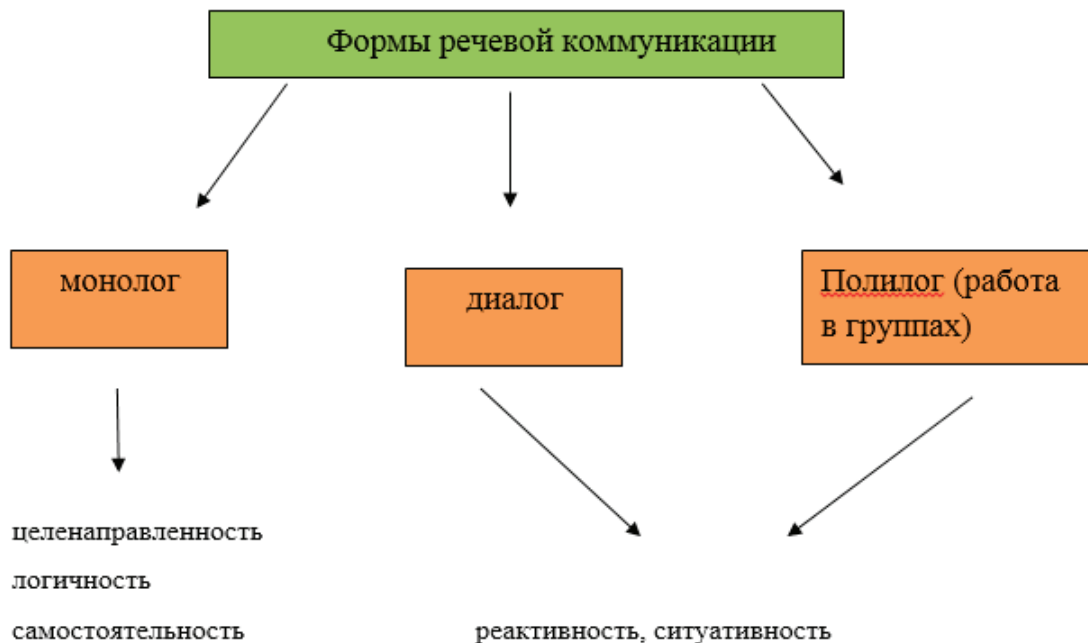
Одним из способов научить этому является создание речевых ситуаций. Речевая ситуация — это сочетание таких условий, при которых возникает общение, обмен мыслями между говорящими и слушающими. Компоненты речевой ситуации можно представить в виде:

Участники речевой ситуации	Кто? Кому? Почему?
Цели речи	О чем? Зачем?
Условия и обстоятельства	Когда? Где?

Цели и мотивы речевых ситуаций:

1. На информирование (монологическое высказывание по тексту или изученному материалу).
2. На воздействие (доказать свою точку зрения).
3. На побуждение к общению (обсуждение проблемного вопроса).

Именно эти виды речевой деятельности лежат в основе процесса речевой коммуникации. От того, насколько у человека сформированы навыки этих видов речевой деятельности, зависит эффективность, успешность речевого общения.

Так как монологической речью студенты владеют слабее, чем диалогической, основополагающими задачами должны являться: помощь в осмыслении речевой ситуации, умении отбирать и организовывать высказывания, расширить запас языковых средств. Можно использовать как продуктивные (самостоятельно составленные: приветствие, пожелание, благодарность, извинение с введением этикетных слов), так и репродуктивные (пересказ статей учебника) виды работ. Например, при изучении темы «Формирование нравственно-эстетических взглядов молодого человека. Искусство в жизни человека», проиллюстрировав репродукции известных художников можно провести творческую устную работу на основе личных впечатлений или устное монологическое высказывание; предварительно посетив художественную галерею, драматический театр — устные сочинения-миниатюры; конкурсы творческих работ.

При обучении диалогической речи, учитывая ее особенности: реактивность и ситуативность, предлагать свободные диалоги (беседы, интервью) и стандартные (работа в парах, языковые игры, взаимопрос в парах). Также в неязыковой аудитории возможно использование опор для обучения диалогу: тексты диалогов-моделей, речевая установка преподавателя, описание ролей каждого участника диалога, видеосюжет (без звука).

Например, на практическом занятии на тему «Устная речь как показатель образованности и культуры человека. Риторика» можно провести взаимное рецензирование, учитывая логичность построения, убедительность,

яркость и эмоциональность речи, а на заключительном этапе занятия объявить конкурс ораторов. Работа в группах с текстом способствует формированию коммуникативной компетенции, так как студенты осваивают логические операции, осмысливают содержание текста на разных понятийных уровнях, учатся понимать и угадывать коммуникативный замысел автора и посредством соприкосновения с богатейшим миром писателя сами формируются как личности.

Таким образом, на занятиях русского языка по развитию коммуникативных навыков мы предлагаем использовать следующие виды работ:

1. Работа со зрительной опорой (иллюстрации, фотографии, репродукции картин).
2. Творческие устные работы на основе личных впечатлений.
3. Устные дискуссии (цель — научить слушать и слышать, темы должны всех волновать).
4. Устная газета (о событиях в вузе, в городе, в стране).
5. Языковые игры («Буриме», «Продолжи рассказ по началу», «Найди третье лишнее»).
6. Лингвистическая работа с опорным конспектом или алгоритмом.
7. Мини-изложения и мини-сочинения.
8. Пересказ художественного текста от лица героя.
9. Театрализованные сценки (форма работы в парах, групповая, индивидуальная).
10. Устное монологическое высказывание по тексту: а) озаглавить

б) тема

в) основная мысль

г) выразить свое отношение к прочитанному материалу

11. Монологические высказывания по теме, пройденной на занятии.

Для развития речевых навыков включения в полилог целесообразно использовать интерактивные методы обучения «снежный ком», «зигзаг», «мозговой штурм». Важно отметить, что работа в группах, это эффективный стимул к знаниям при взаимообучении, взаимовыручке своих товарищей.

В соответствии с Государственным образовательным стандартом изучение русского языка направлено на развитие речевой и мыслительной деятельности, коммуникативных умений и навыков, обеспечивающих свободное владение русским литературным языком в разных сферах

Литература:

1. Назарбаев, Н. А. Стратегия трансформации общества и возрождения евразийской цивилизации. — М., 2000. — С.16–18.
2. Рудик, Г. А., Шакирова Д. М., Белошниченко Е. В. Инжиниринг процесса обучения в координатах таксономии Блюма и европейских компетенций. Микрогид в схемах и примерах. — Костанай: ТОО «Центрум», 2011. — с. 200.

Обзор русских языковых заимствований в польском языке

Парафиньска Эвелина Збигневна, студент

Государственная высшая школа имени Иоанна Павла II в Бялой Подляске (Польша)

Как известно, язык не является мертвым творением. Он постоянно развивается, некоторые слова выходят из употребления, другие возникают. В языке отражается история этнической группы, народа, государства. Он подвергается влияниям других языков и таким путем образуются языковые заимствования. Такие явления происходили во всех языках на протяжении веков, можно это наблюдать и сегодня, поэтому тема языковых заимствований является актуальной и заслуживающей внимания.

По «Словарю лингвистических терминов» Д. Э. Розенталя, термином «языковые заимствования» определяются: «слова, заимствованные из других языков. Заимствование является естественным следствием установления экономических, политических, культурных связей с другими народами, когда вместе с реалиями и понятиями приходят обозначающие их слова» [5]. Обычно на другой язык оказывает влияние язык народа, который более развит экономически, культурно и в связи с этим становится образцом для подражания [3, с. 5]. Язык заимствует новые слова разными каналами, например, устно или письменно. Устный канал влечет за собой больше изменений слов. По пути движения слова в язык можно выделить прямые и косвенные заимствования, т.е. те, которые входят в язык непосредственно или при посред-

и ситуациях общения; готовности и способности к речевому взаимодействию и взаимопониманию; потребности в речевом самосовершенствовании. Важно, чтобы каждый обучающийся понял, как могущественно слово и как важно научиться это могущество использовать во благо.

Таким образом, можно отметить, что говорение является одним из важнейших способов формирования коммуникативной компетенции в условиях полиязычия, который наиболее точно отражает суть современных процессов в области образования, так как характеризуется целенаправленностью и целостностью, а именно формированием таких умений, способностей, личностных характеристик, которые должны непосредственно использоваться в практической деятельности и формироваться через личностный опыт обучающихся.

ничестве другого языка. Классификация заимствований по способам их образования охватывает лексические, структурные и семантические заимствования. В работе учитывается последняя классификация.

Предметом анализа настоящей работы является польский язык, так что для начала на его примере целесообразно будет привести краткий очерк исторических связей Польши с другими государствами, чтобы показать, как эти явления отразились в исследуемом языке.

Историческое начало польского государства связано с принятием в X веке крещения в римском вероисповедании. Тогда — в 965 г. польский князь Мешко I женился на чешской княгине, Дубравке. В следующем году князь и, заодно символически вся страна, был крещен. Все эти события отразились в заимствованиях латинского и чешского языков. Новая лексика касалась церковных званий и литургических терминов. На польское государство в то время (X–XI вв.) влияла и Германия. Заимствованные слова касались торговли, названий товаров, а также структурной организации государства, государственных символов, общественных слоев. Следующие века, т.е. XIII–XIV — это тоже время немецких заимствований, но связанных с организацией города, строительством, ремеслом, потому что в то время на польских землях се-

лили немецкие колонисты. XV и XVI вв. являются для Польши временем сильного чешского влияния, которому способствовало фонетическое сходство языков. XVI в. это также время влияний латинского языка, что связано с расцветом обучения, науки. Этим областям касается заимствованная лексика. Тогда в польском языке, благодаря королеве Боне, появились также итальянские слова, касающиеся светской, придворной жизни, музыки, моды, названия овощей и фруктов, до сих пор неизвестных полякам. С XV в. фиксируются восточные влияния: литовские, белорусские, украинские, а при посредничестве украинского, польский язык заимствовал военную и торговую татарскую и турецкую лексику. Военного дела касаются также венгерские заимствования из XVI и XVII вв. Французские влияния на польский язык можно наблюдать еще в XVI веке, но значительное усиление этого влияния приходится на XIX век, когда этот язык считался модным. Заимствования касаются всех областей жизни. XIX и XX вв. — это для Польши время оккупации. В связи с этим появляются немецкие и русские заимствования. Тема русских заимствований будет растолкована шире в главной части статьи. Новейшие заимствования взяты из английского языка. Этот процесс начался в XIX веке, но сегодня экспансия этого языка наиболее заметна. Входящая в употребление лексика касается, главным образом, спорта, развлечений, рекламы и информатики [2, с. 122–125]. Подытоживая, польский язык сильно насыщен чужими словами, но, поскольку предметом анализа являются русские заимствования, ниже приводится их классификация, с учетом способов образования заимствований.

Лексические заимствования

Так принято называть слова, которые перешли из одного языка в другой с формой и значением.

Влияние русского языка на разные области польской жизни происходило на многих плоскостях. Этот процесс являлся результатом исторических действий с участием Польши и России (раньше Руси) и межгосударственных контактов на протяжении веков. В зависимости от типа связей между Польшей и Россией в данное время, заимствовался определенный тип лексики.

Так, в старопольское время, слова заимствованные из группы восточнославянских языков характеризовались отрицательным оттенком [3, с. 12].

В царствование в Польше династии Ягеллонов развивались контакты с русским народом. Русские заимствования этого периода касались военно — привальной лексики, но, в большинстве случаев это были слова из украинского языка, например: рогатина — *rochatyna* ('włócznia'). [1, 232; 4, 347], а также коновал — *kopował* (в первоначальном значении — 'лечащий коней', сейчас так называется неумелого врача или ветеринара); роhubel — обозначение виселицы, так говорилось также о несчастье, беде; hołota (от: голота) — раньше о бедных дворянах, у ко-

торых не было собственной земли, сейчас — 'группа невоспитанных, грубых людей'. Военная лексика, главным образом, заимствовалась из языков других держав этого периода, например, венгерского, немецкого, турецкого.

XIX и начало XX веков — это было время, когда Польша была под чужеземной властью, что и отразилось в языке. На восточных землях правили русские, так что многие слова, до сих пор не присутствующие в польском языке, употреблялись в значении свойственном русскому языку. Такое явление можно заметить в произведениях восточно-окраинных писателей, например, у Элизы Ожешко, Юзефа Игнацы Крашевского, Владислава Серокомли. В польском языке употреблялись тогда такие слова, как, например: *kisły, kaczać, plita, soska* и in., ср. кислый, качать, плита, соска и другие [3, с. 31–32].

В то время заимствовались многие канцеляризмы (примеры даны по образцу: русское слово — заимствованное слово на польском — польский эквивалент):

- палата — *pałata* — 'izba skarbowa';
- прокурор — *prokurator* — 'prokurator';
- советник — *sowiec* — 'radca';
- таможня — *tamożnia* — 'komora celna';
- чиновник — *czynownik* — 'urzędnik'.

Русизмом считается также словосочетание «пойти в отставку» — «*rójść w odstawkę*» [3, с. 32].

В XIX веке в польский язык проникли русские слова, связанные с преступным миром, жаргоном подпольной деятельности:

- нары — *nary* — 'łóżko, prycza';
- начальство — *naczalstwo* — 'władze więzienne';
- одиночка — *odinczka* — 'izolatka';
- параша — *parasza* — 'wiadro' [3, с. 58].

При посредничестве воровского жаргона многие слова приобрели эмоциональный оттенок:

- деньги — *dziengi* — 'pieniądze';
- шпион — *szpion* — 'szpieg' [3, с. 58].

XX век, а точнее 1920–1953 гг. — это время, когда людей разных национальностей, в том числе поляков, отправляли в ссылку в Сибирь. Проживая много лет среди русскоязычных, поляки естественным путем заимствовали лексику, касающуюся жизни в тюрьме, бытовую лексику связанную с работой и жизнью на севере России. Свидетельством такого процесса являются дневники или письма, в которых осужденные употребляли усвоенную ими лексику. Примерами пусть послужат слова: колхоз — *kołchoz*, лазарет — *lazaret* (больница в лагере), лесоруб — *lesogub*, носилки — *nosiłki*, работяга — *robotiaga* (способный к работе), разводчик — *razwodczik* (отвечал за дисциплину в лагере).

Различные слова этого периода, происходящие из городского и партийного жаргона, сейчас в польском языке считаются устаревшими и не употребляются в современном польском языке. Однако, существует группа русизмов варшавского жаргона этого времени, которые присутствуют в языке, но с эмоциональным оттенком и чаще всего в разговорной речи.

Это, например:

– бродяжничать — bradziażyć się — ‘włóczyć się, wałęsać się’;

– заиванить — zaiwanić — ‘szybko biec, ciężko pracować, ale też ukraść’

– назад — nazad — ‘z powrotem’;

– чуть-чуть — ciut-ciut — ‘trochę’ [3, с. 58].

В XX веке, когда Польша еще была под чужеземной властью, заимствовались такие отдельные, бытовые слова, как:

– знойная погода — znojna pogoda — ‘skwarna pogoda’;

– миг — mig — ‘chwila, moment’;

– нагота — nagota — ‘nagość’;

– окутанный — okutany — ‘otulony, spowity’;

– открытка — odkrytka — ‘pocztówka’;

– отомстить — odemścić się — ‘zemścić się’;

– перенести — przenieść — ‘znieść’ [4, с. 649].

Существует группа слов, которые польский язык заимствовал из английского, но при посредничестве русского. Разные алфавиты в русском и английском языках стали причиной того, что русский язык заимствует слова в фонетическом виде. Примеры даны по образцу, согласно направлению заимствований: английское слово — русское слово — польское слово.

– conveyer — конвейер — konwejer (‘przenośnik taśmowy’);

– hooligan — хулиган — chuligan;

– sniper — снайпер — snajper;

– trawl — трал — trał [3, с. 51].

К группе лексических заимствований принадлежит еще список следующих, отдельных слов, вошедших в польский язык в русском виде:

– барахло — barachło — ‘rupiecie, tandeta’;

– герой — geroj — ‘bohater’ — в польском языке это слово приобрело эмоциональный — иронический оттенок;

– загвоздка — zagwozodka — ‘szkopuł, problem do rozwiązania’;

– кнут — knut — ‘bicz’

– сволоч — swołocz — ‘hołota, szuja’;

– траншея — transzeja — ‘rów strzelecki’;

– халтура — chałtura — ‘dodatkowa praca, fucha, fuszerka’;

– частушка — czastuszka — ‘krótka gromowana przyśpiewka’.

Структурные заимствования — кальки

Кальки представляют собой структурные заимствования, т.е. те, которые образуются на основе искомого материала — образца. Калькой может быть слово, словосочетание, синтаксическая конструкция или слово, которое под влиянием другого языка приобретает новое значение. Заимствования иноязычных конструкций, фразеологических оборотов являются причиной языковых

ошибок. Неправильно, т.е. на основе чужих схем, используются тогда категория управления, предлоги и союзы. Поскольку польский и русский языки близки по происхождению, чужие конструкции легко принимаются. Сходство языков приводит к тому, что этот процесс является неосознанным [1, с. 200].

Ниже приводится список популярных структурных заимствований по образцу: русская конструкция — заимствование (ошибочное) — польский эквивалент:

– больше двух недель — więcej dwóch tygodni — ponad dwa tygodnie;

– взять займы у кого- — pożyczyć u kogo — pożyczyć od kogo;

– взять крепость — wziąć fortecę — zdobyć fortecę;

– вместо чего — w miejsce czego — zamiast czego;

– за исключением — za wyjątkiem — z wyjątkiem;

– изобиловать чем — opływać czym — opływać w co;

– как бы ни было — jak by nie było — jakkolwiek by było;

– несмотря на это — nie patrząc na to — mimo to;

– неприятель отступил — nieprzyjaciel odstąpił — nieprzyjaciel cofnął się;

– ограничиваться чем — ograniczyć się czym — ograniczyć się do czego;

– оказывать помощь — okazywać pomoc — nieść pomoc;

– от всего сердца — od serca — z całego serca;

– относительно чего — odnośnie czego — odnośnie do czego;

– писать с большой буквы — pisać z dużej litery — pisać dużą literą;

– под ряд — pod rząd — z rzędu;

– привести к упадку — przyprowadzić do upadku — doprowadzić do upadku;

– причинять потери — przyczyniać straty — przynosić straty;

– рисковать чем — ryzykować czym — ryzykować co;

– следить за чем — śledzić za czym — śledzić co;

– служить примером — służyć przykładem — służyć jako przykład;

– тем не менее — tym niemniej — niemniej jednak [1, с. 200–201; 3, с. 94; 4, с. 649].

Другие случаи заимствования польским языком типичных русских конструкций касаются употребления числа в сочетаниях с числительными и существительными, напр.:

– двадцать одна книга — dwadzieścia jedna książka — dwadzieścia jeden książek;

– научный и торговый аспекты — naukowy i handlowy aspekty — naukowy i handlowy aspekt [3, с. 95].

Многие конструкции, которые раньше считались русскими, сейчас укрепили свое положение в языке и не считаются неправильными. Такое явление произошло с выражением «współczuć komu» — «сочувствовать кому». В наши дни это не является ошибкой, раньше допускался только следующий вариант: «współczuć z kim» [3,

с. 94]. Ошибкой не является также употребление в некоторых случаях конструкции с инфинитивом, например: «proponuję wyjechać» — «предлагаю уехать», раньше использовалось только: «proponuję wyjazd» [3, с. 97].

Семантические заимствования

Это слова, которые уже существуют в языке, но приобретают новую семантику под влиянием иноязычных, созвучных слов. Такому явлению также способствует степень сродства польского и русского языков (хотя это не правило), в которых многие слова похожи друг на друга по звучанию, но их значения отличаются. Это является причиной возникновения семантических заимствований, которые нередко относятся к категории языковых ошибок [1, с. 157].

Примером пусть послужит слово «обеспечить», которое на русском языке, согласно «Словарю русского языка» С. И. Ожегова обозначает: «1. предоставить достаточные материальные средства к жизни; 2. снабдить чем-н. в нужном количестве; 3. сделать вполне возможным, действительным, реально выполнимым; 4. оградить, охранить» [6, с. 388]. Зато на польском, похоже звучащий глагол «zabezpieczyć» значит дать охрану, сделать безопасным. Под влиянием русского языка этот глагол стал употребляться в другом значении, которое ближе семантике глаголов: «zaspokoić», «zapatrzeć» [3, с. 99]. Используемая для настоящей работы литература классифицирует такое употребление, как ошибку, но уже в словаре польского языка от 2006 г. можно найти очередное значение глагола «zabezpieczyć» — дать кому-л. гарантию быта, приюта, хотя оно не является еще полным десигнатом русского слова.

Подобное явление происходит со словом «тонкий» — «cieńki», которое на польском языке называет узость предмета, высоту голоса или разбавленную водой жидкость. Под влиянием русского языка прилагательное «cieńki» стало употребляться в значении: subtilный, утонченный, что считается русизмом [3, с. 98].

Очередной пример — это глагол «отставать» — «odstawać», который на польском употребляется скорее в значении «торчать». Под влиянием русского языка слово заимствует новую семантику [3, с. 98–99].

Кроме того польский язык заимствует из русского значения таких слов, как, напр.: «бурный» — «burzliwy», который на польском относится, главным образом, к буре, как природному явлению, а под влиянием русского языка стал употребляться в значении «интенсивный»; «ведущий» — «wiodący, prowadzący», который в типично русском употреблении, т.е., например, для определения роли в фильме, организации, считается русизмом [1, с. 157].

Литература:

1. Cegięła, A. Markowski, Z polszczyzną za pan brat, ISKRY, Warszawa 1986.
2. E. Łuczynski, J. Maćkiewicz, Językoznawstwo ogólne, Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, Gdańsk 2005.

Настоящий список можно также пополнить словом «балаган» («bałagan»), которое в исследуемом языке поменяло семантику. К десигнату слова «балаган» в польском языке можно отнести определение беспорядка по отношению к вещам. Значение, укрепленное в русском языке, т.е. для обозначения деревянной рыночной постройки, театрального зрелища или чего-то шутовского [6, с. 35], в польском языке вообще не присутствует.

Семантические изменения заимствованных слов:

1. Сужение семантического объема по сравнению с первоначальным словом:

Первым примером пусть послужит слово «вредный», в заимствованном виде: «wredny». Его значение в польском языке более узкое, специализированное и употребляется для определения подлого, невыносимого человека, интригана, такого, который пытается повредить или мешать. Похожее явление произошло со словом «нахальный», на польском «pachalny», которое в заимствованном виде обозначает: назойливый, невоспитанный, претенциозный [3, с. 113].

2. Расширение семантического значения по сравнению с первоначальным словом:

Слово «драка» («draka») в польском языке, кроме русского семантического объема, называет еще скандал, ссору. Очередной пример — это слово «перепалки» («pierepalki»), которое в польском языке приобрело добавочные значения: затруднения, недоразумения, заботы [3, с. 114].

Настоящий список можно пополнить словом «лакомый» — «smaczny», в заимствованном виде: «łakomy». Слово «łakomy» в первоначальном значении называло человека, любящего поесть — лакомку. Под влиянием русского языка оно добавочно стало употребляться в типично русском значении, т.е. для обозначения чего-то очень вкусного, но не потеряло своей начальной семантики.

Польский и русский языки близки, поэтому на протяжении многих веков оба языка влияли друг на друга. Результатом такого процесса являются заимствования. Настоящая работа подвергла анализу русизмы в польском языке. Таких примеров существует очень много, некоторые сумеют указать только языковеды. Множество русизмов укрепило свою позицию в польском языке, так что чужое звучание не замечается, но есть и группа таких, которые неправильно употребляются и считаются языковыми ошибками. Примеры заимствований и краткий исторический очерк влияний других государств на Польшу показывают, что заимствования являются результатом исторических процессов. Для того, чтобы анализ иностранных слов был полным, нужен исследовательский подход, с учетом экономических, политических и культурных факторов, сопровождающих вхождение новых слов, в этом случае русизмов, в язык.

3. H. Rybicka, *Losy wyrazów obcych w języku polskim*, PWN, Warszawa 1976.
4. Z. Klemensiewicz, *Historia języka polskiego II, III*, PWN, Warszawa 1985.
5. Д.Э. Розенталь и др., *Словарь лингвистических терминов* [электронный ресурс: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/DicTermin/i.php] [доступ: 01.02.2016]
6. С.И. Ожегов, *Словарь русского языка*, Издательство «Русский язык», Москва 1978.

Этимолография проблемы топонима «Юрга»

Савилова Светлана Леонидовна, аспирант, старший преподаватель
Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Литвинов Юрий Борисович, учитель географии, ОБЖ
МОУ г. Юрга СОШ № 15 (Кемеровская обл.)

Статья рассматривает варианты этимологического происхождения топонима города (реки) Юрга и взаимосвязи похожих названий из других языков и культур. В результате проведенного исследования были найдены несколько вариантов значений топонима ЮРГА на территории России и Беларуси; в тюркских, селькупских, славянских языках.

Ключевые слова: Юрга, этимология, селькупы, татары, топоним.

Любое географическое название исторично и является памятником культуры каждого народа. Уходят века, люди, но память о них остается в памяти людей, делах и воспоминаниях, в том числе и топонимах — названиях рек и озер, сел и городов.

Актуальностью исследования является неизученность этимологии топонима города Юрга. Этимология названий крупных городов лексикографически зафиксирована в различных словарях, литературе. Этимологические словари не дают справки по городу Юрге (= этимология не установлена), например, словарь Эфрона («Юрга это: город, р.ц., Кемеровская обл.; название по р. Юрга, она же Ерга, Гурга. Гидроним относят к числу селькупских, **но удовлетворительной этимологии он не имеет**» [1]), «Википедия» — «Юрга (приток Тобола) — река в Тюменской области (127 км);

— Юрга (приток Илима) — река в Иркутской области (15 км);

— Юрга (приток Оленьего) — река в Чукотском АО (6 км);

— Юрга (река, впадает в Телецкое озеро) — река в Республике Алтай (6 км)» [2]). Это и послужило основанием для первичного изучения топонима Юрга в этимологическом аспекте. Чаще всего этимологические словари, музейные хроники дают информацию о Юрге, ссылаясь на **татарское** происхождение названия города или реки. Наша работа направлена на то, чтобы подвергнуть сомнению данное утверждение. «Населенный пункт Юрга, по данным Томского областного архива, значится с 1886 г». [3, 4].

В своей работе мы придерживаемся термина «топоним — имя собственное, название любого географического объекта. Изучением топонимов занимается наука —

топонимика. Топонимика изучает происхождение, содержание и закономерности развития географических названий. Слово это греческого происхождения, сложное, состоит из двух слов: топос — «место» и онима — «имя», то есть топонимика — наука об именах, названиях мест» [5]. Происхождение топонима характеризует объект на каком-то определенном историческом этапе и дает информацию об этом этапе. Известный исследователь Сибири А.П. Дульзон считал, что древние обитатели Сибири — селькупы дали название реке Юрга. Перевести его можно как «жирная река» [6]. Предполагалось, что ранней весной долина реки покрывалась бледно-желтыми цветками лютика, и издали казалось, что что течет речка, покрытая блестками жира. Селькупы жили в Среднем и Верхнем Приобье от рек Аган и Вах на севере до реки Чая и устья реки Томь на юге — и от верхнего течения Кети на востоке до бассейнов Агана и Васюгана на западе [7. С. 103]. Вопрос о происхождении топонима «Юрга» имеет свою историю. Существует ряд толкований и расшифровок. Наиболее вероятные из них: а) Юрга — *конь, иноходец*; б) Юрга — *быстрая речка*. Первые сведения о Юрге относятся к началу второй половины 17 века. В это время на торговых путях по р. Томь возникло небольшое русское поселение Усть-Искитим. На берегу р. Искитим, невдалеке от места впадения ее в реку Томь, селились татары. Название этого селения (Юрга по-татарски значит Яма) сохранилось до настоящего времени» [3]. В других источниках Юрга переводится, как «иноходец». Татары же считают, что Юрга происходит от их слова, которое в переводе означает «мелкая рысь лошади» Но наиболее убедительной современным исследователям (Воробьевой, Дульзону) представляется версия, что слово Юрга — тюркского происхождения и озна-

чает оно «быстрая речка» [6]. «От проживавших в Юрге и Старом Шалае башкир, зафиксированы и другие значения слова «юрга»: Иорда — быстрые сборы большой группы войск башкирских всадников на самых быстрых лошадях для отражения нападения врага или внезапного нападения на него. Постепенно слово «иорда» стало произноситься как «иорга». Еще позднее, с упрощением произношения слова, две первые буквы в «иорга» заменились на звук «Ю» и появилось слово «Юрга». Оттуда первопоселенцами башкирами завезено слово Юрга, которым названа речка, а позднее и деревня, а там и станция» [8].

Рассмотрим варианты этимологии топонима (= гидронима) Юрга:

- **из татарского языка:**
- **«иноходец».** Татары считают, что Юрга происходит их слова, которое в переводе означает с татарского [9];
- **«мелкая рысь лошади».** В музее Томска есть записи насчет острога, который был назван Юрга. В переводе означает «мелкая рысь лошади» [10];
- **из старославянского языка.** Юр — кругом открытое место, бойкое место, торг, базарная площадь **водворот, сильное течение** (по словарю В. Даля [11]);
- **га.** Корень, пришедший в старославянский язык из санскрита gam 'идти': ga-/gam-/gaam- [12]. В старославянском языке «га» означало движение, т.е. но**ГА**, теле**ГА**, доро**ГА**, ладо**ГА**, кар**ГА**. Каждое слово имеет в своем значении интегральную сему 'движение, путь, дорога'. **ГА** — это высшее начало (горный исток) или высшее распространение продолжение. Е. М. Поспелов отмечает, что чередование — га/ка/гда (вода) распространено в северных регионах России [13];
- **с белорусского языка.** Юр — задор, плутовство [11];
- **из тюркского языка.** ЯР — высокий крутой берег, подмываемый рекой. Толковый словарь живого ве-

ликорусского языка В. Даля «ЯР» — самые жар, огонь, пыл, разговор, в прямом и переносном значении. Так же ручей в овраге, ключ или родник [11];

– **из башкирского языка.** Иорда — быстрые сборы большой группы войск башкирских всадников на самых быстрых лошадях для отражения нападения врага или внезапного нападения на него. Постепенно в течение многих лет слово «иорда» стало произноситься как «иорга». Еще позднее, с упрощением произношения слова, две первые буквы в «иорга» заменились на звук «Ю» и появилось очищенное слово «Юрга» [8];

– из монгольского языка. УРГУ (урга), который означает «большая юрта». Раньше так называли столицу (Улан-батор) [14];

– из казахского языка. Юргамыш — слово произошло от юрган 'жеребец' по-казахски, словообразовательный суффикс «мыш» — рождённый. Со стороны фонетики эта гипотеза более приемлема, но со смысловой стороны трудно понять причину такого названия реки. Гипотеза принадлежит А. У. Астафьеву, записанную В. П. Бирюковым. Не исключено его происхождение и от **хантыйского** «юган» — река [8].

Но наиболее убедительной современной исследователям (Дульзон, Воробьева) представляется версия, что слово Юрга — тюркского происхождения и означает оно «быстрая река». Весной или в период дождей река Юрга бежит «говорливо и бойко». Для подтверждения нашей версии, что топоним Юрга не имеет в себе татарской этимологии был задан поиск по всей территории России и сопредельным государствам (Монголии, Казахстану, Украине, Белоруссии), где татарский народ не проживал, и, соответственно, не мог дать топонимам и гидронимам название Юрга. Было найдено немало количество идентичных топонимов — рек «ЮРГА» — **РОССИЯ:**

Свердловская область Республика Алтай Тюменская область	Иркутская область Чукотский автономный округ Вологодская область.
---	---

«ЮРГА» в Вологодской области можно одинаково учитывать и как «Ерга». Река — «ЁРГА» в Архангельской области, найдены несколько топонимов на названий «Ярга».

Юрга (ерга). Верхняя и Нижняя — реки Вологодской губернии:

1) Верхняя Юрга — берет начало близ границ Вельского уезда, течет в южном направлении.

2) Нижняя Юрга — берет начало у истоков Верхней Юрги, течет параллельно последней [15].

7) **Белоруссия:** Юрга, Гомельская область, Ветковский район, районный центр **Речица**. Топоним Юрга зафиксирован также в республике Беларусь. Юрга, Гомельская область, Ветковский район, где не проживало татарское население, которое не могло дать название населенному пункту [16].

Если же рассматривать через интернет-поисковики с разделом «карты» топонимы Ерга (Ёрга, Ярга), то количество обнаруженных рек увеличивается значительно. Это наводит на мысль о том, что — «ЮРГА» топоним, распространённый от русской равнины до Чукотки, Европейского Севера до Байкала. Все топонимы с названием ЮРГА относятся к малым рекам / поселениям, что способствовало их позднему изучению, то есть крупные исследователи не уделяли им внимание. Общаясь с носителями татарского языка было выяснено, что слово «яма» по-татарски звучит совершенно по-другому — «чокыр баз» [9].

В статье впервые был проведен сопоставительный этимологический анализ ономастики топонима «Юрга» старославянского, русского, белорусского, татарского, башкирского, казахского, селькупского, монгольского языков.

Проведенное исследование подтверждает гипотезу авторов, что топоним «Юрга» не имеет татарского происхождения, так как данные топонимы были зафиксированы на тех территориях, где татарское население не проживало, соответственно дать название городу или реке не могло. Все населенные пункты «Юрга» находятся на берегах реки, давшей

им название и являющейся одновременно «дорогой», «путем» для вновь образованного города или поселка. Результаты данного исследования могут быть использованы на уроках русского языка и географии, краеведения, в качестве компонента, повышающего интерес и мотивацию к изучению школьных предметов [см. подробнее 17].

Литература:

1. Словарь «Академик.ру» Географический словарь. Юрга. [Электронный ресурс] URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_geo/11241/Юрга (дата обращения: 03.02.2016).
2. Википедия. Юрга [Электронный ресурс]. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Юрга_\(значения\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Юрга_(значения)) (дата обращения: 03.02.2016).
3. Сайт города Юрга: История города. [Электронный ресурс] URL: http://www.yurga.su/articles/city/istoriya_goroda_yurga (дата обращения: 03.02.2016).
4. Делаем туризм [Электронный ресурс]. URL: <http://turizm.delaysam.ru/russia/russia5.html> (дата обращения: 03.02.2016).
5. Словарь «Академик.ру» Топоним. [Электронный ресурс] URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/243022> (дата обращения: 03.02.2016)
6. Записки старого юргинца [Электронный ресурс]. URL: <http://sibcontek.ru/journal/zapiski-starogo-yurgintsa/zagozhdenie-seleniya-i-nazvaniya-yurga/> (дата обращения: 03.02.2016).
7. И. А. Воробьева «Топонимы Сибири» // Изд-во ТГУ, 1977—152 с.
8. История названия топонима Юргамыш [Электронный ресурс] URL: <http://yurgamysh.ru/content/view/108/79> (дата обращения: 03.02.2016).
9. Словарь татарско-русский онлайн. [Электронный ресурс] URL: <http://www.classes.ru/all-tatar/dictionary-russian-tatar-term-38689.htm> (дата обращения: 03.02.2016)
10. Социальная сеть «ВКонтакте» группа «История названия Юрги» [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/topic-8357114_24533917 (дата обращения: 16.03.2016).
11. В. Даль Толковый словарь живого великорусского языка online [Электронный ресурс] URL: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Dal-term-43575.htm> (дата обращения: 31.01.2016).
12. В. А. Кочергина Учебник санскрита [Электронный ресурс]. URL: http://www.daolao.ru/Sanskrit/kocherg_uchebnik_sanskrit.htm (дата обращения: 16.03.2016).
13. Введенская, Л. А. Колесников Н. П. Этимология: Учебное пособие / Л. А. Введенская, Н. П. Колесников. — СПб.: Питер, 2004. — с. 103.
14. Легендарные люди монголии 1635—1723 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.legendtour.ru/rus/mongolia/history/zanabazar.shtml> (дата обращения: 16.03.2016).
15. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона ЮРГА [Электронный ресурс]. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/120171/Юрга (дата обращения: 15.01.2016).
16. Юрга. Беларусь. Карты Яндекс. [Электронный ресурс] URL: <http://www.tury.ru/resort/id/286111-belarus-yurga> (дата обращения: 03.02.2016).
17. Савилова, С. Л. Повышение мотивации учащихся к изучению языков при помощи этимологического анализа слова с применением икт [Электронный ресурс] // Уровневая подготовка специалистов: государственные и международные стандарты инженерного образования: сборник трудов научно-методической конференции, 26—30 марта 2013 г. — Томск: Изд-во ТПУ, 2013. — с. 250—254.

Функции обращений в поэзии С. Есенина

Улыкова Акмерей Кенжегалиевна, студент

Научный руководитель: Есенова Пернекуль Сагинтаевна, кандидат филологических наук, доцент
Кызылординский государственный университет имени Коркыт ата (Казахстан)

Во всем многообразии языка выделяется особая лингвистическая категория, по праву претендующая

на полное, систематическое изучение. Это обращение. История его исследования начинается с античных времен

и не теряет своей актуальности и в настоящее время. Современный этап развития лингвистической науки характеризуется новыми подходами и принципами к исследованию языковых процессов и явлений. Особую актуальность приобретает исследование обращений на материале художественных текстов, поскольку художественное произведение ориентировано на читателя, в нем экслицируются такие категории, как «образ автора», «персонаж произведения», «читатель».

В данной статье предпринята попытка выявить и описать специфику функционирования обращений в произведениях Сергея Есенина как составной части поэтического языка поэта.

Анализ научной литературы по исследуемой проблеме показал, что в вопросе функционирования обращений нет единого мнения. Разногласия вызваны, на наш взгляд, дискуссионностью самой проблемы обращения. В данной работе в качестве рабочего определения обращения мы принимаем следующее: «слово или сочетание слов, называющее адресата речи, является обращением» [1, с.273].

По мнению ученых, основная, первичная функция обращения — контактоустанавливающая, которая включает в себя три подфункции (номинативная, вокативная, побудительная). Однако функции обращения не ограничиваются только называнием и привлечением внимания адресата. Известно, что еще М.В. Ломоносов отмечал обращение как фигуру, которая может «советовать, обещать, грозить, хвалить, насмехаться, утешать, желать, сожалеть, повелевать, запрещать... и проч».. Исследователи выделяют и вторичные функции. З.Р. Дохова считает, что вторичные функции предстали двумя блоками: этикетными (социально-регулятивными) и экспрессивно-эмотивными функциями [2]. По мнению Н.С. Валгиной, основная функция обращений — наименование адресата речи, в поэтической речи обращение выполняет стилистические функции, являясь «носителями экспрессивно-оценочных значений; как правило, они метафоричны: *Край ты мой заброшенный, край ты мой, пустырь, сенокос некошеный, лес да монастырь* (Ес.)» [1, с.273].

Как отмечает Н.А. Гаврильева, целесообразно при исследовании функций обращения в художественном тексте исходить из интенции автора. При этом исследователь выделяет несколько функций обращений: номинативная, апеллятивная, дейктическая, ритуальная, фатическая, экспрессивная, оценочно-характеризующая, функция вежливости/невежливости [3].

С точки зрения Г.Н. Акимовой, Н.В. Степиховой, обращение выполняет следующие текстовые функции в лирическом тексте: апеллятивную, номинативно-образительную, характеризующую, эмоционально-выразительную. Авторы считают, что необходимо выделить также и общетекстовую, общелирическую функцию обращения, служащую для повышения эмоциональности текста [4].

Л.Ю. Максимов называет четыре основные функции обращения в поэтическом тексте: собственно-звательная,

фиктивно-звательная, условно-звательная, координационно-звательная [5, с.70].

Таким образом, в лингвистической литературе до сих пор не существует четкой классификации основных текстовых функций обращения в художественном тексте. В данной работе мы будем опираться на классификацию Л.Ю. Максимова и выделим функции обращений на конкретном языковом материале — на примерах из произведений Сергея Есенина.

Собственно-звательная функция связана с живой разговорной, диалогической речью. Поэтому обращения в собственно-звательной функции обычно употребляются там, где воспроизводится диалог, передаются речевые контакты героев.

По тропке, опершись на подожок,

Идет старик, сметая пыль с бурьяна:

«Прохожий!

Укажи, **дружок,**

Где тут живет Есенина Татьяна?» [6, с. 265]

Ой ты, **парень синеглазый**, не в обиду я скажу,

Я пришла тебе сказать: за другого выхожу». [6, с. 30]

«Государь ты мой, — шомонит жена, —

Моему ль уму судить суд тебе!..» [6, с. 205]

Фиктивно-звательная функция, в противоположность собственно-звательной, целиком лежит в области лирической поэзии. Именно для лирической поэзии характерно одушевление явлений природы в целях наиболее полного и яркого выражения связи поэта с ними, чтобы представить с предельной наглядностью в ряде метафорических образов душевное состояние поэта.

Фиктивно-звательная функция связана с приемом олицетворения.

Полевое, степное «ку-гу»,

Здравствуй, **мать голубая осина!**

Скоро месяц, купаясь в снегу,

Сядет в редкие кудри сына. [6, с.116]

Пойте в чаще, **птахи**, я вам подпою,

Похороним вместе молодость мою. [6, с.38].

Гори, **звезда моя**, не падай.

Роняй холодные лучи.

Ведь за кладбищенской оградой

Живое сердце не стучит. [6, с.168]

Глупое сердце, не бойся!

Все мы обмануты счастьем,

Нищий лишь просит участия...

Глупое сердце, не бойся. [6, с.189]

Для поэзии С. Есенина характерны обращения — повторы.

На коне — черной тучице в санках-

Билось пламя-шлея... синь и дрожь.

И кричали парнишки в еланках:

«Дождик, дождик, полей нашу рожь!» [6, с.59]

Плачет и смеется песня лиховая.

Где ты, **моя липа? Липа вековая?** [6, с.164]

Песни, песни, о чем вы кричите?

Иль вам нечего больше дать? [6, с.103]

Условно-звательная функция, как фиктивно-звательная, характеризует, прежде всего, стихотворную речь. Условность её проявляется в том, что такие обращения служат не для привлечения внимания собеседника, непосредственно участвующего в речи, а для того, чтобы выразить отношение автора к образам, которые он сам создал или к лирическим адресатам. Сюда относятся:

а) название лирического адресата, иногда сопровождающееся его эмоционально-рациональной квалификацией, и тем самым установлением с ним непосредственного контакта:

Пой, **ямщик**, вопрекор этой ночи, —
Хочешь, сам я тебе подпою
Про лукавые девичьи очи,
Про веселую юность мою. [6, с.191]
Угощай, **хозяин**, да не очень.
Много роз цветет в твоём саду.
Незадаром мне мигнули очи,
Приоткинув черную чадру. [6, с.175]
Дорогая, сядем рядом.
Поглядим в глаза друг другу.
Я хочу под кротким взглядом
Слушать чувственную вьюгу. [6, с.144]

б) обращения к условным поэтическим героям, наде- ленным поэтом собственными именами:

И твой голос, **дорогая Шага**,
В это трудный расставања час
Слушаю в последний раз. [6, с.185]

в) обращения к мифологическим и историческим ге- роям прошлого. Такие обращения характерны для од, юбилейных стихов, философской лирики:

Блондинистый, почти белесый,
В легендах, ставший как туман.
О Александр! Ты был повеса,
Как я сегодня хулиган. [6, с.149]

Это обращение из стихотворения С. Есенина «Пуш- кину».

Литература:

1. Валгина, Н. С. Синтаксис современного русского языка. — М.: Высшая школа, 1978. — 437с.
2. Дохова, З. Р. Лингвистический статус обращения: на материале русского и кабардино-черкесского языков: Автореф. дис... канд. фил. наук. — Нальчик, 2007.
3. Гаврильева, Н. А. Функциональный спектр лингвистического феномена «обращение» в художественных текстах современного немецкого языка: Автореферат дис... канд. фил. наук. — Москва, 2000.
4. Степихова, Н. В. Функциональные и контекстуальные особенности обращений в лирическом тексте (на материале русской поэзии 1-й трети XX века): Автореферат дис... канд. фил. наук. — СПб, 2009.
5. Максимов, Л. Ю. Обращения в стихотворной речи // Учен.зап. МГПИ. — 1965. — Т. 236. — С.66–88.
6. Есенин, С. Собрание сочинений в двух томах. Т. 1. — М., 1991. — 478с.

г) к обращениям, употребленным в условно-звательной функции, примыкают ритуальные и культовые обращения: обращения в заклинаниях, заговорах, молитвах и плачах:

О мать божья,

Спади звездой
На бездорожье.

В овраг глухой. [6, с.95]

Собрались прихожане у чащи,
Лихоманную грусть затая.

Загузынил дьячишко ледащий:

«Спаси, **господи**, люди твоя!» [6, с.59]

Четвертая функция обращений — координацион- но-звательная — служит для установления контакта между поэтом и читателем. В случаях, когда поэт высказывает сокровенные мысли и чувства, он прибегает к таким обраще- ниям как «друг», «подружка», «друзья», «братья»:

Опрокинутая кружка

Средь веселых не для нас.

Понимай, **моя подружка**,

На земле живут лишь раз! [6, с.159]

И тот, кого ты ждал в ночи,

Прошел, как прежде, мимо крова,

О друг, кому ж твои ключи

Ты золотил поющим словом. [6, с.115]

Листья падают, листья падают.

Стонет ветер,

Протяжен и глух.

Кто же сердце порадует?

Кто его успокоит, **мой друг?** [6, с.167].

Итак, анализ стихотворного текста показывает, что обращение представляет собой уникальный языковой фе- номен, отличающийся образностью, яркой выразитель- ностью и эмоциональностью. Описание обращений на материале художественного произведения имеет немало- важное значение, поскольку оно способствует выявлению индивидуальных особенностей в употреблении различных типов обращений в языке того или иного мастера слова.

Цветовая символика и художественный образ (на примере пьесы Т. Уильямса «Трамвай “Желание”»)

Федоренко Ольга Ярославовна, аспирант
Московский городской педагогический университет

Одним из центральных аспектов творчества известного американского драматурга Т. Уильямса является проблема взаимодействия разнообразных символов в художественном произведении. Не последнее место в работах автора занимает цветовая символика. В его пьесах она, как правило, выступает в качестве упоминания в тексте различных цветов и цветовых сочетаний, приобретающих в конкретном контексте особое значение.

В знаменитой пьесе «Трамвай “Желание”» (“A Streetcar Named Desire”, 1947) в связи с образом главной героини Бланш Дюбуа (Blanche DuBois) в основном фигурируют два цвета — белый и голубой. Так, по меткому замечанию известного отечественного драматурга Л. В. Денисова, белый и голубой являются любимыми цветами Т. Уильямса [4]. Складывается впечатление, что данные цвета выбраны автором неслучайно. Вполне очевидно, что оба они являются цветами неба. Что касается символики белого и голубого, то ее однозначного толкования в истории и культуре разных народов не существует. Однако можно с уверенностью сказать, что им в равной степени присущи такие качества как неоднозначность, полифункциональность и амбивалентность. Для того чтобы понять, как названные цвета функционируют в тексте пьесы, необходимо ознакомиться с трактовками их семантики в культурно-историческом контексте.

Обратимся к толкованиям возможных значений белого цвета в истории культуры. Так, в одной из своих статей М. А. Белей указывает на то, что он символизирует «свет, покой, безмятежность, чистоту, пустоту, целомудрие, девственность, сосредоточенность, отрешенность, одиночество» [1, с. 79]. Еще со времен античности белый цвет имел значение отстраненности от мирского, стремления к духовной простоте. В Древнем Риме весталки (жрицы богини Весты, дававшие обет целомудрия и пользовавшиеся большим уважением и почётом) носили белые платья и вуали. В христианской традиции белое связывают с божественным светом. Именно поэтому в белом изображаются ангелы, святые и праведники. Так, например, белые облачения римских пап символизируют просветленность, великолепие, величие и небесный путь [12]. Примерно то же значение белый цвет приобретает и в мусульманской религии, исламе [9, с. 131–132].

Однако, как пишет Л. В. Самарина в своей статье «Традиционная этническая культура и цвет», белый цвет может иметь несколько иное значение. Автор обращает внимание на то, что по своей природе он как бы поглощает, нейтрализует все остальные цвета, соотносясь, таким образом, с пустотой, бестелесностью, ледяным молчанием и в конечном итоге — со смертью [6, с. 153].

Так, известный британский антрополог В. У. Тернер в статье «Проблема цветовой классификации в примитивных культурах (на материале ритуала Ндебу)», утверждает, что у некоторых племен Африки и Австралии принято раскрашивать тело белой краской после кончины близких людей. А древние славяне, например, одевали умерших в белую одежду и покрывали белым саваном. В некоторых странах Азии и Африки белый по-прежнему считается цветом траура [7, с. 19].

Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что данный цвет может обозначать противоположные вещи. С одной стороны, он символизирует что-то исключительно положительное, как например: чистоту, святость, невинность, величие, радость, счастье. С другой стороны, белый часто отражает и негативные стороны жизни: пустоту, бестелесность и смерть. В пьесе «Трамвай “Желание”» он становится одним из важнейших средств создания образа Бланш Дюбуа.

Во-первых, белый цвет фигурирует в имени героини, ведь Blanche DuBois переводится с французского как «белые деревья». Об этом нам становится известно из уст самой женщины, которая, кокетничая со своим потенциальным кавалером, простаком Митчем, решила представиться ему в поэтической манере: “DuBois... It’s a French name. It means woods and Blanche means white, so the two together mean white woods. Like an orchard in spring!” [8, с. 58].

Белый — это также и цвет из детства героини: «Мечта» — большой дом с белыми колоннами. Однако воспоминания о доме у Бланш отнюдь не радостные, ведь именно там на ее глазах умерли все близкие ей люди. В одном из первых разговоров с сестрой Стеллой Бланш рассказывает о трагических временах, когда она хоронила своих родных, одного за другим, и даже называет «Мечту» «штаб-квартирой смерти»: “Why, the Grim Reaper had put up his tent on our doorstep!... Stella. Belle Reve was his headquarters!” [8, с. 26].

В то же время белый — это цвет богатства для Бланш, цвет пушистых песцов, атласных платьев и ниток жемчуга — предметов роскоши, оставшихся от ее бывших ухажеров. Именно из белого радиоприемника доносятся мелодии и песни, под которые героиня вальсирует и которым подпекает.

Особенно интересной представляется сцена в пятой картине. Стелла наполняет стакан Бланш лимонадом, пена переливается через край, и часть лимонада оказывается на белой парадной юбке женщины перед свиданием с Митчем. Можно предположить, что этот случай служит неким намеком на ту роль, которая отведена Стелле в неминуемой для героини трагедии. С нашей точки зрения,

это роль пассивного свидетеля, которому безразличен благополучный исход ситуации, хотя, вне всякого сомнения, он может на него повлиять. В силу своей нерешительности люди, подобные Стелле, допускают предательство из-за страха перед неизвестностью. Как это часто происходит, боясь нарушить привычный ход своей заурядной жизни, они выбирают путь наименьшего сопротивления. Однако это не означает, что им нравится их образ жизни, им проще «плыть по течению», чем бороться с общественным порицанием.

Говоря о роли белого цвета в связи с образом главной героини, отметим, что Стэнли Ковальски, муж Стэллы, в седьмой картине называет ее “*Dame Blanche*”, что с французского можно перевести как «Дама Бланш», но также буквально означает «Белая Дама». Мы считаем, что выбор В. А. Неделина именно последнего варианта в своем переводе пьесы крайне удачен, так как он как нельзя лучше отражает эмоциональное состояние триумфа Стэнли над Бланш: “*The trouble with Dame Blanche was that she couldn’t put on her act any more in Laurel! They got wised up after two or three dates with her and then they quit, and she goes on to another*” [8, с. 112–113]. Называя Бланш этим именем, Стэнли иронизирует, насмехаясь над промахами героини. Используя данное прозвище, он проводит своего рода разделение на своих и чужих, показывая, что женщина, в прошлом благородная аристократка, «голубая кровь» не из их мира, и, таким образом, заведомо изгоняет ее отсюда.

Белый цвет — это еще и цвет именинного торта героини. В восьмой картине, когда ее прошлое выходит наружу, а попытки устроить личную жизнь с Митчем полностью разрушены, семья собирается за праздничным столом в честь дня рождения Бланш. В тот момент, когда Стелла зажигает свечи, сестра просит сберечь их для празднования дней рождения будущего ребенка Стеллы: “*Oh, those pretty little candles! Oh, don’t burn them, Stella... You ought to save them for baby’s birthdays. Oh, I hope candles are going to glow in his life and I hope that his eyes are going to be like candles, like two blue candles lighted in a white cake!*” [8, с. 124]. На наш взгляд, данную сцену можно трактовать двояко. С одной стороны, она служит иллюстрацией того, что и в момент полного отчаяния Бланш не теряет своего поэтического мироощущения. С другой, читатель наблюдает выражение нереализованного материнского инстинкта, ведь женщина, по сути, проявляет заботу, любовь и внимание к еще не рожденному ребенку своей сестры.

Драматург создает сильный по степени эмоционального воздействия контраст между белым именинным тортом, который сам по себе должен создавать эффект праздника, и истинным положением вещей в семье Ковальских-Дюбуа. Этот торт, вне всякого сомнения, не пробуждает радостного настроения, он, скорее, ассоциируется с последними осколками разрушенных надежд Бланш о светлой жизни. Создается впечатление бесполезности этого мероприятия, ведь никто не пришел поздравить ее.

Белый цвет также появляется и в последних сценах пьесы. В десятой картине после неприятного объяснения с Митчем, который уже осведомлен о порочном прошлом Бланш, она, сильно выпив, наряжается в перепачканное и мятое вечернее платье белого атласа и сбитые серебряные туфельки с каблучками, украшенными бриллиантами. Вся сцена может рассматриваться как одна большая метафора. Грязь на белом атласе имеет глубокий символический смысл. Ее можно истолковать двояко. С одной стороны, это намек как на исчезновение былого величия южной аристократии, так и безбедного существования героини и людей ее социального уровня (ведь атлас — нарядная дорогая ткань, которую простые люди не могли себе позволить). С другой стороны, одежда Бланш может производить ложное впечатление. Она говорит о ее видимой благопристойности и невинности, хотя на самом деле эта женщина долгое время вела порочный образ жизни и фактически являлась содержанкой. Приехав в город, ей удавалось скрывать прежние грехи и даже поддерживать некую легенду о своем прошлом. Однако в сложившейся ситуации скрывать тайны уже было невозможно.

Синий и голубой цвета вносят не меньшее противоречие в канву драматургического текста. Отметим, что в английском языке в качестве их названия используется одно и то же слово “*blue*”, в то время как в русском употребляются разные лексические единицы. Для более полного понимания значения голубого и синего цветов в пьесе «Трамвай “Желание”», обратимся к существующим толкованиям их символики.

Как отмечает исследователь В. В. Немыкин в своей статье «Символика цвета»: «Синий цвет у многих народов символизирует небо и вечность. Он также может подразумевать доброту, верность, постоянство, расположение, а в геральдике обозначает целомудрие, честность, добрую славу и верность» [5, с. 48]. Говоря о социокультурных особенностях цветовой символики Л. А. Шалимова подчеркивает, что «голубой и синий цвета относятся к числу наиболее любимых и почитаемых цветов на Ближнем Востоке» [10, с. 387]. Кроме того, они являются атрибутом многих древних богов, таких как Амон в Древнем Египте, шумерская Великая Мать, греческий Зевс (в римской мифологии Юпитер), Гера (Юнона), индуистские Индра, Вишну и его воплощение с голубой кожей — Кришна. Синий цвет связан с милосердием в иудаизме и с мудростью в буддизме [12]. Отметим также, что на многих полотнах христианской живописи Деву Марию и Христа изображают одетыми именно в синие одежды.

Примером употребления лексемы «голубой» будет широко известное выражение «голубая кровь», которое встречается во многих языках и подразумевает человека «благородного» происхождения: *blue blood* (англ.), *sang bleu* (фр.), *sangre azul* (исп.), *sangue blu* (ит.). Данное словосочетание впервые появилось в Испании. Белизна кожи долгое время являлась приоритетом именно аристократов. Представители высшего сословия внешне от-

личались от смуглых загорелых простолудинов бледной тонкой кожей, сквозь которую просвечивали голубые кровеносные сосуды. Это и было признаком «благородного» происхождения — «голубая кровь». Таким образом возникло это выражение, которое проникло во многие европейские языки, в том числе и в русский [13].

Более поздней является характерная для английского языка идиоматическая связь лексемы “blue” с меланхолией, возможно имеющая корни в вечерних грустных песнях африканских рабов в Северной Америке. Это можно увидеть в таких лексических единицах как “feeling blue” («быть в плохом настроении», «чувствовать себя подавленным»), “singing the blues” («жаловаться на жизнь», буквально «петь блюзы») [11].

Исходя из приведенных трактовок, можно заключить, что синий, так же как и белый, обладает очень неоднозначной семантикой, что, на наш взгляд, является отражением изменчивости внутреннего мира главной героини анализируемой пьесы. Обратим внимание на те значения синего и голубого цветов, которые так или иначе непосредственно связаны с образом Бланш.

Образ-символ “blue piano”, так часто упоминаемый на страницах произведения (в переводе «синее пианино») — это особая «ню-орлеанская» манера исполнения на рояле музыки в стиле «блюз». Мы считаем, что это выражение не является указанием автора исключительно на музыкальное сопровождение действия. Напомним, что ремарки драматурга в пьесах имеют куда как более глубокое значение, нежели просто авторские указания к внешнему оформлению сцены. Эта художественная система, названная самим Т. Уильямсом «пластический театр», представляет собой сложный символический комплекс. Следовательно, лексема “blue” может также воздействовать на читателя и на визуальном уровне, уровне восприятия цвета, и на эмоциональном, создавая в сознании человека яркую картину местного колорита.

Стоит указать и на связь голубого с аристократическим происхождением главной героини. На протяжении всей пьесы автором активно подчеркивается принадлежность как Бланш, так и ее сестры Стеллы к благородным кругам. Однако в сложившихся обстоятельствах обеим женщинам приходится приспосабливаться к новому социальному окружению, а именно к рабочему классу. И если Стелла смогла смириться с существующим положением вещей и вписалась в общину Вье-Каре, то для Бланш все это ново, и ей не остается ничего иного, как чувствовать себя лишней.

Так, например, во второй картине произведения Бланш поет песню, в которой она сравнивает себя с пленницей, оторванной от родной «страны, где воды небесно-сини»:

“From the land of the sky-blue water, they brought a captive maid!” [8, с. 33]. Этот сказочный край — почти незапятнанный цивилизацией американский Юг, усадьба «Мечта», где прошло детство героини. Можно сказать, что в конкретном эпизоде «небесно-синий» цвет, как и белый, несет на себе отпечаток ее тоски по дому, такому далекому и навсегда потерянному, как для самой женщины, так и для других подобных ей угасающих представителей высшего света американского общества.

Возвращаясь к сцене дня рождения Бланш, напомним, что в приведенной ранее цитате, главная героиня сравнивает глаза будущего племянника с голубыми свечками, зажженными на именинном торте. Женщина не может знать цвет глаз ребенка наверняка, однако то ли материнское чувство, внезапно проснувшееся в ее сердце, то ли поэтическое мировосприятие заставляют героиню сделать подобное сравнение. Данный факт некоторым образом служит намеком на связь голубого цвета с целомудрием, честью и преданностью, добродетелями, которыми наделена искренне любящая мать, коей Бланш стать не удалось.

Обратим внимание и на тот факт, что идиоматическое значение слова “blue” довольно широко распространено в английском языке. Так часто подразумевающееся под ним элегическое состояние грусти в какой-то мере отражает как ностальгию самой героини, чье прошлое неотступно следует за ней, так и общее настроение, царящее во Вье-Каре, с его нищетой, серостью и бескультурьем.

Проблема цветовой символики в произведениях Т. Уильямса несомненно представляет для нас особый интерес. Актуальность ее состоит в том, что цветовая гамма входит в художественное пространство, созданное писателем, и становится мощным средством обогащения поэтики всего произведения. Пьеса «Трамвай “Желание”» служит прекрасным примером того, как колористическая символика способствует созданию многомерности и полифоничности текстуры драматургического произведения.

Подводя итоги нашему анализу, можно заключить, что и голубой, и белый цвета в образе Бланш обладают качествами полифункциональности и амбивалентности. Объяснить это можно уже тем, что оба они связаны как со светлыми, так и с трагическими моментами жизни женщины. Культурно-исторически сложившаяся противоречивая семантика этих цветов органично накладывается на образ главной героини, высвечивая особенности ее характера и напоминая о событиях, имевших место в ее непростой жизни. Кроме того, подчеркнем, что и белый, и голубой, наряду с другими выразительными средствами, служат как бы своеобразными гранями для создания художественного образа.

Литература:

1. Белей, М. А. Семантика цвета в постмодернизме на примере романа Бернард Вербера «Танатонавты» / М. А. Белей // Научные труды SWORLD. — 2013. — с. 73–81.
2. Болотина, М. А., Шабашева, Е. А. Символика цвета в русском и английском языках / М. А. Болотина, Е. В. Шабашева // Вестник Балтийского федерального университета им. Канта. — 2011. — № 2. — с. 7–12.

3. Ганюшина, М. А. Символические образы в языковой картине мира (на примерах английского, французского и русского языков на индоевропейском фоне) / М. А. Ганюшина // Язык, литература и культура как грани межкультурного общения. — 2015. — с. 112–120.
4. Денисов, В. Л. Романтик XX века. Статья-исследование. О «воображаемых мирах» Т. Уильямса и своеобразии его творчества. Альм. «Современная драматургия». — 1994. — № 4. — С. 187–199 // [Электронный ресурс] URL: http://lit.lib.ru/d/denisow_wiktor_leonowich/romantiq_xx_veqa.shtml.
5. Немыкин, В. В. Символика цвета / В. В. Немыкин // Вестник АлтГТУ им. И. И. Ползунова. — 2010. — № 1–2. — с. 47–49.
6. Самарина, Л. В. Традиционная этническая культура и цвет: основные направления и проблемы зарубежных исследований / Л. В. Самарина // Этнографическое обозрение. — 1992. — № 2. — 149 с.
7. Тернер, В. У. Проблема цветовой классификации в примитивных культурах (на материале ритуала Ндембу) / В. У. Тернер // Семиотика и искусствознание. М.: Мир, 1972. — с. 55–63.
8. Уильямс, Т. Plays = Пьесы. — СПб.: Антология, 2010. — 288 с.
9. Умарова, Г. А. Символика цвета и цветовые предпочтения в костюме мусульман (на примере Таджикистана) / Г. А. Умарова // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. — 2014. — № 4–1. — с. 131–136.
10. Шалимова, Л. А. Социокультурные категории цветовой символики / Л. А. Шалимова // Мир науки, культуры, образования. — 2015. — № 1 (50). — с. 385–388.
11. Colormatters [Electronic resource] URL: <https://www.colormatters.com/the-meanings-of-colors/blue>.
12. Краткая энциклопедия символов [Электронный ресурс] URL: <http://www.symbolarium.ru>.
13. L'histoire [Electronic resource] <http://www.histoire.presse.fr/dossiers/grandeur-decadence-noblesse-francaise/mythe-sang-bleu-01-12-1995-90925>.

Термины, обозначающие профессию человека, его социальное положение в обществе в шаройском диалекте чеченского языка

Халикова Асет Хусейновна, аспирант
Чеченский государственный педагогический университет

Как известно, во всех нахских языках можно выделить два основных слоя лексики: исконный слой и заимствованная лексика. В статье отражена лексика основного словарного фонда и ранние заимствования шаройского диалекта чеченского языка, обозначающие термины родства, профессию человека, его социальное положение в обществе, в сравнении с нахскими языками и диалектами чеченского языка.

Шаройская лексика приводится в сравнении с материалами Сравнительно-сопоставительного словаря отраслевой лексики нахских языков и диалектов чеченского языка И. Ю. Алироева.

Ключевые слова: шаройский диалект, отраслевая лексика, лексические особенности шаройского диалекта.

The terms in the sharoy dialect of the chechen language designating the professions and social status of persons

Khalikova Aset

В нахской языковой группе наиболее дифференцированным в диалектном отношении является чеченский язык, который подразделяется на ряд диалектов и говоров. Однако в классификации диалектной системы чеченского языка есть значительные расхождения. В частности, это относится и к шаройскому диалекту. Некоторые ученые относят шаройский диалект к говорам чеченского языка [1], однако есть труды [2, 3], авторы которых излагают в сравнительном плане специфические особенности шаройского диалекта, и тем самым относят

его к ряду диалектов чеченского языка. Тем не менее, точного описания лексики шаройского диалекта и исследования шаройского диалекта в целом в этих материалах не прослеживается.

Наличие фонетических, лексических и морфологических особенностей является характерной особенностью диалекта. А. С. Чикобава отмечал, что диалекты сохраняются обычно в тех языках, которые распространены на более обширной территории. Следовательно, наличие или возникновение диалектов связано с большей или

меньшей изолированностью их носителей друг от друга. Именно поэтому диалекты могут то сильно расходиться, то сильно сближаться в зависимости от степени контакта между их носителями. [4].

Шаройский диалект по сравнению с чеченским литературным языком и диалектами чеченского языка имеет ряд отличительных особенностей. Это своеобразие лексики обусловлено общественно-историческими условиями и историческими судьбами шаройцев. Шаройцы с древних времен жили в Лам-Шора, расселенные вдоль Шароаргуна, по соседству с аварцами. Шаройцы, которые населяют нижнюю зону Чеченской Республики, разговаривают на своем диалекте частично. Однако в высокогорных селах Шаройского района диалект полностью сохранил свои особенности. Его исследование и введение шаройской лексики в научный оборот сыграет немаловажную роль в изучении и развитии чеченской диалектологии и истории чеченского языка.

В данной статье рассмотрена лексика, обозначающая термины родства, профессию человека и его социальное положение в обществе в их сравнении с нахскими языками и диалектами чеченского языка. Как известно, во всех нахских языках можно выделить два основных слоя лексики: исконный слой и заимствованная лексика. В статье отражена лексика основного словарного фонда и ранние заимствования.

Шаройская лексика приводится в сравнении с материалами Сравнительно-сопоставительного словаря отраслевой лексики нахских языков и диалектов чеченского языка И. Ю. Алироева.

а) термины родства

Ба жа /ба жанаш/ в-, б-, 'своjak', чеч., ба жа /-наш/ в-, б-, инг., *бажа* /-ш/ в-, б-, бац., *бадж* /-и/ в-, б-, акк., *бажа* /-наш/ в-, б-, кист., *бадж* /-аниш/ в-, б-, чиб., *ба жа* /-ниш/ в-, б-, итум., *ба жа* /ниш/ в-, б-. (Конечный гласный, обозначаемый буквой «а» в чеченских словах, как правило, редуцированный.)

Бабай /баб, й-, 'бабушка', чеч., баба, й-, акк., баба, й-, итум., баб, й-.

Биер /биерш/ й-, й-, /д-, д-, 'дитя, 'младенец', 'ребенок', *дзудбиер*, 'ребенок женского пола, *буоршбиер*, 'ребенок мужского пола, чеч., бёр /-аш/ д-, д-, инг., *бер* /-аш/ д-, д-, бац., *бадер* /бадри д-, д-, акк., *баър* /-аш/ д-, д-, кист., *бер* /-иш/ д-, д-, чиб., *бер* /-еш/ д-, д-, итум., *биёр* /-аш/ д-, д-.

Буобиер /буобиераш/ д-, д-, 'сирота, чеч., *буо* /бай/ д-, д-, инг., *бада* /бедий/ д-, д-, бац., *бадо* /бад/ в-, д-, акк., *бо* /-й/ /бад/-ий/ д-, д-, кист., *буа* /бей/ д-, д-, чиб., *буо* /-й/ д-, д-, итум., *буо* /бей/ д-, д-.

Борч саг /буорч нах/ /божар/ в-, б-, 'мужчина, чеч., *буо́жа* /-рий/ в-, б-, инг., *кьонах* /-ий/ в-, б-, акк., *кьонах* /-ий/ в-, б-, кист., *буарч* /буарчнах/ в-, б-, чиб., *божо* /буоршо в-.

Биж /-еш/ д-, д-, 'незаконнорожденный', чеч., *бидж* /-аш/ д-, д-, инг., *бидж* д-, кист., *бидж* /-аш/ д-, д-.

Воша /важар/ /важарий/ в-, б-, 'брат', чеч., *ваша* /вежарий в-, б-, инг., *воша* /вожарий/ /вежарий/ в-, б-, кист., *вош* /вежарий/ / в-, б-, чиб., *вошо* /важарий/ в-, б-, итум., *ваша* /вежарий/ в-, б-.

Вёринз /ва́раз/ /ва́раш/ в-, й-, б-, 'опекун (ша)', чеч., *вёрас* /-аш/ в-, б-, акк., *вёрас* /-аш/ в-, й-, б-, чиб., *ва́риз* /-еш/ в-, й-, б-, итум., *ва́раз* /-аш/ в-, й-, б-.

Йовхтар //йовхтур/-аш/ в-, б-, 'родственник', итум., *вовхтар* /-аш/ в-, й-, б-.

Кланат /клантий/ /кланатий/ в-, б-, 'сын', чеч., *во1* /-арий/ /кьонгий/ в-, б-, инг., *во1* /кьонгаш/ в-, б-, бац., *вохь* /клантий/ в-, б-, акк., *во1* /кьонгаш/ в-, б-, кист., *во1* /кьонгийш/ в-, б-, чиб., *во1* /клантий/ в-, б-, итум., *во1* /кьонгийш/ /клантий/ в-, б-.

Га́кай /-ш/ д-, д-, 'малютка, чеч., *га́ки* /-еш/ д-, д-, инг., *гаки* /-еш/ д-, д-, акк., *бералг* /-аш/ д-, д-, кист., *га́ки* д-, чиб., *га́ки* /-ниш/ д-, д-, итум., *га́ка* /-ниш/ д-, д-.

Гергирлуо /-наш/ д-, д-, 'родство, знакомство, чеч., *гергарлуо* /-наш/ д-, д-, инг., *гергарло* /наш/ д-, д-, акк., *гергарло* /-наш/ д-, д-, кист., *гергарлуа* /-ниш/ д-, д-, чиб., *гергарло* /-ниш/ д-, д-, итум., *гергарло* /-ниш/ д-, д-.

Гужум /-аш/ й-, й-, 'дряхлая старуха, чеч., *гу́жум* /-аш/ й-, й-, акк., *букъур* /баболг /-аш/ й-, й-, кист., *къайелла* /дзуд /-арш/ й-, й-, чиб., *гу́жум* /-еш/ й-, й-, итум., *гуджум* /-аш/ й-, й-.

Да́ /-й/ в-, б-, 'отец, *дадай* ласк. *папа*, *де́нда* /дедушка, *де́н* /де́нда /прадедушка, чеч., *да́* /-й/ в-, б-, инг., *да́* /-й/ в-, б-, бац., *дад* /-й/ в-, б-, акк., *да* /-й/ в-, б-, кист., *да́* /дей/ в-, б-, чиб., *да* /дай/ в-, б-, итум., *да* /дей/ в-, б-.

Дана́на, д-, 'родители, чеч., *дана́на*, д-, инг., *дана́на*, д-, акк., *дана́на*, д-, кист., *да́на́но*, д-, чиб., *дана́на*, д-, итум., *дана́на*, д-.

Де́ца /де́ци й-, б-, 'тетка (сестра отца), чеч., *де́ца* /-наш/ й-, б-, инг., *да́ций* /да́царий/ й-, б-, бац., *да́йиш*, й-, акк., *де́ца* /-наш/ й-, б-, кист., *де́йош* /дейежарий/ й-, б-, чиб., *да́ци*, й-, итум., *де́ци*, й-.

Ди́зул /-аш/ б-, б-, 'семья, семейство, чеч., *до́зал* /-ш/ б-, б-, инг., *ди́едзал* /-ш/ б-, б-, акк., *ди́езал* /-аш/ б-, б-, кист., *до́вдзал* /-аш/ б-, б-, чиб., *ди́езул* /-еш/ б-, б-, итум., *ди́едзул* /-ш/ б-, б-.

Дза́хал /дзо́хол/ /дза́холаш/ в-, й-, б-, 'сват', 'свахá, чеч., *дза́хал* /-ш/ в-, й-, б-, инг., *дза́хал* /-аш/ в-, й-, б-, акк., *дза́хал* /-ой/ /-ш/ в-, й-, б-, кист., *дза́хал* /-иш/ в-, й-, б-, чиб., *дза́хал* /-еш/ в-, й-, б-, итум., *дза́хал* /-ий/ в-, й-, б-.

Дзуда /-раш/ /-риш/ /-р/ й-, б-, 'женщина, 'дама, 'супругá, 'жена, чеч., *дзуда* /-рий/ й-, б-, *си́егал* /-аш/ й-, б-, *жена*, *сти́е* /-ш/ й-, б-, *жена*, *самка*, инг., *си́есак* /си́есаг /-аш/ /-истий/, *жена*, *кхалсаг* /кхалнах/ й-, б-, *женщина*, бац., *пст 1у* /дзуд/ /-арий/ /си́есаг /-иш/ й-, б-, *женщина*, *сунг* /-иш/ й-, б-, *жена*, *жен-*

ская особь, чеб., дзуд//дзуда/-арий/ й-, б-, жена, женщина, итум., дзуд/-арий/ й-, б-, жена, женщина.

Джом к1анат /-йо1/ ‘мальчик’, ‘девушка от 2 до 5 лет’, чеч., джима к1ант /-йо1/, инг., д31амига к1аьнк/йи1иг/, шар., кхён к1анат /йо1/ в-, й-, чеч., кхуьуш вог1у джима стаг (мальчик, девушка от 12 до 15 лет), инг., кхувиш йоаг1а йо1, пхийттара ваьлла к1ант /пхийтара йаьлла йо1/ парень, девушка после 15 лет, инг., пхийтара ваьнна к1аьнк, пхийттара йаьнна йо1, кхиьна джима саг/йо1 возмужалый, зрелый молодой человек, взрослая девушка, инг., кхийна д31амигасаг /йо1/.

Джиёруо /-й/ й-, б, ‘вдова’, ‘разведенная женщина’, йисина дзуда — ‘оставшаяся после смерти мужа’, йитина дзуда — ‘разведенная женщина’, чеч., джиёруо /-й/ й-, б-, вдова, йитина зуда, инг., джеро /-й/ й-, б-, бац., жеро/жеруй/ й-, б-, акк., джеро /-й/ й-, б-, кист., джиеруа/джеруй/ й-, б-, чеб., джиёро /-ниш/ й-, б-, итум., джиеро/джеруй/ й-, б-.

Йоша/йежар//йажар//йежарий/ й-, б-, ‘сестра’, чеч., йиша/йижарий/ й-, б-, инг., йиша/йижарий/ й-, б-, бац., йаша/йажар/ й-, д-, акк., йиша/йижарий/ й-, й-, кист., йош/йежарий/ й-, б-, чеб., йишо, й-, итум., йиша/йижарий/ й-, б-.

Йо1/маркар//маркарий/ й-, б-, ‘дочь’, ‘девушка’, ‘девушка’, че., йо1 /мехкарий/ й-, б-, инг., йо1/мохкарий/мехкарий/ й-, б-, бац., йохь/махкар/ й-, б-, акк., йо1/мехкарий/ й-, б-, чеб., йо1/мехкарий/ й-, б-, итум., йо1/мехкарий/ й-, б-.

Кхин /кхой/ й-, б-, невестка/жена деверя/, чеч., кхин /-ой/ й-, б-, инг., кхи/кхоний/ й-, б-, акк., кхи/-ной/ й-, б-, кист., кхен/кхоний/ й-, б-, чеб., кхин /еш/ й-, б-, итум., кхи/-наш/ й-, б-.

Кхоьчурхуо /-й/ в-, й-, б-, ‘близкий родственник’, чеч., кхоچار /-ш/ в-, й-, б-, инг., кхоачар /-ш/ в-, й-, б-, акк., кхачурга /-ш/ в-, й-, б-, кист., кхокур /-иш/ в-, й-, б-, итум., кхокур /-иш/ в-, й-, б-, чеб., кхачур /-еш/ в-, й-, б-.

Къуонох /-ий/ в-, б-, ‘молодец’, ‘мужчина’, чеч., къуонах /-ой/ в-, б-, инг., къонах /-ий/ в-, б-, бац., зорак1нат /-ий/ в-, б-, акк., къонах /-ий/ в-, б-, кист., къоьнах /-ий/ в-, б-, чеб., къуонахо /-й/ в-, б-, итум., къуонох /-ой/ в-, б-.

Къут 1а/къуот 1арчий/ д-, д-, ‘незаконно рожденный’, чеч., къут 1а /къот 1арчий/ д-, д-, инг., къот 1а /-ш/ д-, д-, акк., къут 1а/къот 1арчий/ д-, д-, кист., къуят 1 /-наш/ д-, д-, чеб., къуот 1у /-ниш/ д-, д-, итум., къут 1а /-наш/ д-, д-.

К1анат /к1анатий//к1анатий в-, б-, ‘сын’, ‘мальчик’, ‘молодец’, дзудчун к1анат, ‘сын жены’, ‘пасынок’, марай к1анат — ‘пасынок’, букв., «мужа сын», чеч., к1ант/к1ентий/ в-, б-, инг., к1ант//к1аьнк/к1аьнкаш/к1антий/ в-, б-, бац., к1нат /-ий/ в-, б-, акк., к1ант/к1ентий/ в-, б-, кист., к1ант /-ий/ в-, б-, чеб., к1анат /-ий/ в-, б-, итум., к1ант /-ий/ в-, б-.

Маьрда/-й/ в-, б-, ‘свекр’, маьрдай да — отец свекра, маьрдай наьна — мать свекра, маьрдай воша /йоша/ — брат (сестра) свекра, маьрдай веш биер /к1анат, йо1/ -ребенок (сын, дочь) (брата, сестры) свекра, чеч., марда /-й/ в-, б-, инг., марда /-й/ в-, б-, акк., маьрда, кист., маьрда/маьрдей/ в-, й-, б-, чеб., марда /-й/ в-, б-, итум., марда /-й/ в-, б-.

Маьрвош /марвежер/ в-, б-, ‘деверь’, маьрвеш дзуда — жена деверя, маьрвеш биер (к1анат, йо1) — ребенок (сын, дочь) деверя, маьршича /миехча/ — двоюродный, троюродный деверь или золовка, чеч., маьрваша /маьрежарий/ в-, б-, инг., маьрвоша, в-, бац., марвашо, в-, акк., марваш, в-, кист., маьрвош, в-, итум., марваша, в-.

Маьрц1хуо /-й/ в-, й-, б-, ‘родственник (ца) мужа’, чеч., марзуо /-й/ в-, й-, б-, инг., маьрц1ей, б-, бац., маьрг1уй, д-, акк., маьрцхуо /-й/ в-, й-, б-, кист., маьрхуа /-й/ в-, й-, б-, чеб., марзо /-й/ в-, й-, б-, итум., марзуо /-наш/ в-, й-, б-.

Маьрнаь /маьрнеьмош/ й-, б-, ‘свекровь’, маьрнен да — отец свекрови, маьрнен наьна — мать свекрови, маьрнен вош — брат свекрови, маьрнен йош — сестра свекрови, маьрнен веш /йеш/ биер /к1анат, йо1/ — ребенок (сын, дочь) брата (сестры) свекрови, маьршича /миехча/ — двоюродный (троюродный) брат или сестра мужа, чеч., маьрнаьна /маьрнаьной/ й-, б-, инг., маьрнана, й-, кист., маьрнаьн, чеб., маьрнаьн й-.

Мар /мармош//марош/ в-, б-, ‘муж’, чеч., майра /марош/ в-, б-, инг., маьр /моарош/ в-, б-, бац., маьр /-и/ в-, б-, акк., маьр /-амаш/ в-, б-, чеб., маьр /-ош/ в-, б-, итум., маьр/-амаш/ в-, б-.

Маьрйош /маьрйежер/ й-, б-, ‘заловка’, чеч., маьрйоша /-й/, инг., маьрйош, й-, бац., маьрйошо, й-, акк., маьрйош, й-, кист., маьрйош, й-, чеб., маьрйошо, й-, итум., маьрйоша, й-.

Миехча/махчой//мохчой/ в-, й-, б-, ‘троюродный брат или сестра’, чеч., маьхча /маьхчой/ й-, б-, инг., мохча/мохчий/ в-, й-, б-, акк., маьхч/мохч/-ий/ мохчий/ в-, й-, б-, кист., мехч/мохчий/ в-, й-, б-, чеб., махчи/махчой/ в-, й-, б-, итум., маьхч/-ий/ в-, й-, б-.

Наьна /неьмош//неьмаш/ й-, б-, ‘мать’, наьнай — мама, неьна наьна — бабушка по матери, неьна неьнаьн — прабабушка по матери, чеч., наьна/наьной/ й-, б-, инг., нана/ноанош/ноаной/ й-, б-, бац., нан /-и/ й-, д-, акк., наьна/наной/ й-, б-, кист., наьн/неьний/ й-, б-, чеб., нана/наной/ й-, б-, итум., наьна /наной/ й-, б-.

Нус /насар//насарий/ й-, б-, ‘сноха’, ‘невестка’, ‘жена родственника’, чеч., нус/несарий/ й-, б-, инг., нус /несарий/ й-, б-, бац., нус /насер/ й-, д-, акк., нус/несарий/ й-, б-, кист., нус /несарий/ й-, б-, чеб., нус/насири/й-, б-, итум., нус/несарий/ й-, б-.

Новц /новцар//новцарий/ в-, б-, ‘женух’, ‘зять’, чеч., нуц /невцарий/ в-, б-, инг., нейц /-арий/ в-, б-, акк., нуц/новцарий/ в-, б-, кист., навц /невцарий/

в-, б-, чеб., нуц /навцири/ в-, б-, итум., новц /-арий/ в-, б-.

Новцол, д-, 'жениховствó, 'положение женихá, чеч., невцалла, д-, инг., нейцалла, д-, акк., нoвцалла, д-, кист., невцалла, д-, чеб., навцилло, д-, итум., новцалла, д-.

Носол//насал/, д-, 'снохá, 'положение невесткí, чеч., несалла, д-, инг., несалла, д-, акк., несалла, д-, кист., несалуа, д-, чеб., насило /-ш/ д-, итум., насалла//несалла, д-.

Ненйош/неñйежар//неñйаежар/ й-, б-, 'тетя́ (сестра матери) чеч., неñа /неñий/ й-, б-, инг., наñций /нецаш/ й-, б-, бац., наñйаш., й-, б-, акк., неñйиш, й-, кист., неñйош, й-, чеб., наце /-наñци/ й-, б-, итум., наце /наций/ й-, б-.

Саг в-, б-, й-, 'человек', воккx саг, в-, йоккx саг, й-, чеч., стаг//таг, в-, й-, б-, инг., саг, в-, й-, ма1саг — мужчина, бац., ст 1ак1, в-, й-, акк., саг, в-, й-, кист., саг, в-, й-, чеб., саг, в-, итум., саг, в-.

Сунаña, й-, 'теща́, сунёна наña — мать тещи, сунёна да — отец тещи, сунёна вош /йош/ — брат или сестра тещи, сунёна веш дзуда /биер, к1анат, йо1/ — жена (ребенок, сын, дочь) брата тещи, сунёна йеш мар /биер, к1анат, йо1/ — муж (ребенок, сын, дочь) сестры тещи, чеч., стуннаña, й-, инг., устнаña, й-, бац., пст 1унаñ, й-, акк., устнаña, й-, кист., устнаña, й-, чеб., стуннаña, й-, итум., суннаña, й-.

Сунда́//суда́, в-, 'тесть', сун де́да́ — отец тестя, сун де́ наña — мать тестя, сун де́ вош /йош/ — брат, сестра тестя, сун де́ веш дзуда /биер, к1анат, йо1/ — жена (ребенок, сын, дочь) брата тестя, сун де́ йеш мар /биер, к1анат, йо1/ — муж (ребенок, сын, дочь) сестры тестя, чеч., стунда, в-, инг., устда, в-, бац., пст 1уда́, в-, акк., устда, в-, кист., устда́, в-, чеб., стунда, в-, итум., сунда, в-.

Суйош/суйежер//суйежар/ й-, б-, 'свояченица́, суйошай биер /к1анат, йо1/ — ребенок (сын, дочь) свояченицы, чеч., стунйиша, й-, инг., устюша, й-, бац., пст 1уйаш, й-, акк., устйиш, й-, кист., устйош, й-, чеб., стунйошо, й-, итум., сунйиша, й-.

Сувош/суважар//сувежар в-, б-, 'шурина́, сувеш дзуд — жена шурина, сувеш биер /к1анат, йо1/ — ребенок (сын, дочь) шурина, сушич /миехча/ — двоюродный (троюродный) шурина или свояченица, чеч., стунваша, в-, инг., уствоша, в-, бац., пст 1увашо, в-, акк., устваш, в-, кист., уствош, в-, чеб., стунвошо, в-, итум., сунваша, в-.

Сунц1хуо//сухую /-й/ в-, й-, б-, 'родственник (ца) жены́, чеч., стунцхуо /-й/ в-, й-, б-, инг., уц1ей, б-, й-, акк., устхо /-й/ в-, й-, б-, кист., устхуа /-й/ в-, й-, б-, чеб., стунцохуо /-й/ в-, й-, б-, итум., сунцхуо/сунцахуой/ в-, й-, б-.

Т 1ехье́ /-наш/ й-, й-, 'потомствó, 'поколение́, чеч., т 1аьхье́ /-наш/ й-, й-, инг., т 1ехье́ /-ш/ й-, й-, акк., т 1аьхье́ /-наш/ й-, й-, кист., т 1аьхье́

/-ниш/ й-, й-, чеб., т 1ехье́ /-неш/ й-, й-, итум., т 1ехье́ /-наш/ й-, й-.

Шич /шичой/ в-, й-, б-, 'двоюродный брат (сестра)', 'кузен', 'кузина́, чеч., шича /шичой/ в-, й-, б-, инг., шуча/шучий/ в-, й-, б-, бац., шича /шичуй/ в-, й-, б-, акк., шуча /шучий/ в-, й-, б-, кист., шич /-ой/ в-, б-, чеб., шичи, в-, итум., шич/-ий/ в-, б-.

Шолдина биёраш д-, 'двойняшки́, 'близнецы́, чеч., шолхаг /-аш/ д-, д-, инг., шолг1арг /-аш/ й-, в-, б-, /шолдаг бераш/, акк., шалдинарг /-аш/ д-, д-, кист., шолог1орг /-иш/ в-, й-, б-, чеб., шолобер /-еш/ д-, д-, итум., шолдинабиёр /-аш/ д-, д-.

Энгир /-аш/ й-, б-, 'соперница́, 'другая жена мужа́, чеч., эмгар /-ш/ й-, б-, инг., эмгар /-ш/ й-, б-, акк., энгар /-ш/ й-, б-, кист., энгир /-иш/ й-, б-, чеб., ангир /-еш/ й-, б-, итум., энгир/-иш/ й-, б-. [5, 6, 7, 8, 9, 10, 11]

б) термины, обозначающие профессию человека и его социальное положение в обществе

Айкx//моттбиттург /айкxаш/моттбиттураш/ в-, й-, б-, 'доносчик', 'осведомитель', чеч., айкx /-аш/ в-, й-, б-, инг., аькx /-аш/ в-, й-, б-, моттбеттарг /-еш/ в-, й-, б-, кист., аькx /-иш/ в-, й-, б-, чеб., айкx /-еш/ в-, й-, б-, итум., эйкx /-аш/ в-, й-, б-.

Белхилуо //балхилуо/-й/ в-, й-, б-, 'работник (ца́), чеч., белхалуо /-й/ в-, й-, б-, болхлуо /-й/ в-, й-, б-, акк., берхалуо /-й/ в-, й-, б-, кист., балха́/белхий/ в-, й-, б-, чеб., ба́лхилуо /-й/ в-, й-, б-, итум., ба́лхилуо /-й/ в-, й-, б-.

Бе́риё́ /-ш// -й/ в-, б-, 'наездник', 'джигит', чеч., бе́риё́ /-ш/ в-, б-, инг., баьри /-еш/ в-, й-, б-, бац., до́нлов/донлоби/ в-, б-, акк., бе́ри/-еш/ в-, б-, кист., бе́рие́ /-ш/ в-, б-, чеб., ба́ре /-ш/ в-, б-.

Векил /-аш/ в-, й-, б-, 'представитель (ца)', 'доверенное лицо́, чеч., векал /-ш/ в-, й-, б-, инг., векал /-аш/ в-, й-, б-, акк., векал /-ш/ в-, й-, б-, чеб., вакил /-еш/ в-, й-, б-, итум., векил /-иш/ в-, й-, б-.

Говзонч, /-аш/ в-, й-, б-, 'мастер (ица)', говзол, й-, — мастерство, чеч., говзанча /-ш/ в-, й-, б-, инг., говзанчуо/говзанчаиш/ в-, й-, б-, акк., говзанча /-ш/ в-, й-, б-, кист., гавз /-аниш/ в-, б-, чеб., гавзу /-ниш/ в-, й-, б-, итум., говзанча /-ш/ в-, й-, б-.

Хьалхваллар, в-, й-, б-, 'погонщик (при пахоте)', чеч., гурманча /-ш/ в-, й-, б-, акк., гурумхо /-й/ в-, б-, итум., хьалхлилашверг, в-.

Хе́хуо /-аш/ в-, б-, 'сторожевая охрана́, чеч., г1а́ро́л /-аш/ д-, д-, инг., г1а́рол /-аш/ д-, д-, акк., г1а́ро́л /-аш/ д-, д-, кист., хе́хуа /-ниш/ в-, б-, чеб., г1а́рол /-еш/ д-, д-.

Хьалг1еттинар/ хьалг1овттана́раш/ в-, й-, б-, 'повстанец', чеч., г1аттамху́о /-й/ в-, й-, б-, акк., г1аттамху́о/-й/ в-, й-, б-, чеб., г1аттархуо /-й/ в-, й-, б-, итум., г1аттамху́о/-й/ в-, й-, б-.

Г1ашлуо /-й/ в-, й-, б-, 'пешеход', чеч., г1ашлуо /-й/ в-, й-, б-, инг., г1ашлуо /-й/ в-, й-, б-, акк.,

г1ашлуо /-й/ в-, й-, б-, чиб., г1ашла̄в /-ш/ в-, й-, б-, итум., г1ашлуо /-й/ в-, й-, б-.

Но̄къост /-ий/ в-, й-, б-, 'помощник', чеч., г1о̄ньча / г1о̄ньчий / в-, й-, б-, инг., г1онча /-ш/ в-, й-, б-, акк., нак̄ост, в-, чиб., г1ончи /-ниш/ в-, б-, итум., г1онч /-ий/ в-, б-.

Джа1у /-й/ в-, й-, б-, 'чабан', беж1у — пастух, чеч., джа1у /-й/ в-, й-, б-, беж1у, в-, б-, инг., джа1у /-й/ в-, й-, б-, беж1у, акк., джа1у /-й/ в-, б-, беж1у, кист., джа1у/джа̄в1уьниш/ в-, б-, беж1у, чиб., дже1у, итум., джа1у /-й/ в-, б-, беж1у.

Дошлуо /й-/ в-, б-, 'кавалерист', 'всадник', чеч., дошлуо /-й/ в-, б-, инг., дошло /-й/ в-, б-, бац., до̄нлов / донлоби / в-, б-, акк., бери, в-, кист., бе̄рие /-ш/ в-, б-, чиб., дошлуо /-й/ в-, б-, итум., бере / ба̄реш / в-, б-.

Иччархуо /-й/ в-, й-, б-, 'охотник', 'меткий стрелок', 'снайпер', чеч., иччархуо /-й/ в-, б-, инг., чарахь /-аш/ в-, б-, акк., иччархуо /-й/ в-, б-, кист., чарахь /-аниш/ в-, б-, чиб., иччархуо /-й/ в-, б-, итум., иккархуо /-й/ в-, б-.

Киранч /-ш/ в-, й-, б-, 'возчик', инг., киранча /-ш/ в-, й-, б-, кист., кири /-еш/ й-, й-, груз, чиб., киринчи /-ниш/ в-, й-, б-, итум., киранча /-ш/ в-, й-, б-.

Кхеллархуо /-й/ в-, б-, 'народный судья', чеч., кхеллахуо /-й/ в-, б-, инг., кхеллахуо /-й/ в-, б-, акк., кхеллахуо /-й/ в-, б-, кист., кхиелхуа /-ниш/ в-, б-, чиб., кхиелхуо /-й/ в-, б-, итум., кхеллахуо /-й, в-, б-.

Къо̄нуо /-й/ в-, б-, 'старейшина', чеч., къа̄но /-й/ в-, б-, инг., къа̄в /-й/ в-, б-, акк., къа̄но /-й/ в-, б-, кист., къо̄нуа /-й/ в-, б-, чиб., къа̄но /-й/ в-, б-, итум., къа̄но /-й/ в-, б-.

Къӣе̄саг /й-/ в-, б-, 'бедняк', чеч., къӣе̄хуо /-й/ в-, б-, инг., бедняк /къехуо /-аш/ в-, б-.

Къашк̄ъури /-ш/ й-, й-, 'ряженный (для вызывания дождя)', чеч., къорик̄ъали /-еш/ й-, й-, инг., мустагударг /-аш/ й-, й-, акк., м1а̄вжиг /-аш/ в-, б-, чиб., къа̄ршек̄ъули /-еш/ й-, й-, итум., хьогоали /-еш/ й-, й-.

К̄ъу /-й/ в-, й-, б-, 'вор', 'воровка', чеч., к̄ъу /-й/ в-, й-, б-, инг., к̄ъу /-й/ в-, й-, б-, акк., к̄ъу /-й/ в-, й-, б-, кист., к̄ъу /к̄ъӯй/ в-, й-, б-, чиб., к̄ъу /-й/ в-, й-, б-, итум., к̄ъу /-й/ в-, й-, б-.

Лай /лей/ ле̄иш / л̄е̄ х1у ду / в-, б-, 'раб', чеч., лай / леш / в-, б-, инг., лай /ла̄вш / в-, й-, б-, акк., лай /ла̄вш / в-, й-, б-, кист., лей /ле̄иш / д-, д-, чиб., лей /ла̄вш / д-, д-, итум., лей /ла̄вш / д-, д-.

Луор /луора̄ш / луоро̄ш / в-, й-, б-, 'врач', 'лекарь', чеч., луор /луо̄бра̄ш / в-, й-, б-, инг., лор /-аш/ в-, й-, б-, акк., луор /-еш/ в-, й-, б-, кист., луор /ло̄вренш / в-, й-, б-, чиб., лор /-еш/ в-, й-, б-, итум., луор /ло̄бра̄ш / в-, й-, б-.

Мут 1̄е̄лим /-аш/ в-, б-, 'ученик медресе, духовной школы при мечетях', чеч., мута1̄елим /-аш/ в-, б-, инг., мута1̄алим /-аш/ в-, б-, акк., мит 1̄алам /-аш/ в-, б-, кист., мут 1̄алам /-аш/ д-, д-, чиб., мута1̄алим /-еш/ в-, д-, итум., мут 1̄алим /-аш/ в-, д-.

На̄йп /-аш/ в-, б-, уст. 'наиб', 'помощник, заместитель (начальника или духовного лица)', чеч., наиб /-аш/ в-, б-, инг., наиб /-аш/ в-, б-, акк., наиб /-аш/ в-, б-, кист., наиб /-аш/ в-, б-, чиб., наиб /-еш/ в-, б-, итум., неип /-аш/ в-, б-.

Нахарч /-ий/ в-, б-, 'плугарь', чеч., нахарча /-ш/ в-, б-, акк., нахархуо /-ш/ в-, й-, б-, чиб., нохорлуо /-ниш/ в-, й-, б-, итум., нахарча /-ш/ в-, й-, б-.

Абург /обург /абуриг /обуриг /-аш/ в-, б-, 'абрек', чеч., обарг /-аш/ в-, б-, инг., эбарг /-аш/ в-, й-, б-, акк., абарг /-аш/ в-, б-, кист., обурак /-иш/ в-, б-, чиб., абуриг /-еш/ в-, б-, итум., обург /-аш/ в-, б-.

Паччахь /-аш/ в-, й-, б-, 'царь', 'король', 'государь', чеч., паччахь /-аш/ в-, й-, б-, инг., паччахь /-аш/ в-, й-, б-, акк., паччахь /-аш/ в-, й-, б-, кист., паччахь /-аш/ в-, й-, б-, чиб., паччахь /-еш/ в-, б-, итум., паччахь /-аш/ в-, б-.

Пх̄вар /пх̄ва̄раш / в-, й-, б-, 'мастер', чеч., пх̄вар / пх̄вара̄ш / в-, й-, б-, инг., пх̄вар /-аш/ в-, й-, б-, акк., пх̄вар /-аш/ в-, й-, б-, кист., пх̄ва̄р /пх̄ва̄риш / в-, й-, б-, чиб., пх̄вар /-еш/ в-, й-, б-, итум., пх̄вар /-еш/ в-, й-, б-.

Таллархуо /-й/ в-, й-, б-, 'охотник', чеч., таллархуо /-й/ в-, й-, б-, инг., таллархуо /-й/ в-, й-, б-, акк., хьӯьнахкхарстарг /-аш/ в-, й-, кист., чарахь /-иш/ в-, б-, чиб., таллархуо /-й/ в-, б-, итум., иккархуо /-й/ в-, б-.

Талмаж /талмажхуо /талмажаш /талмажхуой / в-, й-, б-, 'толмач', 'переводчик', инг., талмач /-аш/ в-, й-, б-, акк., талмаж /-аш/ в-, й-, б-, кист., талмадж /-иш/ в-, й-, б-, чиб., талмаж /-еш/ в-, й-, б-, итум., талмаж /-еш/ в-, й-, б-.

Тиеш /тӣе̄ша̄ш / в-, й-, б-, 'свидетель', чеч., теш /-аш/ в-, й-, б-, инг., теш /-аш/ в-, й-, б-, акк., теш /-аш/ в-, й-, б-, кист., тиеш /-иш/ в-, й-, б-, чиб., теш /-еш/ в-, й-, б-, итум., теш /-еш/ в-, й-, б-.

Туракх /-аш/ в-, й-, б-, 'глашатай', чеч., туркх /-аш/ в-, й-, б-, инг., туркх /-аш/ в-, й-, б-, акк., туркх /-аш/ в-, й-, б-, чиб., туракх /-еш/ в-, й-, б-, итум., туракх /-еш/ в-, й-, б-.

Тутмакх /-аш/ в-, й-, б-, 'арестант', 'преступник', чеч., тутмакх /-аш/ в-, й-, б-, инг., тутмакх /-аш/ в-, й-, б-, тутмукх /-аш/ в-, й-, б-, кист., тутмакх /-иш/ в-, й-, б-, чиб., тутмакх /-еш/ в-, й-, б-, итум., тутмакх /-еш/ в-, й-, б-.

Тх̄амад /-аш/ в-, й-, б-, 'тамада', 'глава по положению', 'распорядитель', 'вождь', чеч., тх̄амда /-наш/ в-, й-, б-, инг., тх̄амада /-ш/ в-, й-, б-, акк., тх̄амда /-наш/ в-, й-, б-, кист., тх̄амд /-аниш/ в-, б-, чиб., тх̄амада /-ниш/ в-, б-, итум., тх̄амада /-ниш/ в-, б-.

Хӣе̄хуо /-й/ в-, й-, б-, 'сторож', чеч., х̄е̄хуо /-й/ в-, й-, б-, инг., ха̄всхуо /-й/ в-, й-, б-, акк., ха̄вхуо /-й/ в-, б-, кист., х̄е̄хуа /-ниш/ в-, б-, чиб., х̄е̄хуо /-й/ в-, б-, итум., х̄е̄хуо /-й/ в-, б-.

Хьархуо̄ /-й̄/ в-, й-, б-, 'мельник', инг., хьайрича /-ш/ в-, й-, б-, акк., хьейрхуо̄ /-й̄/ в-, й-, б-, кист., хьайрхуа /-ниш/ в-, й-, б-, чеб., хьархуо̄ /-й̄/ в-, й-, б-, итум., хьархуо̄ /-й̄/ в-, й-, б-.

Хьаким /-аш/ в-, й-, б-, 'начальник', 'руководитель', чеч., хьаькам /-аш/ в-, й-, б-, инг., хьаьким /-аш/ в-, й-, б-, акк., хьаькам /-аш/ в-, й-, б-, кист., хьеки́м /-иш/ в-, й-, б-, чеб., хьаким /-еш/ в-, й-, б-, итум., хьаьким /-иш/ в-, й-, б-.

Хьунхѣхуо̄ /-й̄/ в-, й-, б-, 'лесник', чеч., хьуьнхуо̄ /-й̄/ в-, й-, б-, инг., хьунхуо̄ /-й̄/ в-, й-, б-, акк., хьунг1а̄рлуо̄ /-й̄/ в-, й-, б-, кист., хьуьнхуа̄ /-ниш/ в-, б-, чеб., хуненхехуо̄ /-й̄/ в-, б-.

Ц1ухар /-ш/ в-, й-, б-, уст. 'младший ученик в арабских горских школах', 'подхалим', акк., ц1ух1ур /-ш/ в-, й-, б-, чеб., ц1ух1ур /-еш/ в-, й-, б-, итум., ц1оьх1ар /-ш/ в-, й-.

1у /-й̄/ в-, б-, 'пастух', 'конюх', 'скотник', чеч., 1у /-й̄/ в-, б-, инг., 1у/1ий/ в-, б-, бац., 1у /-й̄/ в-, б-, акк., 1у /-й̄/ в-, б-, кист., 1у/1уьниш/ /1уьй̄/ в-, б-, чеб., 1у /-й̄/ в-, б-, итум., 1у /-й̄/ в-, б-. [5, 6, 7, 8, 9, 10, 11]

Выводы:

1. В шаройском диалекте отсутствуют лабиализованные фонемы среднего подъема переднего ряда **оь**, переднего ряда верхнего подъема **уь**, а также нелабиализованная фонема переднего ряда среднего подъема **аь**. [2]

2. При образовании множественного числа имен существительных наблюдаются фонетические перегласовки, происходит изменение корневой гласной и гласной форматива множественного числа: *новц в-, б-, 'зять' новцар /-ий/, нус й-, й-, 'сноха, насар /-ий/, джим б-, д-, 'почка, джоннош*.

Литература:

- Алироев, И. Ю. Сравнительно-сопоставительный словарь отраслевой лексики нахских языков и диалектов чеченского языка. Махачкала, 1975.
- Арсаханов, И. А. Чеченская диалектология. Грозный, 1969.
- Имнайшвили, Д. С. Историко-сравнительный анализ фонетики нахских языков. Тбилиси, 1977.
- Чикобава, А. С. Задачи диалектологии иберийско-кавказских языков. Координационное совещание по вопросам диалектологии иберийско-кавказских языков 19–20 ноября 1956 года. Тезисы докладов, Тбилиси.
- Алироев, И. Ю. Кистинский диалект чеченского языка. Грозный, 1962.
- Арсаханов, И. А. Аккинский диалект в системе чечено-ингушского языка. Грозный, 1959.
- Дешериев, Ю. Д. Бацбийский язык. М., 1953.
- Мациев, А. Г. Чеберлойский диалект чеченского языка. — Известия ЧИНИИЯЛ, т. 6, вып. 2. Языкознание. Грозный, 1965.
- Овхадов, М. Р. Системность в изучении диалектов (на материале орстхойского диалекта чеченского языка). В кн.: Системность в учебно-воспитательном процессе. Орджоникидзе, 1979.

3. В названиях родственных отношений в шаройском диалекте, как и в других диалектах чеченского языка, преимущественно присутствуют односложные слова: *да /-й̄/ в-, б-, 'отец', саг /-нах/ в-, б-, 'человек', 'мужчина*.

4. Чередования в комплексе согласных, сложившихся в результате их исторического развития, например, «рк» в чеченском языке соответствует комплексу согласных «хк» (*маркарий — девушки — мехкарий; т1арк — кость — т1ехк*); и комплексу согласных «рч» в чеченском языке соответствует комплекс «риш», (*шар., бурч саг в-, б-, 'мужчина, чеч., боьрша стаг; шар., мие рч саг в-, б-, 'свободный человек', чеч., маьрша стаг*);

5. Термины родства имеют свою специфику, например, суплетивизм в образовании некоторых форм имен существительных множественного числа (*к1анат — к1анатий//к1антий; йо1 — маркарий; ма̄р — ма̄р-ц1хуо — ма̄рц1хуой*);

6. При образовании множественного числа некоторых имен существительных, обозначающих термины родства, в шаройском диалекте чеченскому литературному суффиксу «н» соответствует суффикс множественного числа «м», (*не нмош, 'матерй, наной; ма рмош, 'мужья марош*).

Список условных сокращений:

Шар. — шаройский диалект

Чеч. — чеченский язык

Инг. — ингушский язык

Бацб. — бацбийский язык

Акк. — аккинский диалект чеченского языка

Кист. — кистинский диалект чеченского языка

Итум. — итумкалинский диалект чеченского языка

Чеб. — чебарлойский диалект чеченского языка

Условные обозначения:

Долгота гласного обозначается знаком — (̄).

К вопросу об идентификации некоторых литературоведческих категорий

Хатамова Дильфуза Абдувахобовна, кандидат филологических наук, доцент
Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека

Отечественная теория литературы переживает время фундаментальных перемен. Она активно взаимодействует с мировым литературоведением. В нее вливается много новых понятий, а часть устоявшихся терминов требуют переосмысления с точки зрения современности.

Язык теории литературы — это термины и понятия. Овладение же этим языком — залог успешного анализа литературных произведений и всего литературного процесса в целом.

В одной из предыдущих статей мы говорили о неоднозначности и противоречивости даже традиционно устоявшихся терминов, как *образ*, *сюжет*, *тема*, *направление*, *течение* и т.д. В данной работе мы попытаемся охарактеризовать некоторые из них, которые являются основополагающими категориями теории литературы.

Обращаясь к средствам, с помощью которых литература и другие виды искусства, обладающие изобразительностью, осуществляют свою миссию, философы и ученые издавна пользуются термином «образ». Аристотель под образом разумеет подражание возможному и заключающее в себе единичное, для Платона образ в искусстве — копии реальных предметов, которые сами являются копиями вечных идей. По Канту, в основе образа лежат «сочетание и согласие» «обеих познавательных способностей — чувственности и рассудка» [1, с. 255]. В понимании Шеллинга образ — это тождество реального и идеального, бытия и значения, конечного и бесконечного. [2, с. 8]

В составе философии и психологии образы — это конкретные представления, т.е. отражение человеческим сознанием единичных предметов (явлений, фактов, событий) в их чувственно воспринимаемом облики. Они противостоят абстрактным понятиям, которые фиксируют общие, повторяющиеся свойства реальности, игнорируя ее неповторимо индивидуальные черты. Это точка зрения на образ вызвала внимание западной эстетики и литературоведения XX в. Решающий вклад в это направление внесли работы немецких и французских ученых Т. Рибо, В. Вундта, З. Фрейда.

Термин «художественный образ» сравнительно недавнего происхождения. Его впервые употребил Гёте. Но сама проблема образа является одной из древних. Мы, выше уже отмечали, что начало теории обнаруживается уже в учении Аристотеля. Широкое применение термин «образ» получает в работах Гегеля. Философ писал: «Мы можем обозначить поэтическое представление как образное, поскольку оно ставит перед нашим взором вместо абстрактной сущности конкретную ее реальность». [3, с. 8] В его «Лекциях по эстетике» содержится развернутая теория художественного образа. По

Гегелю, «искусство изображает истинное всеобщее, или идею, в форме существования, образа». [4, с. 18] Таким образом, Гегель решил вопрос о преобразующем воздействии художественного творчества на жизнь общества.

В современном литературоведении под художественным образом понимают воспроизведение явлений жизни в конкретно-индивидуальной форме. Цель и назначение образа — передать общее через единичное, не подражая действительности, а воспроизводя ее. Слово — основное средство создания поэтического образа в литературе. Художественный образ выявляет наглядность предмета или явления, и является исторически изменчивым понятием. В образах эпохи Возрождения выдвигаются на первый план титанические страсти, в классицизме — борьба чувств и долга, в эпоху просвещения — человек и рационализм, романтизм противопоставляет одинокую личность, меркантильным интересам своего времени, проявляя интерес к острым психологическим конфликтам. Классицизм открывает диалектику души, модернисты стремятся раскрыть «тайны индивидуального бытия», постмодернисты подчеркивают его многоплановость. Таким образом, структура художественного образа исторически изменчива. Но обеспечивают целостное восприятие художественной действительности и организуют композицию произведения «художественное время» и «художественное пространство», они являются важнейшими характеристиками художественного образа.

Конец XIX века характеризуется возникновением «антиобразной» теории искусства, отвергающей категорию образа на том основании, что она растворяет специфику художественного творчества в науке, философии, познании. Наряду с «антиобразной» теорией искусства действуют два довольно влиятельных направления в изучении образа на Западе — это феноменологическая школа и семиотическая. Первая берет за основу видение, а не воображение, отождествляя смысловое содержание художественного образа с «материалом», а понятие «образ» растворяет в понятии форма. Семиотика игнорирует категорию образа, а часть представителей признают образ особой разновидностью знака. Для семиотики художественный образ — знак средство коммуникации в рамках данной культуры.

На сегодняшний день в литературоведении укоренились слова «знак» и «знаковость». Они заметно потеснили привычную лексику (образ, образность). Знак составляет центральное понятие семиотики, науки о знаковых системах. Знак — это материальный предмет, выступающий как представитель и заместитель другого,

«преднаходимого» предмета. С точки зрения В.Е. Хализева понятие «знак» не отменило традиционных представлений об образе и образности, но поставило эти представления в новый, более широкий смысловой контекст.

Таким образом, три основных направления западной эстетики XX века в своем подходе к образу ориентировались на три разных его аспекта: образ в акте творчества, образ в акте восприятия, образ в данности текста.

Если мы обратимся к воззрениям ученых XXI века, то Л.М. Крупчанов характеризует образ как наиболее важный и непосредственно воспринимаемый элемент литературного произведения. «Образ является средоточием идейно-эстетического содержания и словесной формы его воплощения». [5, с. 39] По определению Л.В. Чернец и Скибы, художественный образ — категория эстетики, характеризующая результат осмысления автором какого-либо явления, процесса свойственными тому или иному виду искусства способами, объективированный в форме произведения как целого или его отдельных фрагментов частей. [6, с. 210]

По Бореvu, художественный образ — всеобщая категория художественного творчества, средство и форма освоения жизни искусством. Художественный образ — элемент или часть произведения, обладающие самостоятельным существованием и значением. Художественный образ — самый способ бытия художественного произведения, взятого со стороны его выразительности, впечатляющей энергии и осмысленности. [7, с. 462]

Мы же, подводя итоги всему сказанному, присоединяясь к вышесказанному, хотим закончить эту полемику словами В.П. Мещерякова, что образ передает реальность и в то же время создает новый вымышленный мир, который воспринимается человеком как существующий на самом деле. [8, с. 18]

Начиная анализ художественного произведения, первое, с чем имеем дело, — это его тема. Любое художественное произведение в той или иной мере отражает реальную действительность. А тема является всеобщей характеристикой того, что в произведении содержится. [9, с.21] Тема по Виноградову — это вспомогательная категория, которая необходима при анализе идейного содержания художественного произведения. Она характеризует не какие-либо стороны содержания, а предмет отражения. Этим определением ученый подчеркивает субъективность писательской оценки при отображении действительности. Здесь уместно привести определение Ж. Куддона: «Тема — это абстрактный объект произведения; его центральная идея». [10, с. 457] В интерпретации Я. Зунделовича, напротив, тема — это основной замысел. Понятие «тема» не покрывается понятием «содержание». Тема — целостный образ мира, который определяет поэтическое мировосприятие художника. [11, с. 457]

Если исходить из определения Ю. Боревa, что содержание — это ядро художественного смысла произ-

ведения, то значит, тема и идея являются ядром художественного содержания. Есть утверждения, что темой в литературе принято считать значение ключевых слов или то, что ими фиксируется (В.Е. Хализев). Видимо, по этой причине В.М. Жирмунский мыслил тематику как сферу семантики художественной речи: «Каждое слово, имеющее вещественное значение, является для художника поэтической темой своеобразным приемом художественного воздействия». [12, с. 30] Существует и другое значение термина «тема» — являясь продуктом теоретических опытов прошлого, она характеризует не элементы структуры, а сущность произведения как целого. Тема — это фундамент художественного произведения или то, что стало предметом авторского интереса, его осмысления и оценки.

Но в теориях ученых двадцатого столетия распространен взгляд об отождествлении темы и проблемы. К примеру, определение Г.Л. Абрамовича «Тема — проблема, поставленная писателем в произведении» анализируется российским литературоведом О.И. Федотовым. Он приходит к выводу, что это определение вызывает сомнение, по крайней мере, в двух аспектах. Во-первых, они могут совпадать лишь частично, так как понятие «тема» намного шире, чем понятия «проблема». Во-вторых, понятие «проблема» содержит в себе не только объективную констатацию того или иного жизненного факта, но и субъективное — личное отношение к нему писателя. Для правильного и грамотного анализа произведений мы должны четко разграничить понятия «тема» — «идея» — «проблематика» и главное — стоящие за ними уровни художественного содержания, избегая дублирования терминов. И этого мнения придерживаются многие литературоведы мира.

Итак, при идентификации интерпретаций термина «тема» выявляется, что разными учеными это понятие истолковывается по-разному. Одни считают, что тема — это идея произведения (Виноградов, Куддон). Другие утверждают, что тема — это основная проблема произведения (Г.Л. Абрамович, Л.И. Тимофеев, Д. Куронов). А третьи вполне правомерно, на наш взгляд, считают, что тема — это фундамент художественного произведения, все то, что стало предметом авторского интереса, осмысления и оценки (Хализев, Томашевский).

Сегодня в литературоведении тема все-таки — одно из основных и центральных понятий в художественном произведении, характеризующих содержание и составляющих предметно-смысловой момент в поэтическом произведении, целостный образ мира, который определяет художественное мировосприятие писателя и скреплено его авторским замыслом. Тема ориентирует научную мысль на универсальную, собственно теоретическую характеристику познавательной стороны художественных произведений.

Идея — еще один структурный компонент содержания наряду с тематикой и проблематикой художественного произведения. Если тематика — это область отражения

реальности, то идейный мир — область художественных решений, своего рода завершение художественного содержания. Это мысль произведения, выражающая посредством всей его образной системы. Именно способ выражения принципиально отличает идею художественного произведения от научной идеи. Идея художественного произведения неотделима от его образной системы, поэтому не так легко бывает найти адекватное абстрактное выражение, сформулировать его в отрыве от художественного содержания произведения. Следующее отличие идеи художественного произведения от научной состоит в том, что последняя требует четкого обоснования и строгого доказательства.

Идея от греческого «idea» — первообраз, идеал, идея — обобщающая, эмоциональная мысль произведения, лежащая в основе произведения искусства. Данное определение мы встречаем в «Литературном энциклопедическом словаре» 1987 г. В основе этого толкования лежит определенное идейное осмысление художником характеристик жизни. И нужно отметить, что это единственное толкование, которое мы встретили в известных литературоведческих словарях русского и узбекского языков. Интерпретацию данного термина мы находим в учебниках по теории литературы. Г. Гегель в лекциях по эстетике, где он рассуждает о единстве формы и содержания, даёт следующее определение идеи: «Идея как художественно прекрасное есть идея с тем специфическим свойством, что она является индивидуальной действительностью, выражаясь иначе, она есть индивидуальное формирование действительности, обладающее специфическим свойством являть через себя идею». [13, с.113]

И. Кант определяет эстетическую идею как «представление воображения, которое дает повод много думать, причем, однако, никакая определенная мысль, т.е. никакое понятие, не может быть адекватно ему и, следовательно, никакой язык не в состоянии полностью достигнуть его и сделать его понятным». [14, с.124—125]

В литературоведении термином «идея» было принято обозначать образно выраженные в произведении искусства авторские мысли и чувства — это эмоционально окрашенный содержательный центр художественного произведения.

Литература:

1. Литературный энциклопедический словарь / Под общей ред. Кожевникова В.М., Николаева П.А. М.: СЭ, 1987. С.255.
2. Литературный энциклопедический словарь / Под общей ред. Кожевникова В.М., Николаева П.А. М.: СЭ, 1987. С.255
3. Гегель, Г.В.Ф. Лекции по эстетике // Сост. Николаев П.А., Эсалнек А.Я. Введение в литературоведение. Хрестоматия. М.: Высшая школа, 2006. С.8.
4. Гегель Г.В.Ф. Лекции по эстетике // Сост. Николаев П.А., Эсалнек А.Я. Введение в литературоведение. Хрестоматия. М.: Высшая школа, 2006. С.8.
5. Крупчанов, Л.М. Введение в литературоведение. М.: ОНИКС, 2007. С.39.
6. Введение в литературоведение. Основные понятия и термины /Под ред. Чернец Л.В., Хализев В.Е. М.: Высшая школа. 1999. С.210.

Л.И. Тимофеев рассматривал тему, идею и проблему в единстве. В результате анализа художественного произведения, его характеров и событий приходишь к тому или иному определению его идейно-тематической сущности. Это и есть идея художественного произведения, заключает ученый. Но как мы уже указывали ранее, нельзя смешивать эти понятия, так как тема является объектом художественного изображения, кругом событий, явлений, предметов действительности, отраженных в произведении и скрепленных воедино авторским замыслом, а идея — это главная мысль художественного произведения, выражающая отношение автора к действительности. Художественная идея, как правило, не имеет своего определенного места в произведении: погруженная в образы, она пронизывает его насквозь.

Во многих словарях и справочниках идея интерпретируется как идейность художественного произведения. В частности, в «Словаре литературоведческих терминов» И.А. Елисева и Поляковой вместо термина «идея» дается понятие «идейность». В «Литературоведческом словаре» Тимофеева и Тураева аналогичное положение. В «Литературоведческом словаре» узбекского ученого Д. Куронова идея интерпретируется как один основных компонентов художественного содержания, несущая в себе образную, обобщенную мысль. В этом точка зрения Д. Куронова совпадает с определением А.Б. Есина «Художественная идея — главная обобщающая мысль или система таких мыслей». [15, с. 61]

В.Е. Хализев отождествляет идею с пафосом. Такого мнения придерживались В.Г. Белинский «поэтическая идея — это силлогизм, не догмат, не правило, это живая страсть, это — пафос. Но пафос — это прежде всего страсть». И это замечание великого критика предостерегает нас от того, что не следует сводить художественную идею в нравоучение и навязывать ее реципиенту. Здесь очень важно учесть первичность эстетической функции литературы. Литература — прежде всего, должна доставлять читателю эстетическое наслаждение. А теоретическая подкованность помогать читателю глубоко и грамотно анализировать прочитанное, раскрывать истинную сущность и ценность содержания художественного произведения.

7. Боров, Ю. Эстетика. Теория литературы // Энциклопедический словарь терминов. М.: Астрель. 2003. С. 462.
8. Мещеряков, В. П. Основы литературоведения. М.: Дрофа, 2003. С. 18.
9. Виноградов, И. А. Проблемы содержания и формы литературного произведения. М.: МГУ, 1958. С. 21
10. Боров, Ю. Эстетика. Теория литературы // Энциклопедический словарь терминов. М.: Астрель. 2003. С. 457.
11. Боров, Ю. Эстетика. Теория литературы // Энциклопедический словарь терминов. М.: Астрель. 2003. С. 457.
12. Жирмунский, В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л., 1977. С. 30
13. Гегель, Г. В. Ф. Лекции по эстетике // Сост. Николаев П. А., Эсалнек А. Я. Введение в литературоведение. Хрестоматия. М.: Высшая школа, 2006. С. 113.
14. Кант, И. Критика способности суждения // Сост. Николаев П. А., Эсалнек А. Я. Введение в литературоведение. Хрестоматия. М.: Высшая школа, 2006. С. 124–125.
15. Есин, А. Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения. С. 61.

О некоторых механизмах языковой игры в пьесах Л. С. Петрушевской

Цой Алла Павловна, кандидат филологических наук, доцент
Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека (Узбекистан)

Как известно, современная литература характеризуется яркой индивидуализацией и многообразием творческих методов и форм. По этому поводу Н. Д. Бурвикова и В. Г. Костомаров отмечают: «Современная полифония индивидуального разнообразия, формируемая на дистанции: от либерализации языка к его карнавализации — характеризуется символической, снятием запретов, безрассудством, шалостями, чудачествами, всеобщим пародированием, одновременным утверждением нового и отрицанием старого, смешением стилей, самоутверждением личности, выросшей в мире традиционных ценностей» [1, с. 23].

Исследователи единодушно высказывают мнение о том, что одной из ярких примет современного художественного текста становится *языковая игра*. Так, в частности, И. С. Скоропанова утверждает, что «игра с языком как вторичной и первичной знаковыми системами — родовое свойство постмодернизма. Благодаря этому осуществляется ускользание от тоталитаризма языка, строго закрепленные за понятиями значения расшатываются, приобретают вероятностные характеристики, новые семантические оттенки» [2, с. 174]. В. Д. Черняк подчеркивает, что «практика языковых игр постмодернистов многообразна» и что «языковая игра обнаруживается в произведениях разных стилей и жанров, распространяясь или на весь текст, или на отдельные его фрагменты», что «форма слова становится объектом особого внимания автора» [3, с. 295].

К числу своеобразнейших современных писателей, в творчестве которых реализуются указанные принципы, несомненно, относится и Л. С. Петрушевская. Литературные критики, лингвисты и литературоведы подчеркивают, что сутью ее художественного творчества является *игра с уже созданным*. Первоначально эта игра понималась очень просто. Это было пародирование и художественных средств, и тех стандартных

содержательных блоков, которые находили понимание у читателей.

Постепенное расширение понятия игры в постмодернистской эстетике привело к «выходу» игры за рамки приемов копирования и к сближению с глобальной категорией философии XX в. — *НОМО LUDENS* (термин Й. Хейзинги — *Человеком Играющим*). Таким образом, в эволюции этой постмодернистской эстетики оказалось заложенным противопоставление (различение) двух уровней реализации категории игры: 1) игра как отдельный частный прием; 2) игра как глобальный принцип.

В соответствии с этим в драматургических произведениях Л. С. Петрушевской можно выделить два «полюса» языковой игры:

1. Когда речевые характеристики персонажей (или микротексты), чаще всего созданные рядом реплик разных персонажей, выявляют авторскую языковую игру. При этом сами персонажи абсолютно это не осознают.

2. Когда сами персонажи прибегают к элементам языковой игры. Это психологически и эстетически обосновывается тем, что, во-первых, языковая игра является обязательным и актуальным элементом живой разговорной речи; во-вторых, несмотря на довольно распространенное мнение о том, что Л. С. Петрушевская в своих пьесах обращается к «языку улиц» и, по мнению ее «ранних» критиков, даже заполняет сцену мусором вульгарной разговорной речи, на самом деле, как уже отмечалось в ряде исследований [4], язык пьес Л. С. Петрушевской обладает чрезвычайно яркой интертекстуальностью. Другими словами, источником языковой игры драматурга является не только живая русская речь, но и, как показали результаты анализа языкового материала, мощные литературные традиции, в том числе и связанные с игрой «чужим словом».

В связи с вышесказанным рассмотрим следующие примеры.

Ср.: 1. «ПЕЛЬШЕ. И с тех пор нас не пускали поэтому внутрь. Из-за траура. Но вчера была свадьба, старая королева *Гертруда*, вдова старика *Гамлета*...

ЗОРГЕ. ... мы ее называем *герой труда*, вышла замуж за молодого брата короля, мы его называем *Клавдея*».

(«Гамлет. Нулевое действие»)[4, с. 252]

2. «КОЛОМБИНА. Я, как председатель комиссии по борьбе... по работе с молодыми открываю заседание комиссии. Мы вызвали молодого специалиста *Пьеро*, который обратился в комиссию с заявлением, что он целый год вынужден играть котика с усами, а усы все время воруя. Мы также вызвали на заседание бюро комиссии режиссера *Арлекина Ивановича* с просьбой ответить на это заявление в присутствии всех присутствующих.

АРЛЕКИН. А никого нет! Нет кворума.

КОЛОМБИНА (показывая на зрителей). Это у вас нет, а у нас есть. Что вы можете ответить? Люди ждут!

АРЛЕКИН. Дальнейшее покажет будущее.

КОЛОМБИНА. Вы можете идти, *Пьеро*. Всего наилучшего. Если будет еще что, заходите. (Арлекину.) Остальных гениальных просьба задержаться».

(«Квартира Коломбины»)[5, с.253–254]

В двух приведенных примерах мы наблюдаем игру с «чужим словом». Обыгрываются имена известных литературных и исторических персонажей: *Пельше*, *Зорге*, *Гертруда*, *Гамлет*, *Клавдий*, *Арлекин*, *Коломбина*, *Пьеро*. Субъектный план данных диалогов связан с особым типом диалогичности, который является результатом *взаимодействия двух режимов — диалогического и нарративного*, обусловленных двумя референтными планами: референцией к внеязыковой ситуации и непосредственно к самой ситуации общения. Это создает предпосылки для взаимодействия и взаимообратимости как субъектных уровней диалога, так и составляющих каждого из этих уровней.

В первом примере обыгрывается номинация *Гертруда* как «герой труда». В результате такой «ложной этимологизации» сталкиваются разные культурно-временные традиционные ценности и стили: «Гертруда, вдова старика Гамлета» (средневековая эпоха; литературный стиль) — «герой труда» (советская эпоха; официально-деловой стиль). Столкновение разновременных пластов, разных традиционно-культурных ценностей и стилей рождает языковую игру, в результате которой возникают новые глубинные смыслы и их оценки,

Рассмотрим более подробно второй пример. Диалогический режим в данном примере представлен на двух уровнях: с одной стороны, на уровне диалога непосредственно персонажей пьесы (*Коломбина*, *Арлекин Иванович*), с другой стороны — на уровне второго диалога, наслаивающегося на первый, — персонажа (*Коломбина*) и зрителей в зале, о чем свидетельствует ремарка (*показывая на зрителей*). Нарративный режим реализован в тех ассоциациях, которые связаны с именами таких литературных персонажей, как *Коломбина*,

Пьеро и *Арлекин*. Обращенность имен персонажей к указанным аспектам диалогического режима и, одновременно, к нарративному режиму позволяет утверждать, что природа этих номинаций двойственна. Другими словами, уже в рамках этих имен происходит столкновение двух разнотипных ассоциаций, в результате которого возникает ситуация многослойного оценивания. Так, первый уровень оценивания представлен такими компонентами, как ремарка, персонажи пьесы как *объекты оценки* (*Коломбина* и *Арлекин Иванович*), а также имена известных персонажей итальянской комедии дель арте — *Коломбина*, *Пьеро* и *Арлекин* как *мерила оценивания*. Субъектами оценивания при этом выступают автор текста и его адресат — читатель. Второй уровень — включает в себя в качестве *субъекта оценивания* персонажа (*Коломбина*) и зрителей в зале; *объектом же оценки* выступает непосредственно современный театр с его проблемами, актерами, а также режиссер *Арлекин Иванович*, к которому непосредственно относится заключительная реплика *Коломбины*: «... остальных гениальных просьба задержаться»; а *мерилом оценивания* выступает «*кворум*», подразумевающий наличие достаточно большого количества зрителей в зале. На этом уровне оценивания сталкиваются два стереотипа современного языкового сознания: выхолощенный, протокольный и живой, разговорно-бытовой, что обнажает глубокую авторскую иронию. Третий уровень оценивания включает *субъектов оценивания* — персонажей пьесы (*Коломбина*, *Арлекин Иванович*), которые попеременно меняются ролями: из *субъектов оценивания* превращаются в *объекты оценки* и наоборот. Наряду с этим персонажи выступают и как *мерила оценивания* современного театра. Проиллюстрируем это еще на одном примере, ср.:

«*Пьеро* (*капризно*). Я хочу сыграть *Гамлета*.

Коломбина. *Гамлет* — это возрастная роль.

От пятидесяти.

Пьеро. А тогда я хочу сыграть *Ромео*.

Коломбина. Ишь какой! Я играю *Джульетту*, а он сразу

Ромео! Да я, чтобы пробиться, семнадцать лет ждала эту роль! Нашелся какой *Ромео*.

Ромео — возрастная роль.

Пьеро (*капризно*) А я хочу *Ромео!*

Коломбина. Ну давайте порепетируем.

(«Квартира Коломбины»)[5, с.247–248]

Перед нами *ситуация оценки*, которая реализуется на *трех субъектных уровнях*: *первый уровень* — автор¹ текста — адресат¹/читатель; *второй* — автор²/режиссер-постановщик — адресат²/зритель; *третий* — автор³/персонаж¹ — адресат³/персонаж². Перечисленные субъектные уровни являются результатом взаимодействия двух режимов: *речевого* и *нарративного*. Каждый из перечисленных субъектных уровней организуется соотношением обязательных его составляющих. В речевом режиме это *говорящий* (*Пьеро*), его

собеседник (*Коломбина*) и тот объект, о котором идет речь (*роль Гамлета, Ромео и Джульетты*). В нарративном режиме это автор текста, адресат/читатель и сам текст. Следует отметить, что в данном диалоге наблюдается взаимодействие и принципиальная взаимобратимость составляющих в каждой из названных ситуаций. Так, в речевом режиме говорящий (*Пьеро*) и его собеседник (*Коломбина*) постоянно меняются ролями, а в соответствии с этим объект диалога поворачивается разными своими сторонами и по-разному осмысливается. В свою очередь, и в нарративном режиме автор текста может стать объектом оценки с точки зрения читателя / зрителя, а объект оценки — культурные стереотипы (*Гамлет, Ромео и Джульетта*) — мерилom оценивания.

Вместе с тем проиллюстрированная данным примером ситуация многослойного оценивания предполагает возможность ее прочтения в терминах воздействия, включающего субъекты и объекты воздействия, которые также могут меняться ролями как в речевом, так и нарративном режимах. Так, *Пьеро*, который, видимо, понимает, что он недостаточно талантлив и поэтому ему не суждено сыграть заметных ролей, хочет получить от *Коломбины* подтверждение обратного, о чем свидетельствуют дважды повторенная ремарка «капризно», усиленная трижды повторенным императивом «хочу». В свою очередь, *Коломбина*, видимо понимая переживания *Пьеро* и то, насколько для него это важно, пытается, в свою очередь, воздействовать на него, переводя каждый раз разговор в иную плоскость (это, в частности, обсуждение возраста актера, его актерского стажа и опыта), тем самым оставляя ему надежду на то, что он талантлив и вполне способен сыграть роли такого масштаба.

Следует отметить, что сама ситуация воздействия также многослойна. Она прослеживается в структуре приведенного примера, который в смысловом отношении может быть разделен на три фрагмента.

В первом фрагменте диалога актуализируется смысл, лежащий на поверхности, ср.: «Гамлет — это возрастная роль. От пятидесяти» — «возраст актера должен соответствовать возрасту литературного персонажа, роль которого он исполняет».

Во втором фрагменте понятие «возрастная роль» связывается с тем, что обычно заслуживается, ср.: «Ишь какой! Я играю Джульетту, а он сразу Ромео! Да я, чтобы пробиться семнадцать лет ждала эту роль. <...>. Ромео — возрастная роль» — «Коломбина прождала роль Джульетты семнадцать лет».

Третий фрагмент проясняет истинное положение вещей: ни *Пьеро*, ни *Коломбине* не суждено сыграть больших ролей. В последнем фрагменте примера «правда искусства» уступает «правде жизни».

Таким образом, ситуация оценки, включающая субъектов воздействия, являющихся одновременно объектами оценки, и объектов воздействия, вступающих,

в свою очередь, одновременно в роли субъектов оценивания и объектов оценки, реализуется одновременно на трех разных субъектных уровнях данного драматургического диалога. В результате такой взаимообратимости субъекты оценивания, объект оценки, оценка непосредственно сама и точка зрения становятся началом координат «новых оценок», «новых смыслов»: литературные персонажи *Гамлет, Джульетта, Ромео*, а также *Пьеро* и *Коломбина*, ставшие стереотипами культурного сознания (первая оценка), предстают как мерилa оценивания (вторая оценка). Так, диалогический режим «переключается» в режим нарративный, авторский.

Анализ языкового материала пьес Л. С. Петрушевской позволяет выделить в качестве существенных принципов претворения ее индивидуально-авторской языковой картины мира следующие:

1. Неприятие, последовательное разоблачение того понятия типического, которое формировалось в советской эстетике и советском литературоведении. Л. С. Петрушевская не приемлет огрубления этого понятия, выхолащивание его, сведение его к стандартам и стереотипам, навязываемым как в теоретической эстетике, так и драматургической практике официальной советской критикой и литературоведением. Поиск типического, обобщение типического как открытие существенных свойств мира превращался в таких случаях в стандарты и стереотипы, лишённые живого познавательного и эстетического начала. Ср.: «Петрушевская пошла навстречу устной речи. А это целый лингвистический континент со своим словарем, синтаксисом, стилистикой. Здесь своя иерархия ценностей. Здесь фамильярничают со всем, что пахнет официальным. Подрывание основ, хранение и распространение, тенденциозная подборка и прочее и прочее здесь заложены в самом языке» [6, с.396].

2. Для Л. С. Петрушевской стереотип, стандарт, типичная ситуация — это всего лишь оболочка, близкая и обманчивая в своей безликости, за которой скрывается истинная суть личности, ситуации, событий. Прорвать эту оболочку, обнажить неожиданное — одна из художественных задач писателя.

3. Вместе с тем исследователи неоднократно подчеркивают, говоря о драматургии Л. С. Петрушевской, ее изощренный конструктивизм [4, с.395], продуманность и четкую организацию драматургического каркаса пьес. Столь высоко конструктивное начало не может существовать без опоры на устойчивые и стандартные конструкции в широком смысле слова. Особенно в драматургии, роде литературы, который, при всей открытости к инновациям, очень жестко ограничен психофизическими параметрами реализации текста. Отсюда следует, что стандарт, клише, с одной стороны, не приемлется Петрушевской, а, с другой стороны, без него существование пьесы как литературного жанра невозможно, особенно в современном мире, когда клише и стандарты закреплены не только

в театре, но и в кино, в телевидении в целом и вообще в современной жизни.

4. Указанное противоречие в эстетике Л. С. Петрушевской разрешается введением в авторскую модель мира игрового начала.

Во-первых, игра — эта суть драматургии. Во-вторых, именно игровое начало позволяет, с одной стороны, демонстрировать жесткую сетку стандартов, типовых и обязательных ситуаций, легко включает в себя набор обязательных правил; с другой стороны, именно игра обнажает необычное в обычном, открывает незнакомое в знакомом, предоставляет практически неограниченные возможности проявления творческого начала в условиях наличия набора жестких правил и регулятивов.

5. Стремление к разрушению стандартов и клише, обесмысливающих реальный мир, на уровне собственно диалогических механизмов, находит отражение в том, что диалог как средство коммуникации и обмена информацией превращается в процесс дискommunikации, разрушения и потери информации.

6. Все указанные аспекты мировидения и мироконструирования Л. С. Петрушевской не только обусловили и обосновали обращение драматурга к языковой игре как существеннейшей черте её языковой поэтики, но и буквально «вынудили» автора опереться на игровой принцип построения авторской модели мира как одного из общих принципов языковой эстетики, так и частного приема организации текста.

Литература:

1. Бурвикова, Н. Д., Костомаров В. Г. Особенности понимания современного русского текста // Русистика: лингвистическая парадигма конца XX века: Сб. в честь профессора С. Г. Ильенко. — СПб., 1998.
2. Скоропанова, И. С. Русская постмодернистская литература: новая философия, новый язык. — СПб., 2001.
3. Черняк, В. Д. Языковые процессы в литературе конца столетия // Тимина С. И., Васильев В. Е., Воронина О. Ю. и др. Современная русская литература (1990-е г. г. — начало XX в.). — СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2005.
4. Петрушевская, Л. Измененное время: рассказы и пьесы. — СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2005.
5. Петрушевская, Л. Три девушки в голубом: Сб. пьес. — М.: Искусство, 1989.
6. Тименчик, Р. Ты — что? Или Введение в театр Петрушевской // Петрушевская Л. Три девушки в голубом: Сб. пьес. — М.: Искусство, 1989.

Проблема ясности языка законодательства и множественности интерпретаций текстов законов (на материале статей Гражданского Кодекса Российской Федерации)

Шашек Вероника Владимировна, магистрант;
Харченко Наталья Александровна, магистрант
Кемеровский государственный университет

В статье рассматриваются различные точки зрения на язык законодательства, а также особенности интерпретации (толкования) юридических текстов как специалистами в данной области, так и рядовыми носителями языка. Основная черта языка права состоит в том, что необходимо точно передать взаимосвязь юридических понятий и нюансов мысли законодателя. Работа над языком закона должна приводить к тому, чтобы смысл текста легко доходил до сознания читающего. Необходимо, чтобы законодатели формулировали мысли точно и грамотно, в соответствии с нормами литературного языка, так как правосознание граждан во многом зависит от правовой культуры (одной из составных частей которой является культура речи). Но, как показывают исследования, язык текстов закона весьма далек от эталонного литературного языка. Юридический язык обладает многими специфическими особенностями: частое употребление терминов, сложных синтаксических конструкций, тавтология. Все это затрудняет понимание иллокуции законодательного акта рядовыми носителями языка. На основе анализа мнений пользователей языка возможно создать «базовый» текст закона на литературном языке, устранив в новой статье все неточности и неясные формулировки. Таким образом, иллокуция закона станет более понятна рядовым пользователям и носителям языка.

Целью представленной статьи является рассмотрение различных точек зрения на юридический язык: язык,

предназначенный только для специалистов, и язык, предназначение которого в обслуживании нужд рядовых

граждан; рассмотрение особенностей интерпретации текстов законов.

Проблемы соотношения слова и закона волновали человечество уже с периода античности. В настоящее время все большую актуальность обретает изучение адаптированных или упрощенных текстов законов, так как неспециалистам важно знать и понимать, о чем говорится в тех или иных законодательных актах. Создатели законов также должны быть заинтересованы в написании простых и понятных законов.

По утверждению Н. Ивакиной, право нуждается в таких языковых средствах, которые бы точно обозначали правовые понятия и грамотно выражали мысль законодателя [4, с. 27]. Согласно одной из точек зрения на язык права, текст закона должен издаваться на литературном языке и быть понятен всем носителям языка. Другая же позиция состоит в том, что не только написание, но и толкование законов — дело специалистов с соответствующим образованием. Какой бы точки зрения не придерживались специалисты, все они сходятся во мнении, что язык права специфичен и нуждается в улучшении. Однако конкретные способы улучшения языка законов в работах исследователей не указываются.

Позиция «Юридический язык — язык специалистов» получила свое распространение в Германии. Известный немецкий специалист в области законодательной техники Отто Гирке считал, что законы написаны «абстрактным немецким языком юристов» [1, с. 295], который совершенно не понятен для рядового гражданина. А. Шнитцер утверждал, что законодательные акты написаны на специальном языке юристов, поскольку выражение воли законодателя на простом языке говорит о низком уровне развития народа. Все это дало В. Гедеману основание утверждать, что трудности, связанные с пониманием языка права, преодолеть невозможно.

Сторонники другой точки зрения считают, что юридический язык — это особый подстиль литературного языка. А. А. Ушаков считает, что существует особый функциональный стиль современного русского литературного языка, с помощью которого и выражаются мысли законодателя и законодательные категории. Подобной точки зрения придерживаются А. С. Пиголкин, Н. И. Хабибуллина, С. С. Алексеев, а также ряд зарубежных исследователей. Й. Гемар, Г. Маттила, Д. Меллинкофф в своих трудах утверждают, что юридический язык развился как форма литературного языка, обладающая своими особенностями. Естественный язык, функционирующий в юридической сфере, используется для реализации специфического содержания правовой коммуникации, которая предполагает отсутствие множественности интерпретации. Д. Меллинкофф считал также, что язык законодательства должен характеризоваться простотой и понятностью.

Тема понятного языка уже давно развивается в ряде стран. Большинство официальных документов перегружены различными канцеляризмами, сложными синтакси-

ческими конструкциями, специальными терминами и повторами. Поэтому большинству людей, непривычных к подобному стилю, понять такие тексты очень сложно. Отсюда возникают путаница и множественные интерпретации. Концепция понятного языка предполагает, что эти тексты можно и нужно стилистически «перевести» таким образом, чтобы обычные граждане могли с легкостью в них разобраться.

В Британии давно существует движение за простой английский, даже появилась специальная организация под названием «Plain English Campaign». В США в 2010 г. требования к понятности официальных текстов были закреплены на федеральном законодательном уровне Актом о простом письме, положившем начало реформе официального стиля. Аналогичная реформа прошла в Австралии. В России пока что нет движения как такового, хотя проблемы с пониманием официальных документов в связи с их стилистической спецификой неизменно возникают.

Необходимость реформирования языка законодательства отмечал Владимир Путин в своей статье «Демократия и качество государства»: «Его надо сделать если не благозвучным (в древнем мире законы часто писали стихами для лучшего запоминания), то хотя бы понятным для адресатов норм» [8].

Известный профессор словесности Максим Кронгауз говорит, что уже давно существует необходимость создания специального совета, в который могли бы войти лингвисты и юристы: «Я в свое время участвовал в проекте, в котором переписывал главу Гражданского кодекса о налогах на понятный язык. В книге параллельно с текстом закона шел его перевод на «русский язык». Но, по утверждению Кронгауза, реализовать подобную инициативу будет достаточно сложно. Причина в том, что законов очень много и все они написаны тяжелым для понимания языком. Уже при составлении законопроекта юристы должны сразу консультироваться с лингвистами, чтобы изначально не усложнять язык законов.

Таким образом, применение любого закона, как правило, сопровождается необходимостью его толкования. Только в самых элементарных правоприменительных ситуациях отсутствует подобная необходимость.

Толкование или интерпретация права — это процесс, который направлен на понимание смысловых норм права самим интерпретатором с последующим донесением этого смысла до обычных граждан. Необходимость толкования норм права связана с различной формулировкой в законодательных актах, что приводит к разным пониманиям, зачастую противоположным, одних и тех же правовых норм. Выделяется четыре вида толкования:

1. Текстовые (грамматические) толкования. В этом виде толкования объектом исследования является текст. Здесь применимы правила стилистики русского языка. Интерпретатор изучает как лексические и синтаксические, так и смысловые структуры текста.

2. Специальные юридические толкования. Они направлены на понимание специальных терминов. Необходимо пользоваться специальными юридическими знаниями.

3. Телеологические (целевые) толкования. Главным принципом является понимание смысла закона, с его целевыми назначениями.

4. Функциональные толкования. Здесь рассматриваются условия, в которых осуществляются нормы права, а так же факторы, влияющие на ее содержание.

Для разъяснения содержания норм права употребляют следующие виды толкований.

1. Официальные — разъяснение смысла правовых норм, которое исполняется государственным органом. Официальные толкования можно выделить следующие: нормативные и казуальные.

1.1. Нормативные — такое толкование должно осуществляться должностным лицом.

1.2. Казуальные — разновидность официальных толкований, производящаяся уполномоченными органами власти.

2. Виды неофициального толкования можно выделить следующие:

2.1. Обыденное — разъяснение содержания норм права, которое дают граждане в повседневной жизни.

2.2. Профессиональное — разъяснение содержания норм права, которое дают профессионалы в области права: юристы, адвокаты, нотариусы, прокуроры и др.

2.3. Доктринальное — разъяснение содержания норм права, основанное на развернутой аргументации выводов. Оно осуществляется профессионалами в лекциях, статьях, комментариях, учебниках и т.д.

2.4. Обсуждение и принятие материалов законопроектов (доклады и прения по обсуждаемым законопроектам и т.д.).

Интерпретация (толкование) права в большинстве случаев зависит от уровня компетентности тех органов, которые им занимаются, а также их профессиональной подготовки, уровня культуры, эрудиции. Многие законы можно интерпретировать по-разному, зависит от того, кто и в каких целях ведет толкование.

Таким образом, актуальным становится подход к толкованию, как механизму регулирования человеческих отношений и поведения.

Можно допустить, что для улучшения языка законов помимо правовых экспертиз, которые заключаются в правовых оценках формы актов, его цели и задачи, предметы правовых регулираний, компетенции органов, принявших акт, содержащих в нем норм, порядка принятия, опубликования на предмет соответствия требованиям Конституции Российской Федерации и федерального законодательства [6], возможно проведение дополнительной лингвистической экспертизы.

Таким образом, для усовершенствования законодательской и законоприменительной деятельности необходимо учитывать фактор адресата, а также признать неиз-

бежным субъективизм интерпретации и множественность интерпретационных результатов.

Мы рассматриваем текст закона с позиции адресата. Адресат, читая текст, видит в законе эксплицитную информацию (т.е. сформулированную с помощью языковых средств, специально предназначенных для ее непосредственного выражения). Затем читатель пытается истолковать текст, т.е. получает имплицитную информацию (характеризуется пониженной коммуникативной значимостью и косвенностью кодирования). Адресат видит ту иллюзию, которую может увидеть в силу своего жизненного опыта, образования, образа жизни, уровня культуры, в том числе и правовой, и т.п.

Испытуемым для интерпретации были предложены статьи из Гражданского Кодекса Российской Федерации. На первом этапе эксперимента им предлагалось ответить на вопрос: «В чем смысл данной статьи?» Полученные результаты обрабатывались с помощью метода научного описания, включающего классификацию, сопоставление и количественную обработку данных. На основании полученных результатов тексты предложенных статей изменялись, адаптировались для их лучшего понимания рядовыми носителями языка.

Части испытуемых была предложена статья 1150 Гражданского кодекса Российской Федерации о правах супруга при наследовании.

Статья 1150. Права супруга при наследовании. Принадлежащее пережившему супругу наследодателя в силу завещания или закона право наследования не умаляет его права на часть имущества, нажитого во время брака с наследодателем и являющегося их совместной собственностью. Доля умершего супруга в этом имуществе, определяемая в соответствии со статьей 256 настоящего Кодекса, входит в состав наследства и переходит к наследникам в соответствии с правилами, установленными настоящим Кодексом.

Результаты опроса показали, что данная статья сложна для восприятия. Об этом свидетельствуют множественные интерпретации текста, часто совершенно противоположные. Так один из опрошенных утверждает, что «Переживший своего супруга человек имеет право как наследовать имущество умершего, так и оставлять в своей собственности свою часть имущества, нажитого в браке. Одно другому не мешает. Доля совместного имущества, принадлежавшего умершему супругу, входит в наследство и передается наследникам по всем положенным правилам. А доля живого супруга никуда не передается и остается у него». Данное утверждение противоположно другому мнению «Все понятно. Суть: при смерти одного из супругов все имущество переходит к другому супругу».

Таким образом, часть опрошенных считает, что оставшийся в живых супруг получает всю долю умершего в совместно нажитом имуществе. Другие считают, что доля умершего делится между наследниками (по завещанию или по закону). Некоторым опрошенным непонятно яв-

ляются ли наследниками гражданские или фиктивные супруги, а если да, то каким образом происходит раздел

наследства. Подробнее статистика ответов отражена в таблице 1.

Таблица 1. Варианты интерпретаций статьи 1150

Количество ответов	Вариант ответа
3	Неясно, как делится доля умершего супруга
6	Все имущество переходит к выжившему супругу
5	Имущество делится по завещанию
6	Доля умершего супруга делится между наследниками по закону

На основе полученных данных возможно переработать текст статьи, упростив его и вместе с тем расширить, прояснив все сложные для неспециалистов места.

Так, например, если большей части опрошенных непонятно, наследует ли гражданский супруг часть имущества умершего, то в статье необходимо осветить этот момент: «Супруг имеет право на наследство только в том случае, если брак был оформлен официально. Брак, который был заключен иным образом (гражданский брак), не является основанием для того, чтобы можно было претендовать на наследство».

Подобным образом текст данной статьи перерабатывается полностью.

Адаптированный текст статьи:

Статья 1150. Права супруга при наследовании.

Переживший супруг получает право на наследование части доли умершего. При этом ему также принадлежит половина совместно нажитого в браке имущества.

Супруг имеет право на наследство только в том случае, если брак был оформлен официально. Брак, который был заключен иным образом (гражданский брак), не является основанием для того, чтобы можно было претендовать на наследство.

Право на наследство имеют рожденные в гражданском браке совместные дети, признанные официально наследодателем.

Гражданский супруг имеет право на получение либо всего наследства, либо определенной его части на основании завещания наследодателя, в котором тот по своему усмотрению указал наследников своего имущества.

Получение наследства гражданским супругом возможно, если он являлась нетрудоспособным иждивенцем наследодателя, и есть пакет документов, которые могут подтвердить данный факт. При этом срок, на протяжении которого гражданский супруг находился на иждивении, должен составлять не менее одного года до момента смерти наследодателя.

Доля умершего супруга входит в состав наследства и переходит к наследникам в соответствии с правилами, установленными настоящим Кодексом.

Таким образом, адаптированный текст статьи должен быть понятным для людей-неспециалистов в юридической сфере.

Испытуемым для интерпретации была предложена статья из Гражданского Кодекса Российской Федерации. Им предлагалось ответить на вопрос: «В чем смысл данной статьи?»

Испытуемым была предложена статья Гражданского кодекса Российской Федерации 1508. Общеизвестный товарный знак.

Статья 1508. По заявлению лица, считающего используемый им товарный знак или используемое в качестве товарного знака обозначение общеизвестным в Российской Федерации товарным знаком, товарный знак, охраняемый на территории Российской Федерации на основании его государственной регистрации или в соответствии с международным договором Российской Федерации, либо обозначение, используемое в качестве товарного знака, но не имеющее правовой охраны на территории Российской Федерации, по решению федерального органа исполнительной власти по интеллектуальной собственности могут быть признаны общеизвестным в Российской Федерации товарным знаком, если этот товарный знак или это обозначение в результате интенсивного использования стали на указанную в заявлении дату широко известны в Российской Федерации среди соответствующих потребителей в отношении товаров заявителя.

Товарный знак и обозначение, используемое в качестве товарного знака, не могут быть признаны общеизвестными товарными знаками, если они стали широко известны после даты приоритета тождественного или сходного с ними до степени смешения товарного знака другого лица, который предназначен для использования в отношении однородных товаров.

Мы видим, что закон трудный для восприятия. Многим опрошенным не понятно, что именно является товарным знаком. Из-за тавтологии, сложного построения предложений и использования неясных слов закон становится сложным для понимания. Для полного понимания закона необходима помощь специалистов.

Многие опрошенные пытаются пересказать суть предложенного текста. Есть также мнения, направленные не на содержание, а на форму текста: стиль, манера повествования, особенности использования отдельных слов. Ни один из опрошенных не выходит за рамки первичного текста.

Были выявлены множественные интерпретации текста. Некоторым опрошенным непонятно, что является товарным знаком. «Статья очень сложна для восприятия. Сколько не читала, не поняла, что является товарным знаком. Что вообще подразумевается под словосочетанием «товарный знак»? Что это, документ или предмет? Не понимаю, как у товарного знака может быть регистрация, как она выглядит и что из себя представляет? Что значит «стали на указанную дату»? Какие обозначения, используемые в качестве товарного знака, вообще существуют?».

Другим участникам опроса не понятны некоторые словосочетания: «Мало что понятно. Ясно, что речь идёт о том, какой товарный знак считается общепризнанным, а вот дальше не понятно ничего. Многие фразы противоречат друг другу — «охраняемый», «неохраняемый», «общеизвестный», «малоизвестный», из-за чего пропадает конкретность, текст «расплывается» и становится непонятным».

Кто-то считает, что товарный знак — это товарный чек, отличительный знак или логотип фирмы.

Статистика ответов представлена в таблице 2.

Таблица 2. Варианты интерпретаций статьи 1508

Количество ответов	Вариант ответа
3	Не понятно, что является товарным знаком
5	Товарный знак — товарный чек
4	Закон не понятен
3	Товарный знак — отличительный знак
3	Товарный знак — логотип фирмы
5	Не понятны некоторые словосочетания
3	Охрана товарного знака

После получения данных становится возможным переработка текста статьи, направленная на его упрощение и уточнение содержащихся в нем сложных элементов.

Адаптированный текст статьи:

Статья 1508. Общеизвестный товарный знак.

Обозначение, в том числе уже зарегистрированное как товарный знак, может быть признано общеизвестным товарным знаком по решению Роспатента.

Это решение принимается по заявлению лица, которое полагает, что используемое им обозначение является фактически общеизвестным в Российской Федерации товарным знаком.

Обозначение, которое указано в заявлении, может уже быть зарегистрировано в России как «обычный» (не общеизвестный) товарный знак либо по национальной процедуре, либо в соответствии с международным договором Российской Федерации.

Обозначение, заявленное в качестве общеизвестного товарного знака, не может быть признано общеизвестным несмотря на то, что оно отвечает всем признакам, указанным выше, если на ту дату, когда это обозначение стало общеизвестным, другое лицо подало заявку на регистрацию в качестве товарного знака аналогичного или сходного с ним до степени смешения обозначения для использования в отношении тех же или однородных товаров с более ранним приоритетом и до или после той даты, когда заявленное обозначение стало общеизвестным, это обозначение другого лица было зарегистрировано как товарный знак.

Если заявленное обозначение отвечает требованиям, установленным выше, то оно признается общеизвестным товарным знаком и ему предоставляется правовая охрана, предусмотренная для обычных, не общеизвестных товарных знаков.

Роль даты приоритета общеизвестного товарного знака играет указанная в решении Роспатента дата, на которую общеизвестный товарный знак стал широко известен в России.

Исключительное право на общеизвестный товарный знак может распространять свое действие и на другие товарные знаки, не однородные с теми, в отношении которых он был признан общеизвестным.

Адаптированный текст статьи должен быть направлен на уяснение смысла норм права самим интерпретатором и доведение этого смысла до обычных граждан.

На основе проведенного эксперимента можно сделать вывод о сложности текстов законов для понимания обычными гражданами, не имеющими специального образования.

Для усовершенствования законотворческой техники необходимо:

Во-первых, при составлении новых законодательных актов проводить дополнительную лингвистическую экспертизу, чтобы не перенасыщать текст закона специфическими элементами.

Во-вторых, для уже существующих законодательных актов разработать адаптированные тексты, в которых на основе мнений неспециалистов будут переработаны и упрощены сложные для восприятия и понимания места.

Таким образом, язык законодательства, несмотря на необходимость обслуживания им нужд людей-специалистов в области права, все еще остается слишком сложным для восприятия этой категорией граждан. Возникающие множественные интерпретации недопустимы при обращении к законодательным текстам, поэтому необходимо усовершенствовать законотворческую технику.

Литература:

1. Аширов, Б. С., Чухвичев Д. В. Законодательная техника. — Центр ОБСЕ в Ашхабаде, 2011. — 316 с.
2. Голев, Н. Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении // Юрислингвистика-1: проблемы и перспективы: межвуз. сб. науч. тр. Барнаул, 1999.
3. Голев, Н. Д. Юридический язык как единство и борьба противоположностей // Обыденное филологическое толкование // Язык. Право. Общество: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции (г. Пенза, 09–11 марта 2014 г.) / под ред. к. филол. н. О. В. Барабаш, к. п. н. проф. Г. И. Канакиной. — Пенза: изд-во ПГУ, 2014. — С. 85–93.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 28.12.2013) // Собрание Законодательства Российской Федерации. — 03.12.2001. — N 49.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 231-ФЗ (ред. от 23.07.2013) // Собрание Законодательства Российской Федерации. — 25.12.2006. — N 52.
6. Ивакина, Н. Русский язык российского права // Российская юстиция. — 2000. — № 7. — С. 26–28.
7. Керимов, Д. А. Законодательная техника: научно-методическое и учебное пособие. — М.: Норма, Инфра-М, 1998. — 127 с.
8. Нормативные правовые основы проведения правовой экспертизы. Код доступа: <http://to68.minjust.ru/ru/provedenie-pravovoy-ekspertizy-normativnyh-pravovyh-aktov-subekta-rossiyskoy-federacii-i-ih-proektov>
9. Первухина, С. В. Характеристики адаптированного юридического текста. — Язык и культура. Выпуск № 1 (29) / 2015. с. 31–37.
10. Путин, В. В. Демократия и качество государства. Код доступа: <http://sroportal.ru/publications/demokratiya-i-kachestvo-gosudarstva/>
11. Сидорова, Л. Н. К определению понятия «интерпретация» // Структуры языкового сознания. М., 1990.
12. Соколов, Н. Я. Профессиональное сознание юристов. М., 1988.
13. Соцура, Л. В. Неофициальное толкование норм права: учебное пособие. — М.: Профобразование, 2000. — 112 с.
14. Язык закона / под ред. А. С. Пиголкина. — М.: Юридическая литература, 1990. — 200 с.

Wiedergabe einiger grammatischer Erscheinungen: deutsche Partizipien

Шунайбекова Кльжиян Мендыгалиевна, старший преподаватель
Западно-Казахстанский государственный университет имени Махамбета Утемисова

Die deutschen Partizipien stehen im System des Verbs und als seine zweite Nominalform nimmt es eine Mittelstellung zwischen Verb und Adjektiv ein. Seine kategoriale Bedeutung ist ein Prozess oder Zustand, z.B. *der geschriebene Brief* (welcher? Was für ein?), *das gefundene Buch* (welches? Was für ein?). Das deutsche Partizip im Deutschen verfügt über zwei einander gegenübergestellte Strukturtypen. Partizip I (P1) und (P2). P I wird von allen Verben einheitlich gebildet.

Das deutsche Partizip wird von allen Verben einheitlich gebildet, nämlich mit Hilfe des Suffixes, — end, das an den Infinitiv gefügt wird: *lachend, singend, marschierend*. Alle Verben haben das Partizip I ausser den Modalverben (selten erscheint die Form wissend) und dem Hilfsverb sein. Das Partizip II hat verschiedene Formen bei den starken und schwachen Verben: *gedacht, gesungen* u.a. Als Bestandteil der analytischen Formen kann es von allen Verben gebildet werden, als seine selbständige Form wird es aber bei vielen Verben nicht gebraucht, wovon weiter die Rede sein wird.

Die adjektivische Eigenschaft des Partizips besteht auch in der Möglichkeit, ebenso wie das Adjektiv, prädikatives Attribut usw. gebraucht und dekliniert (stark, schwach usw.) zu werden. Seine verbalen Eigenschaften sind:

a) Die Bedeutung des Genus, die bei der Gegenüberstellung beider Partizipien (P1 und P2) der transitiven Verben deutlich hervortritt: *der lesende Student: der lesende Student — das gelesene Buch*; Das Partizip I von transitiven und intransitiven Verben hat die Bedeutung des aktiven Genus, deshalb verbindet es sich mit der Bezeichnung eines Geschehensträgers (Agens): *der schreibende Student, die datenverarbeitende Rechanlage, laufendes Band* (Fließband), *der laufende Monat*: unmöglich dagegen ist die Fügung *der schreibende Brief*. Nur in manchen fest stehenden Wortgruppen verbindet sich das Partizip I trotz seiner aktiven Bedeutung mit den Substantiven, die dieses Partizip bezeichnen: *spielende Leichtigkeit, reissender Absatz, mit ringenden Händen, der betreffende Zustand, die melkende Kuh*. Bei der Bestimmung des Genus des Partizips II sind transitive und intransitive Verben auseinander-

zuhalten. Das Partizip II der transitiven Verben hat die Bedeutung des passiven Genus, deshalb verbindet es sich mit der Bezeichnung eines Partizips: *die geliebte Mutter, der unterzeichnete Vertrag, der verfilmte Roman u.a.* Die passive Bedeutung des Partizips II wird durch Einschaltung der Präpositionalgruppe mit der Angabe des Täters, des Mittels oder Ursache verstärkt; *der von dem Minister unterzeichnete Vertrag; der von dem weltbekannten Regisseur verfilmte Roman.* Das Partizip II der intransitiven Verben ist die passive Bedeutung nicht eigen, es hat aktive Bedeutung: *die abgereiste Delegation, der angekommene Zug, die fortgeflogenen Vögel.*

b) Die Aktionalität (Aktionsart), die bei der Gegenüberstellung beider Partizipien der perfektiven Verben deutlich hervortritt: Zug — *der abgefahrene Zug*: Das Partizip I von allen Verben bezeichnet die Dauer eines Vorgangs: *der schreibende Student, die sich erholenden Touristen.* Beim Partizip II sind wiederum die transitiven Verben voneinander abzugrenzen. Dabei ist noch eine Charakteristik des Verbs zu berücksichtigen. Unter Berücksichtigung der beiden Eigenschaften — Transitivity und Grenzbezogenheit — kann man folgende Fälle festsetzen:

1. Das Partizip II von intransitiven Verben terminativen Verben bezeichnet die Abgeschlossenheit (den Vollzug) eines Vorgangs: *das niedergebrannte Haus.*

2. Dieselbe Bedeutung hat das Partizip II von den transitiven Verben; *die gefundene Tasche, die aufgegesessenen Speisen.*

3. Das Partizip II von den transitiven Verben bezeichnet dagegen einen dauernden Zustand: *die geliebte Mutter, das von den Säulen getragene Dach.*

4. Das Partizip II von den intransitiven Verben schlafen, gehen, lieben, brennen u.a tritt als Bestandteil der analytischen Formen auf; selbständig wird es nicht verwendet.

Syntaktische Rollen des Partizips im Satz

Das Partizip erscheint im Satz:

1. Als Attribut: *ein blühender Baum, eine verwelkte Blume;*

2. Als Adverbiale:

Er sah sie forschend an.

Die Menge jubelte begeistert.

3. Als ein Teil des zusammengesetzten Prädikats: *Das heisst den Nagel auf den Kopf getroffen.*

4. Selten als Subjekt, z.B. in einigen Sprichwörtern: *Z.B. Gesagt, getan. Aufgeschoben ist nicht aufgehoben.*

5. Einige Partizipien haben sich in Adjektive verwandelt, nachdem sie ihre semantische Verbindung mit den übrigen Verbalformen geschwächt oder aufgelöst hatten. Solche Partizipien können als Prädikatsnomen erscheinen: *Z.B. Das Buch ist spannend. Das Kind ist reizend.*

Auch einige andere Partizipien I erscheinen als Prädikatsnomen, obwohl ihre Verbindung mit dem Verb deutlich zu erkennen ist: *Z.B.: Die Krankheit ist ansteckend. Das Schweigen war drückend.*

6. Einige Partizipien werden im Satz formelhafte gebraucht, ebenso wie die Infinitive. Sie bilden eine isolierte Gruppe. Man nennt sie absolute Partizipien: *ausgenommen, ausgeschlossen, inbegriffen, angenommen, gesetzt.*

7. Das Partizip II besitzt ebenso wie der Infinitiv satzbildende Kraft: es drückt einen Befehl in Imperativsätzen aus: meist sind es Kommandos:

Z. B. Beiseite getreten! Aufgestanden! Hier geblieben!

Es kann auch ein Apell sein:

Mann der Arbeit aufgewacht!

Und erkenne deine Macht!

Man trifft Partizipialsätze, in denen das Partizip II das Prädikat ersetzt, oft im Zeitungsstil, und zwar in den Überschriften und Schlagzeilen:

Wahlen in Frankreich verschoben.

Der Jahresplan vorfristig erfüllt.

Auch als Vermerk auf einem Dokument im Stil des öffentlichen Verkehrs: *Z. B. Erledigt.* Diese Ausdrucksweise betont den Abschluss der Handlung. In der direkten Rede sind solche Fälle ebenfalls keine Seltenheit:

Er überreichte dem General einen Brief: “Soeben abgeben, Eure Exzellenz. “Schach und matt!” rief er triumphierend, Also geschlagen!”

Eine doppelte Deutung ist hier möglich: entweder tritt das Partizip II in einer selbständigen Funktion auf oder es liegt hier eine Ellipse vor.

(Verkürzung des Perfekts, des Passivs oder des Stativs);

Also geschafft!

Ein Partizipialsatz kann auch ein Subjekt enthalten.

Die richtige Wiedergabe der deutschen Partizipien ins Kasachische hängt von ihrer Struktur, von ihrer Semantik und ihrer syntaktischen Funktionen ab. Zum Beispiel:

P1 a) der transitiven, intransitiven und der Verben mit „sich“ hat die Bedeutung des Aktiven Genus (wobei P1 der Verben mit „sich“ die Partikel „sich“ beibehält), P2 der perfektiven und imperfektiven Verben bezeichnet die Dauer eines Vorgangs und c) P1 hat die Bedeutung der Gleichzeitigkeit mit dem durch das Prädikat angegebenden Vorgangs und wird als Adverbiale (der Art und Weise usw.) und als Attribut gebraucht, z.B.: *Er sah Karola abschätzend an.* (Holt II, 79).

2. *Er sass vor dem Spiegel, sich kämmend.*

1. *Im Kamin krachten die brennenden Scheite.* (Holt II, 85).

Eben deshalb, weil P1 aktive Handlung bezeichnet, verbindet es sich in der attributiven Funktion mit dem Agenten Substantiv als Geschehensträger (vgl. die Transformation: *der schreibende Student* — der Student schreibt).

Wenn P I die Funktion des Attributs erfüllt und dabei eine mit der Handlung des Prädikats gleichzeitige Handlung bezeichnet, wird es ins Kasachische durch ein einfaches oder zusammengesetztes aktives Partizip (неізгі күрделі есімше) mit — қан /ған, кең/ген wiedergegeben.

Er kümmerte sich nicht um die gaffende Menge.

(Holt, II. 87).

Ол ауызын ашып тұрған топтың қамын да жеген жоқ/ топ туралы ойлаған да жоқ/.

Die spielenden Kinder — ойнап жүрген балалар.

In einigen Fällen bezeichnet das Attributiv P I das Merkmal, das mit der Eigenschaft des zu bestimmenden Substantivs zusammenhängt. Solche PI werden ins Kasachische, abhängig von ihrer Semantik, verschieden übersetzt (als Adjektiv oder als Partizip).

Er trug einen knisternden weissen Kittel. (KA, 82)

Оның кигені сусылдаған ақ халат еді.

Aber wir finden keinen passenden Saal. (Holt II, 53)

Бірақ ешбір лайықты зал таппаймыз /таба алмаймыз/.

In manchen Fällen kann P1 im Satz die Funktion des Prädikatsnomens (Prädikativs) erfüllen, z.B. der Gefühlsäußerung steht seiner Semantik nach dem Adjektiv nahe, aber steht noch im System des Verbs. In solchen Fällen wird P1 ins Kasachische abhängig von seiner Semantik verschieden übersetzt (als Adjektiv oder als Partizip) z.B. im Satz. *Er ist noch wütend*, wird P1 als Adjektiv ызалы übersetzt.

Das prädikative P1 kann auch als Finitum wiedergegeben werden. Diese Krankheit ist ansteckend — Бұл ауру жұқпалы/ Бұл ауру жұғады.

Wenn P1 ein Adverbiale der Art und Weise ist, so wird es als aktives Partizipadverb (негізгі етістіктері көсемше) auf -а, — е, — ай, — ей, — wiedergegeben, z.B.: *Er sah den Freund lächelnd an*. Ол досына күлімдей /күлімсірей/ қарады.

Wenn das adverbiale P1 eine von der konkreten Handlung abgezogene Bedeutung hat, so wird es ins Kasachische verschieden übersetzt (vorwiegend als Adverb). Solche P1 sind der Semantik nach dem Verb nahe, z.B.: *Er betrinkt sich dauernd*. Ол ылғи /үнемі/ ішеді. *Dann tragen sie anschließend Kartoffeln auf die Kämme* (Holt I, 139). Сонан соң олар картопты ізінше шолаңға таси бастады /бастайды/.

Es ist bekannt, daß die Semantik des P1 von der aspektualen und syntaktischen Charakteristik des ihm entsprechenden Verbs abhängt. Deshalb spricht man von der strukturell — semantischen Charakteristik des P2 und zwar vom:

Partizip 2 der transitiv perfektiven Verben

Intransitiv imperfektiven Verben.

P2 der transitiv perfektiven Verben bezeichnet eine passive, vorzeitige Handlung als Zustand und wird in der Funktion des Attributs ins Kasachische als passives Partizip / ырықсыз етістері есімше/ auf кан/ -ған- кен/ ген wiedergegeben, z.B.: *sie freute sich über den gefundenen Geldbeutel sehr*. Ол табылған әмиянға өте қуанды.

In vielen Fällen behält das P2 der transitiv perfektiven Verben die Semantik des resultativen Zustandes bei. Solche P2 stehen den Adjektiven Partizipien nahe, stehen aber im System des Partizips (*geflickte Jacke, geflochtener Korb*). Das ist dadurch zu erklären, daß die Perfektivität (Aktionalität) bei manchen transitiv perfektiven Verben mit der gänzlichen Erfassung des direkten oder anderen Objekts durch die Handlung zusammenhängt (flicken, flechten). Im Ka-

sachischen haben die Partizipien ähnlicher Verben die dem Deutschen P2 entsprechende Bedeutung, z.B.: *die geflickte Bluse* — Жамалған кофта, *der geschmückte Saal* — ашекейленген зал.

Das P2 der transitiv imperfektiv Verben bezeichnet eine passive dauernde, nicht abgeschlossene Handlung (oder Zustand) als Merkmal.

b) Das P2 der transitiv imperfektiv Verben bezeichnet eine passive dauernde, nicht abgeschlossene Handlung (oder Zustand) als Merkmal und wird als Attribut (oder prädikatives Attribut) verwendet. Solche Partizipien grenzen ihrer Semantik nach oft an Adjektive, wozu auch ihre attributive Funktion verhilft, und können als solche wiedergegeben werden, z.B.: *Die Mutter liebkost ihr geliebtes Kind*.

Шешесі сүйікті баласын аймалап еркелетіп отыр.

c) Das P2 der transitiv perfektiven Verben bezeichnet eine aktive, abgeschlossene und vorzeitige Handlung und wird in der Funktion des Attributs als aktives Partizip (негізгі етістіктері есімше) auf -қан/ған, — кен/ген wiedergegeben, z.B.: *die fortgeflogenen Vögel* — ұшып кеткен құстар, *der heimgekehrte Sohn* — үйіне қайтқан ұлы.

Im P2 der intransitiv perfektiven Verben des Werdens, der Veränderung des physischen Zustandes; einiger Verben der Veränderung des Gemütszustandes (verreisen, erscheinen, erleichen, verbluten, verschwinden, erschrecken, erstaunen) dominiert das Sem des resultativen Zustandes, und der Zustand an die Eigenschaft, was durch den attributiven Gebrauch des P2 dieser Verben verstärkt wird (*die verwelkte Blume, das erschrockene Kind, der zerbrochene Krug*).

Das P2 der intransitiv perfektiven Verben wird als Adverbiale der Art und Weise usw. als aktives Partizipialadverb auf -ын/ін/ай/ей/-е wiedergegeben. Z.B.: *Zurückgekehrt, traf sie Reisevorbereitungen* (Holt, II, 220).

Қайтіп келе сала, ол жолға дайындала бастады.

Das P2 der reflexiv perfektiven Verben tritt im Satz als Attribut, prädikatives Attribut und Adverbialen auf, dabei bündelt P2 das Reflexivpronomen «sich» ein. Solche P2 werden ins Kasachische als Partizipien im Reflexiven (өзіндік етістері есімше/widergegeben (*die bewaffneten Bürger* — қаруланған азаматтар/ oder als aktives Partizip auf — қан/-ған, — кен/ген wiedergegeben (*der erschreckte Mann* — қорыққан адам), was mit der Semantik des dem Partizip entsprechenden Verbs zusammenhängt. In einigen Fällen ist im Kasachischen das Adjektiv vorzuziehen. Das geschieht dann, wenn in der Semantik des P2 der perfektiven Verben mit «sich» das Sem des resultativen Zustandes an die Eigenschaft grenzt, z.B.: *der betrunkenen Mann* — ішкен адам, мас адам.

Wiedergabe der Partizipialfügungen

Wir haben verbale Eigenschaft des Partizips behandelt. Seine vierte (d) verbale Eigenschaft ist, dass die Valenz des Finitums (der Personalform des Verbs) auf das Objekt und verschiedene Adverbialstimmungen beibehält und dadurch Partizipialfügungen bilden. Anders gesagt, das Partizip mit

seinen näheren Bestimmungen) bildet Partizipialgruppen (-fügungen).

Ein besonders Fall ist der attributive Gebrauch des P1 mit der Partikel «zu» (*der zu lesende Brief*). Diese stehende Wendung ist konstruktiv (nur P1), lexisch und syntaktisch begrenzt. Es wird nur von transitiven Verben gebildet, nur als vorgestelltes Attribut gebraucht, erlangt die Bedeutung des passiven Genus und die modale Bedeutung der Möglichkeit oder Notwendigkeit, was durch die Transformation im Passiv mit Modalverben geprägt wird (*das zu lesende Buch*-das Buch, das gelesen werden soll (das zu lesen ist); *die nicht zu lösende Aufgabe* — die Aufgabe, die nicht zu lesen ist). Die Partizipialwendung ist auf die Schriftsprache, besonders auf den Stil des öffentlichen Verkehrs begrenzt. Im Kasachischen gibt es keine entsprechende Wendung. Man übersetzt sie entweder durch ein passives Partizip auf -атын-/етін-итін. (*das zu lesende Buch* — оқылатын кітап, *die leicht zu lösende Aufgabe* — оңай шығарылатын есеп oder durch eine aktive modale Wendung mit керек+Infinitive (Notwendigkeit), болады/болатын еді/ + Infinitiv + Dativ (Möglichkeit), dabei wird das von P1 bestimmte Substantiv als direktes Objekt wiedergegeben (кітапты оқу керек, есепті шығаруға оңай есепті шығаруға болады).

Beide attributiven Partizipien (P1 und P2) können ihre obligatorische oder fakultative Valenz realisieren und bilden, dann das erweiterte Attribut, das erweiterte Adverbiale der Zeit oder auch das Adverbiale der Art und Weise (Artangabe), die Wendung mit P2 tritt auch als pradikatives Attribut auf. Die realisierte Valenz verstärkt und hebt die verbalen Merkmale (Genus, Aktionalität, Zeit) der Partizipien hervor (Vergl: *die beleidigenden Worte* und *die ihn beleidigenden Worte*, *die gestrickte Jacke* und *die von ihr gestrickte Jacke*). Ob beim Partizip obligatorische oder fakultative Valenz realisiert wird, wird durch die eliminierende Transformation geprüft (Abstrichmethode). Das P2 der transitiven Verben in der attributiven erweiterten Gruppe wird als passives Partizip wiedergegeben, wenn keine Präpositionalgruppe als Agens dem P2 untergeordnet ist, z.B.: *Der mit dem Bleistift geschriebene Aufsatz ist schwer zu lesen*.

Қарындашпен жазылған шығарманы оқу қиын oder жазылған шығарма қиын оқылады.

Wir unterstreichen dass das P1 alle Valenzen der aktiven Form des Verbs beibehält (außer dem Nominativ), in dem das P2 der transitiven Verben die Valenz des Aktiven Genus auf das Akkusativobjekt einbüsst und die Valenz auf die Präpositionalgruppe (Präposition «von») mit der Bedeutung des Agens des passiven Genus beibehält, das sich durch die Transformation ins Passiv prüfen lässt (*der von ihm geschriebene Aufsatz* — der Aufsatz der von ihm geschrieben)

Die Valenz des P2 auf das präpositionale Agens ist ebenso wie beim passiven Genus fakultativ, kann ausgelassen werden (*der geschriebene Aufsatz*). Im Kasachischen fehlt die passive Partizipialgruppe mit dem Agens, Partizipialgruppe wiedergegeben, z.B.: Der von unserem Forschern durchgeführte Versuch — Біздің зерттеушілер /ойдағыдай /жүргізген /қойған /тәжірибе.

Die Valenz des Partizips auf das Objekt oder Adverbialbestimmung hängt von der syntaktischen Charakteristik des ihm entsprechenden Verbs ab, was mit dessen Semantik eng verbunden ist. So z. B.: lassen sich die Subjektiven nur mit verschiedenen Adverbialen verknüpfen, die von P1 und P2 beibehalten werden: Der Vater in den Wald. Der gehende (gegangene Vater). Das muss bei der Übersetzung berücksichtigt werden.

Das Partizip II der intransitiv imperfektiven Verben der konkreten Handlung wird in der Regel nur in der Analytischen Form des Verbs gebraucht. (Passiv, Perfekt, Plusquamperfekt). Wenn aber solchen Partizipien obligatorische Valenz auf indirekte Objekte oder Adverbialstimmungen haben, so müssen sie Funktion des Attributs, der Adverbialstimmung erfüllen. Solche Partizipien in der Funktion des Attributs werden ins Kasachische als adjektives Partizip aufқан/-ған -кен/ген wiedergegeben, z.B.: *Da erwachte auch das lange geschlafene Kind* — міне ұзақ уақыт ұйықтаған бала да оянды. Und in der Funktion der Adverbialstimmung wird das P2 in solchen Wendungen als aktives Partizipalverb auf — ын-ін/-н wiedergegeben, z.B.: *Lange Zeit geschlafen, erwachte ich frisch und munter*, мен ұзақ ұйықтап сергек ояндым.

Wenn aber das P2 der transitiven Verben die Aktive Valenz auf das Akkusativobjekt beibehält, so wird seine kategoriale Bedeutung umgedeutet: es bezeichnet aktive Handlung als Prozess, In solchen Fällen wird das P2 in der Partizipialwendungen als Adverbiale der Art und ihre Weise verwendet. Sie bilden dann eine abgesonderte Gruppe, und ihre Anwendung ist lexisch begrenzt. In solchen Partizipialwendungen wird das P2 ins Kasachische als aktives Partizipialverb (негізгі етістері көсемше) auf -ып/ -іп/ -п oder -а/ -ай/ -е wiedergegeben, z.B.: *Den Aufsatz geschrieben, ging ich ins Kino*. Шығарманы жазып болып/жаза сала/, мен киноға кеттім.

In dieser Funktion treten auch die Partizipialgruppen mit P2 der intransitiven Verben auf, z.B.: *In Dresden angekommen, besuchten wir vor allen Gemäldegalerie*. Die Partizipialgruppe in der Funktion des Adverbiales der Zeit werden in Temporalsätze (oder Modal = und Kausalsätze) transformiert: *Im Gebüsch versteckt, konnte er alles beobachten*.

— *Nachdem (als) er sich im Gebüsch versteckt hatte; Während er sich im Gebüsch versteckte; Indem er sich im Gebüsch versteckte; Sobald er sich im Gebüsch versteckt hatte; Da er sich im Gebüsch versteckt hatte*.

Die temporalen Partizipialgruppen mit dem P2 der intransitiven oder reflexiven Verben werden in Kasachische als aktive Partizipialgruppe wiedergegeben, wobei das Partizip in der Wortgruppe mit dem Partizipalverb auf -ып/- іп/- п übersetzt wird.

In Dresden angekommen, besuchen wir vor allen die Gemäldegalerie. Біз Дрезденге келгеннен кейін ең алдымен сурет галереясына бардық. *Im Gebüsch versteckt, konnte er alles beobachten*. Талда жасырынып, ол барлығын жақсы байқай алды.

Wenn die Partizipialgruppe die kausale Funktion erfüllt, so wird sie ins Kasachische als Partizipialgruppe wiederge-

geben, wobei zum Partizip das Affix — **дықтан**, hinzugefügt wird.

Субъект — объект

Ялтырь Вахишак Дрдатович, кандидат филологических наук, доцент
Донской государственный технический университет

Ялтырь Маргарита Вахишаковна, студент
Южный федеральный университет

В настоящее время не требует доказательства то огромное значение, которое приобрела сопоставительная лингвистика в развитии теории и практики перевода, в обеспечении межъязыковой и межкультурной коммуникации. С каждым годом человечество ощущает все большую потребность в обмене информацией на самых различных уровнях и по самым разным областям человеческой деятельности. Никогда раньше этот обмен не получал такого размаха. Расширение политических, экономических, научных и культурных контактов между странами предполагает и стимулирует неуклонное возрастание роли перевода, а следовательно, и теории перевода как науки, обеспечивающей адекватный перевод во всех его проявлениях.

Данная статья посвящена, главным образом, привитию студентам, изучающим французский язык, навыков адекватного понимания синтаксиса и семантики французских предложений с инфинитивом после глаголов восприятия и поисков оптимальных средств в русском языке для перевода этих предложений. Учитывая множество теоретических работ, посвященных этой латинской конструкции, мы не станем в этой статье углубляться в исследование ее синтаксического статуса. Ограничимся только некоторыми вопросами, связанными с переводом и пониманием некоторых из способов перевода с целью выявления их адекватности оригиналу. В частности, нас интересуют способы передачи субъекта инфинитива, который в некоторых работах рассматривается как дополнение глагола восприятия.

Рассмотрим несколько примеров:

1) J'ai entendu dire à M. de Bussy et à son médecin, M. Rémy, que...

2) Combien souvent elle avait entendu dire à petite mère...

При необходимости перевести эти предложения и аналогичные им по синтаксическому построению можно предположить, что ничего сложного здесь нет: «Г-ну де Бюсси и его врачу говорили, что»..., равно, как и «Как часто она слышала, что Маменьке говорили, что»..., и с каким удивлением мы читаем в переводе:

1) Я слышал от господина де Бюсси и от его лекаря господина Реми, что...

2) Сколько раз слышала она от маменьки...

Таким образом, формы à M. de Bussy и à son médecin, а также à petite mère, предназначенные во французском языке для выполнения грамматической функции косвенного дополнения, на самом деле таковыми не являются, поскольку обозначают не адресата действия, выраженного во французском языке глаголом «dire» и подразумеваемого в русском языке, а его субъекта: «от господина де Бюсси и от его лекаря господина Реми», и «от маменьки». То есть, господин де Бюсси и его лекарь, а также маменька что-то говорили. Иногда такая форма, используемая для выражения субъекта инфинитива, вполне может создать некоторое непонимание, особенно для изучающих французский язык. Возьмем предложение «Quand madame Bovary était partie il essayait de hasarder timidement, et dans les mêmes termes, une ou deux des plus anodines observations qu'il avait entendu faire à sa maman». Можно понять, что Шарль позволил себе делать кому-то те же замечания, которые, как он слышал, делались кем-то его матери. Только более широкий контекст позволяет увидеть реальную ситуацию, которая соответствующим образом передается в переводе: «После отъезда матери он робко пытался повторить в тех же выражениях какое-нибудь самое безобидное ее замечание». Т. е. замечания делались не его матери, на что наводит нас форма косвенного дополнения «à sa maman», а его мать. Аналогичное явление мы наблюдаем и в предложении «Je crus entendre dire au capitaine que mon père était un homme que l'on menait par le bout du nez». Взятое изолированно, это предложение также содержит в себе двусмысленность, поскольку дает почву для двойного понимания: а) кто-то сказал капитану, что... и б) капитан сказал кому-то, что... Только в контексте переводчик находит выраженную автором мысль: «Мне послышалось, что капитан отзывался о моем отце, как о человеке»..., т.е. не капитану говорили, а капитан говорил о моем отце..

Вышедшая в 2007 г. в издательстве Sélection du Reader's Digest SA «L'essentiel du français sans fautes», рассматривая согласование причастия прошедшего времени, если за ним следует инфинитив, анализирует такие примеры:

1) Les hommes que j'ai vus chasser, но

2) Les sangliers que j'ai vu chasser.

Почему эта странность, спрашивают авторы и дают такое объяснение:

1) Прямое дополнение глагола «voir», это «que», замещающее собой «Les hommes» (кого я видел охотящимся? — «Les hommes»). Прямое дополнение является одновременно субъектом глагола в инфинитиве (Кто охотится? — «Les hommes»).

Следовательно мы имеем дело с предписанным правилами согласованием причастия прошедшего времени «vu» с прямым дополнением в препозиции.

2) Прямое дополнение глагола «voir» не «que», замещающее «диких кабанов», а глагол «chasser» в инфинитиве (Я видел что? — chasser les sangliers.). Следовательно, прямое дополнение стоит после глагола «voir» и остается неизменным.

Таким образом, согласование причастия авторы этого труда ставят в зависимость от того, является ли местоимение «que» дополнением глагола восприятия (1) или дополнением инфинитива (2).

Что авторы этого труда прямое дополнение глагола восприятия считают одновременно и субъектом инфинитива, отсылает нас к первой части нашей статьи: к предположенной форме субъекта инфинитива.

Кстати, нужно отметить, что многие исследователи при определении синтаксической функции этого члена предложения используют термин «субъект». Прямое дополнение — это «прямое дополнение», а вот вместо подлежащего — «субъект». Для французов это одно слово: «sujet», но как быть с русскими терминами? Очевидно, что мы прибегаем к слову «субъект», когда не можем назвать член предложения подлежащим, хотя он и выполняет логическую функцию субъекта действия.

Но во французских конструкциях, построенных по модели «глагол восприятия + инфинитив», помимо приведенных уже нами двух форм субъекта действия, выраженного инфинитивом («à qui» и «que») есть еще несколько других, которые также ожидают своего толкования:

- On entend chanter la Marseillaise par les détenus.
- On l’a vu rôder rue d’Offremont.
- Pierre les entend chanter.

Вернемся, однако, к примеру «Les hommes que j’ai vus chasser» и согласимся с мнением авторов, что «que» является дополнением глагола восприятия, в данном случае — глагола «voir». На наш взгляд, закономерно спросить, а какую функцию, в таком случае, выполняет инфинитив «chasser»? Les hommes que j’ai vus — здесь все понятно. Но что, появление в этой конструкции еще и инфинитива ничего не изменяет в синтаксических связях предложения? У нас есть подлежащее — «je», есть предикат — «ai vus», есть прямое дополнение — «les hommes». Что же тогда «chasser»? И почему вдруг тот же инфинитив chasser, но в примере «Les sangliers que j’ai vu chasser» вдруг становится дополнением? Значит, все дело в семантике, в смысле предложения. Если считать, что люди могут быть только субъектом глагола «chasser», то тогда люди охотятся, и если считать, что кабаны — объект гла-

гола «chasser», то тогда охотятся на кабанов. Но вполне можно представить ситуацию, когда охотятся и на людей. Как быть тогда? И еще: дикие кабаны не охотники, но если представить себе, что люди охотятся на волков, которые, в свою очередь могут быть охотниками, то как быть тогда. Вот те же два примера, но с волками:

1) Les hommes que j’ai vus chasser, (я видел, как люди охотились или я видел, как на людей охотились) но

2) Les loups que j’ai vu (s?) chasser (я видел волков, которые охотились или я видел, как на волков охотились).

Можем ли мы и в этом случае с той же определенностью утверждать, что компонент «les loups» является прямым дополнением инфинитива «chasser»? А что мешает нам считать его прямым дополнением глагола «voir» и субъектом инфинитива «chasser»? И как в подобном случае нам быть с согласованием причастия?

Чувствуется какая-то погрешность в рассуждениях авторов «L’essentiel du français sans fautes», но надо подумывать, в чем она.

Впрочем, та же погрешность наблюдается и в работах многих отечественных и зарубежных романистов (См. работы таких авторов, как П. Лярус, М. Грос, З. Вагнер и Ж. Пэншон, Е. А. Реферовская и А. К. Васильева и др.), считающих группу инфинитива с его субъектом дополнением глагола восприятия. В справочнике по французскому языку Ролана Элюера (Roland Eluierd «La langue française pour tous. Lettré. Références»: Editions rue des écoles, Paris, 2008) на стр.127, посвященной инфинитиву, мы читаем: «После глаголов восприятия, движения агент инфинитива является прямым дополнением главного глагола. «Je vois les reflets d’une aurore dont je ne verrai pas se lever le soleil» (Chateaubriand). Je ne verrai pas le soleil». Получается, что Для Шатобриана не было разницы, сказать ли «Je vois les reflets d’une aurore dont je ne verrai pas se lever le soleil», или «Je ne verrai pas le soleil».

Мы говорим «погрешность», потому что «занозой в глазу» остается все-таки синтаксическая функция инфинитива. Можно, конечно пренебречь этим компонентом при установлении синтаксических связей в предложении, спрятать, как говорится, «голову в песок».

Однако нам представляется гораздо более продуктивным рассмотрение следующих конкретных соображений:

1) учитывая, что все глаголы чувственного восприятия являются прямо-переходными, следующая за ними инфинитивная группа занимает зависимую позицию прямого дополнения;

2) между инфинитивом и его субъектом прослеживаются такие же связи, как и связи в так называемых «Infinitifs de narration, или infinitifs historiques», т.е. связи между подлежащим и его сказуемым, а именно: а) субъект инфинитива выражен субъектом глагола восприятия; б) грамматическое время зависимого инфинитива выражается грамматическим временем глагола восприятия, т.е. в наличии оба условия предикативности этой группы;

3) имея в зависимой позиции предикативную группу, мы определяем ее как придаточное предложение;

4) имея в составе сложного предложения зависимое предложение, связанное с главным предложением без связующих элементов, мы определяем такое сложное предложение как бессоюзное сложное предложение.

Очень хотелось бы найти аргументы, дискредитирующие эти соображения.

А пока, может быть, следует вернуться к распространенной в эпоху классицизма развернутой конструкции, типа:

1) Les hommes que j'ai vus qui chassaient.

2) Les sangliers que j'ai vu qu'on chassait.

Во всяком случае, такая конструкция снимала эquivoки.

ПРОЧЕЕ

Ретроспектива формирования и опыта реконструкции садов и парков Узбекистана и г. Ташкента

Абдуллаева Шахноза Илхамовна, преподаватель;

Сейитниязова Айимхан Абдуллаевна, преподаватель

Ургенчский государственный университет имени Аль-Хорезми (Узбекистан)

Нурметов Мухтор Рустамович, старший преподаватель

Хорезмский областной институт переподготовки и повышения квалификации работников народного образования (Узбекистан)

Исследуя памятники садово-паркового строительства былых эпох, исследователи находили сведения в письменных источниках лишь о садах имущих классов, хотя, несомненно, создатели их — безыменные мастера-садоводы, по происхождению и социальному положению своему были тесно связаны с трудовым людом. Расплывчатые представления о садах средневекового Востока, отложившиеся в воображении европейцев из сказок Шахерезады и восточной поэзии, еще недавно были характерны для истории садово-паркового искусства. Отчасти это объясняется незначительным числом сохранившихся памятников. Сад при Альхамбре — Дженр эль-ариф («Гепералиф»), к примеру, так искажался, начиная с поздне-ренессанской эпохи, что от бывшего мавританского парка уцелели единственная аллея стройных кипарисов да узкое зеркало воды, в котором отражен замыкающий ее портик дворца. Парки при некоторых мавзолеях или дворцовых постройках Великих Моголов в Индии представляют лишь незначительную часть огромного числа некогда созданных там садов. Описанию Чарбага в Исфахане посвятили яркие страницы Шардеп, Пьетро де ла Балле, Олеарий и другие путешественники, но Флан-Ден и Кост застают его окончательно заброшенным уже в середине XIX в., а ныне на его месте пролегает торговая магистраль.

С этой точки зрения, сады и парки составляют частицу художественного наследия и народа, так как в них сконцентрированы огромный земледельческий опыт и эстетические замыслы безвестных народных мастеров.

О садах и парках на территории Узбекистана известно из трудов арабских историков Ибн Хаукаля и посла Испании ко двору А. Тимура Рьюи Клавихо де Гозалеса и др. путешественников по средней Азии. На основе их рукописей, изображений миниатюр Бабурнаме и архелогических раскопов учёными В.Л. Вяткиным, М.Е. Массоном, И.А. Сухаревым и Г.А. Пугаченковой было

описано устройство садов и парков древней Мараканды и в частности садов Тимуридов вокруг Самарканда (15–16 веков) и сада Чор Баг.

В историческом прошлом сады и парки начали активно строиться в период правления А. Тимура и тимуридов. Как известно, вокруг Самарканда Тимур приказал развести 15 садов, посвященных поэзии, наукам, путешествиям и пр. Дворцово-парковые комплексы А. Тимура носили яркие, тематические названия, парк Мира (боги Олам), парк раскрывающий сердца (боги Дилкушо), парк Ветров (боги Шамол), Новый парк (боги Нав), Нагорный парк (боги Баланд), парк Музыка (боги Наво) и др.

В период завоевания Туркестана Россией в Ташкенте, Самарканде, Бухаре, Коканде и др. исторических городах страны парки и бульвары строились русскими инженерами и архитекторами, преимущественно для элиты русского и узбекского общества. В центре Ташкента были разбиты общественные сады генерал-губернатора Кауфмана и Александровский сад, в прошлом ПКЮ им. М. Горького, ныне на его территории находится Хокимиат г. Ташкента.

Первые сады и парки в городах и селах Узбекистана стали строиться в 30 годы прошлого века. Для этого периода был характерен небывалый трудовой подъемом населения.

Одним из первых в 1932 году по проекту арх. М. Семенова (рис. 3, 4, 5), было заложено строительство парка имени «Ленинского комсомола» (ныне Узбекистон миллий боги им. А. Навои). Для парка выбрали территорию недалеко от рынка Бешагач. Парк стал строиться и главным центром композиции парка было искусственное комсомольское озеро, котлован которого с небывалым энтузиазмом строили все жители города. Но так как большая часть нагрузки легла на молодежь, впоследствии озеро назвали Комсомольским и дало одноименное название парку. Парк был открыт для публики

Рис. 1. Реконструкция радиационного Чор-Бага по Г. А. Пугаченковой

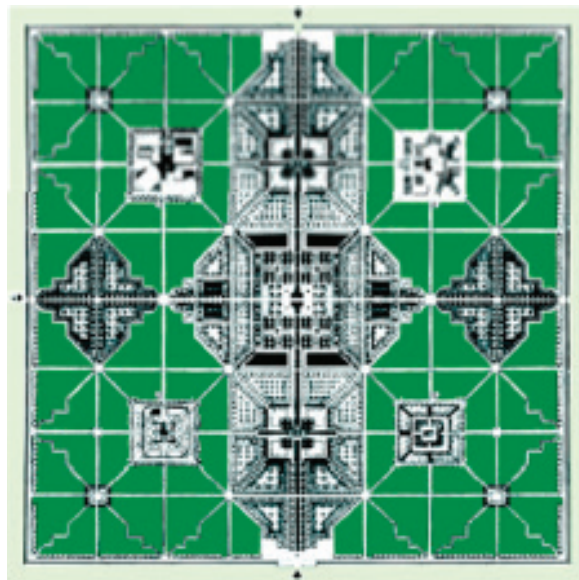

Рис. 2. Реконструкция радиационного Чор-Бага по А. С. Уралову и К. Д. Рахимову

в 1937 году. Площадь водной поверхности парка составила — 9 га, а общая площадь парка около 25 га. Сейчас общая площадь парка составляет около 65 га. В композиционно-планировочное и композиционно-пространственное решение парка архитектор М. Семенов, заложил ландшафтный принцип. И хотя за немногими исключениями строительство парков подошло только к самым простейшим формам освоения парковых территорий, и лишь в немногих парках были созданы лишь небольшие фрагменты парковой архитектуры, еще не было художественно целостных парковых ансамблей.

Задачи большой парковой архитектуры, заложенные в новом содержании социалистического парка и частично разрешенные в проектных предположениях, в первые годы советской власти был весьма недостаточен для полного разрешения всех задач, поставленных перед советскими паркостроителями; полноценное освоение терри-

тории на которых строились парки требовало нескольких десятков лет. И эти года настали. В начале XX века было характерно безудержное стремление к знаниям, культурным ценностям и общим делам. Взрослые, молодежь и дети занимались в разнообразных кружках и библиотеках-павильонах на открытом воздухе. В вечернее время парки оживали для массовых гуляний, в концертных представлениях на площадках зеленых театров, в них устраивались праздники и карнавалы, парки были самыми оживленными местами городов. Люди приходили сюда «на других посмотреть и себя показать». Гуляние по паркам сопровождалось игрой духового оркестра, всеобщим весельем и радостью.

Просвещение и воспитание населения в парках было первостепенным, вплоть до периода 70-х годов прошлого века парк был излюбленным местом отдыха жителей города. Ныне он потерял свое прежнюю пейзаж-

Рис. 3. План парка им Л. Комсомола, арх. М. Семенова, 1932 г.

Рис. 4. Рытье котлована под озеро комсомольцами

Рис. 5. Открытие парка им. Л. Комсомола, фото Макса Пенсона 1937 год

Рис. 6. Вид парка в 60-е годы XX века

Рис. 7. Виды парка в 60-е годы XX века

но-художественную привлекательность, т.к. пейзажный стиль требует постоянного внимания — корректировки форм растущих деревьев и обновления кустарниковой, почвопокровной и постоянной смены цветочной растительности. При отсутствии должного ухода, сво-

временной ландшафтной рубки стареющих деревьев и кустарников, посадки молодняка, корректировки композиции растений, заботы о сохранение многоплановости пейзажных картин и пр. разрушение пейзажной ценности неизбежно.

Литература:

1. Пуганченкова, Г. А. Среднеазиатские сады и парки XV века.
2. Адилова, Л. А. Ландшафт архитектураси. Ўқув кўлланма. ИПТД «Ўзбекистан», Ташкент, 2009.
3. Жирнов, А. Д. «Искусство паркостроения», Львов. Высшая школа. 1977.
4. Вергунов, А. П. «Архитектурная композиция садов и парков». Под общей ред. М., Стройиздат, 1980.

Эстетические критерии переоценки градостроительства

Байджанов Абдулла Каландарович, старший преподаватель;

Сейитниязова Айимхан Абдуллаевна, преподаватель

Ургенчский государственный университет имени Аль-Хорезми (Узбекистан)

С улучшением материально пространственной среды совершенствуется эстетическая сторона среды обитания, происходят позитивные изменения в течении бытовой и трудовой стороны жизни городов.

Эстетические требования при реставрации городов возлагаются на разные здания и сооружения и природный ландшафт связанных с жизнедеятельностью человека.

Городские здания и сооружения, имея архитектурно-пространственный характер, создают красивые комплексы. Именно это имеет большое эстетическое значение и является двигателем основной идеи, что есть полноценная композиционная пространственность в градостроительстве. Если в планировочной структуре города имеется в виду всё строительство города, то утилитарные и функционально эстетические качества требуют полноценную архитектурно художественную полноценность.

Композиция, связываясь с функцией городской структуры, в какой-то мере влияет на структуру планирования городской среды.

Архитектурно-художественная красота зависит от усовершенствованной стадии композиционных элементов, от использования композиционных приемов, упорядочивающих строительство в городах. При этом рассматриваемый город должен быть благоустроеннее и озелененнее других городов. Внутренняя композиция городской среды не должна ограничиваться характером строительства той или другой улицы, она должна активно осваивать строительные площадки отдельных зданий и сооружений путем их объединения. В современных городах появляется возможность строительства крупных градостроительных комплексов путем укрепления материально экономической базы индустриализации и механизации строительства.

При этом, располагаясь в озелененном пространстве города, сооружения получают полноценную архитектурно-художественную нагрузку и гармоничное единство.

При реконструкции городов достижение гармоничное единство достигается с помощью разных композиционных элементов и согласования их отдельных частей.

В городском строительстве как основные элементы пространства могут быть использованы метрические и ритмические строения, модули и пропорциональные деления. В настоящее время система пропорционального разделения зданий относительно городской среды переходит из индустриального строительства и типового проектирования. На основе действующих модульных систем могут быть разработаны разные формы. Единство ритма и модуля могут послужить основным критерием в упорядочении строительства города. Наличие актуальности

и крепости в них в настоящее время показывает, что в практике будущего архитектурного градостроительства имеется объективное законодательство. Для создания пространственной площади города в дополнение к выше упомянутым композиционным средствам служат окружающая среда, симметричные и ассиметричные строения, показывающие его красоту.

Композиционные средства в качестве контраста и нюанса, исходя из художественных соображений, помогают в разделении или обобщении частей строительства. В строительстве реконструируемых городов гармония отдельных частей достигается использованием подходящего цвета и нанесением фактуры в плоскости.

В градостроительстве архитектурно-пространственная красота инженерных объектов и технических строений достигается эстетическим освоением больших площадей и масштабность его частей. Градостроительный масштаб рассматривается относительно городских площадей, открытой пространственной площади, городского строительства. Общегородской масштаб рассматривается как исторически изменяемая величина. В современных городах эта величина меняется часто.

Вследствие строительства высоких жилых домов в разных сторонах города, постепенно утрачивают смысл старые доминанты. В таком случае каждый город должен исходить из возможностей собственных композиционных средств, развивая силуэт и упорядочивая, развивая панораму и внутреннее пространственное строительство. С увеличением площади развивавшегося города, его отдельные части расходятся все быстрее, и становится трудно сохранить пространственное единство города. Включение нового вида транспортного средства объединяет отдалившиеся части и площади города. В строительстве города в упорядочении природной среды эстетика имеет особое значение. Архитектурная оценка природной среды учитывается в планировании районов и в детальной планировке города в целом.

Воссоздание природных ландшафтов должно происходить на основе их закономерности. При реставрации городов особое значение имеет сохранение природной ландшафтной среды. Если строительство города происходит внутри большого природного ландшафта, то формируется природное пространство.

Оценка среды природного ландшафта, являясь специфическим критерием, зависит от уровня культуры.

Иногда следствием высокого культурного уровня людей удается нивелировать негативное отношение к ландшафту, при этом осуществляется перестройка парково-садовых ландшафтов, расширение водных про-

странств, строительство каналов и реконструкция ландшафтов другого типа.

Вид города в большинстве случаев определяется уровнем благоустройства. Это определяет комплексы общественных центров, единство художественно-декоративных элементов, малых архитектурных форм, которые предназначены для улучшения пространственных композиций. Большое значение имеют скульптурные произведения, архитектурно декоративные элементы. При определении ценности памятника имеет значение его историческая ценность, смысл. В общем надо трудиться не останавливаясь во всех отраслях созидания эстетики любимого города для любимых людей.

Литература:

1. Хасиева, В. А. Архитектура городской среды М. Стройиздат. 2001 г.
2. Иодо, И. А. Основы градостроительства, учебник для вузов. Минск, 1983 г.
3. Нильсен, В. А. У истоков современного градостроительства Узбекистана.

Проблемы расследования незафиксированных несчастных случаев на строительных площадках

Орлина Кристина Вадимовна, студент

Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет

Несчастный случай — непредвиденное событие, неожиданное стечение обстоятельств, повлекшее телесное повреждение или смерть.

Смертность от внешних причин занимает второе место в списке причин смертности. В связи с этим подчеркивается актуальность данной работы.

1. Терминология и нормативная документация

Несчастный случай на производстве — случай травматического повреждения здоровья пострадавшего, произошедший по причине, связанной с его трудовой деятельностью, или во время работы.

Законодательное определение термина «несчастный случай на производстве» установлено для целей ФЗ от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний». В соответствии со ст. 3 указанного ФЗ **несчастный случай** — это событие, в результате которого застрахованный получил увечье или иное повреждение здоровья при исполнении им обязанностей по трудовому договору (контракту) и в иных установленных настоящим ФЗ случаях как на территории страхователя, так и за её пределами либо во время следования к месту работы или при возвращении с места работы на транспорте, предоставленном страхователем,

Придание эстетического вида техническим объектам и строениям сопровождается изменением конструктивных систем и тектоники и к ним прилагается характеризующие художественный облик приложения.

Исходя из выше изложенного, можно прийти к такому выводу, что многогранное сопоставление приводит к развитию культуры и технической эстетики.

При исследованиях находим гармоническую систему городской среды. В современном городе инженерные объекты и технические строения имеют большое значение, объединяются с крупными пространственными структурами и обеспечивают жизнедеятельность и эстетическое восприятие города.

и которое повлекло необходимость перевода застрахованного на др. работу, временную или стойкую утрату им профессиональной трудоспособности либо его смерть.

Сфера действия ФЗ от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ отличается от сферы действия Трудового кодекса РФ. В соответствии с положениями ст. 227–231 ТК РФ расследуются в установленном им порядке несчастные случаи, происшедшие не только с работниками, выполняющими работу по трудовому договору, но и с др. лицами, участвующими в производственной деятельности организации, работодателя. Развернутое содержание термина «несчастный случай на производстве» даётся в ст. 227 ТК РФ, хотя используются те же признаки, что и в определении, установленном в ст. 3 ФЗ от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ. Однако в ст. 227 ТК РФ в качестве основного квалифицирующего признака несчастный случай установлено исполнение трудовых обязанностей или выполнение какой-либо работы по поручению работодателя, а также при осуществлении иных правомерных действий, обусловленных трудовыми отношениями с работодателем либо совершенных в его интересах. Такое содержание понятия «несчастный случай на производстве» соответствует стандартному международному термину «профессиональный несчастный случай».

В ТК РФ установлены также дополнительные квалифицирующие признаки:

- перечень лиц, несчастный случай с которыми подлежат расследованию в установленном порядке;
- перечень повреждений здоровья, полученных перечисленными лицами при исполнении трудовых обязанностей или работ по заданию организации (работодателя — физического лица), рассматриваемых как несчастный случай;
- обстоятельства, при которых перечисленные повреждения здоровья, полученные указанными лицами, квалифицируются как несчастный случай.

Связанные с производством несчастные случаи, произошедшие с работниками или др. лицами, участвующими в производственной деятельности работодателя, при исполнении ими трудовых обязанностей или работ по заданию работодателя (его представителя), а также при осуществлении иных правомерных действий, обусловленных трудовыми отношениями с работодателем либо совершаемых в его интересах, расследуются в установленном порядке, квалифицируются, оформляются и учитываются в соответствии с требованиями:

- ст. 227–231 ТК РФ;
  - Положения о расследовании и учёте профессиональных заболеваний, утверждённого постановлением Правительства РФ от 15 декабря 2000 г. № 967;
  - Положения об особенностях расследования несчастных случаев на производстве в отдельных отраслях и организациях, утверждённого постановлением Минтруда России от 24 октября 2002 г. № 73 и введённого в действие с 1 января 2003 г.
- Согласно ст. 227 ТК РФ расследуются и подлежат учёту как несчастный случай:
- травма, в т.ч. нанесённая др. лицом;
  - острое отравление;
  - тепловой удар;
  - ожог;
  - обморожение;
  - утопление;
  - поражение электрическим током, молнией, излучением;
  - укусы насекомых и пресмыкающихся;
  - телесные повреждения, нанесённые животными;
  - повреждения, полученные в результате взрывов, разрушения зданий, сооружений и конструкций, аварий, стихийных бедствий и др. чрезвычайных обстоятельств, а также иные повреждения здоровья, обусловленные воздействием на пострадавшего внешних факторов, повлёкшие за собой необходимость перевода работника на др. работу, временную или стойкую утрату им трудоспособности либо его смерть.

II. Классификация несчастных случаев.

В зависимости от характера и обстоятельств происшествия, тяжести полученных пострадавшими телесных повреждений **различают несчастные случаи:**

- лёгкие — несчастные случаи, в результате которых пострадавшими были получены повреждения здоровья,

отнесённые по квалифицирующим признакам, установленным Минздравсоцразвития России, к категории лёгких и средней тяжести;

- тяжёлые — несчастные случаи, в результате которых пострадавшими были получены повреждения здоровья, отнесённые по квалифицирующим признакам, установленным Минздравсоцразвития России, к категории тяжёлых;

– со смертельным исходом — несчастные случаи, в результате которых пострадавшие получили повреждения здоровья, приведшие к их смерти;

- групповые — несчастные случаи с числом пострадавших 2 человека и более;

– групповые с тяжёлыми последствиями — несчастные случаи, при которых 2 человека и более получили повреждения здоровья, относящиеся к категории тяжёлых или со смертельным исходом.

III. Проблемы расследования незафиксированных несчастных случаев.

Чаще всего не желают регистрировать несчастные случаи предприятия малого и среднего бизнеса. Работодатель пугается, что ему придется платить компенсацию работнику, и не оформляет документы в порядке, установленном статьей 227 Трудового кодекса «Несчастные случаи, подлежащие расследованию и учету».

Поэтому вся тяжесть выплат по закону ляжет не на предприятие, а на Фонд социального страхования. Ежедневно туда приходит очень много работников, которые жалуются, что им в первый же день после травмы не оформили документы в надлежащем порядке, и теперь они не могут доказать в суде, что действительно получили производственную травму. В итоге люди не могут получить свои компенсации. Оформлять все задним числом уже бесполезно. Многие довольствуются обещаниями работодателя заплатить им за молчание какую-нибудь сумму.

Часть пострадавших обращается в суд в связи с тем, что работодатель отказался расследовать несчастный случай на производстве. Но дело в том, что если не доказан факт производственной травмы, то работник теряет много денег. Ведь только в случае доказанной травмы на производстве больничный лист оплачивается на все 100%.

В большинстве случаев работники суды проигрывают. Обычно суд признает, что либо никто не виноват, либо виновен сам работник. В компаниях часто думают так же.

Так как же расследовать незафиксированные несчастные случаи?

Согласно Постановлению Министерства Труда и Социального развития от 24.10.2002 г. № 73 «Об утверждении форм документов, необходимых для расследования и учета несчастных случаев на производстве, и положения об особенностях расследования несчастных случаев на производстве в отдельных отраслях и организациях»:

«Несчастные случаи, квалифицированные комиссией или государственными инспекторами труда, проводившими их расследование, как несчастные случаи на производстве, подлежат оформлению актом о несчастном случае на производстве по форме 2, предусмотренной приложением N 1 к настоящему Постановлению (далее — акт формы Н-1).

Акт формы Н-1 составляется комиссией, проводившей расследование несчастного случая на производстве, в двух экземплярах, обладающих равной юридической силой, на русском языке либо на русском языке и государственном языке субъекта Российской Федерации. При несчастном случае на производстве с застрахованным составляется дополнительный экземпляр акта формы Н-1. При групповом несчастном случае на производстве акты формы Н-1 составляются на каждого пострадавшего отдельно.

Акты формы Н-1 подписываются всеми членами комиссии, проводившими в установленном порядке расследование несчастного случая»

Работодатель (его представитель) в трехдневный срок после завершения расследования несчастного случая на производстве обязан выдать один экземпляр утвержденного им и заверенного печатью акта формы Н-1 пострадавшему, а при несчастном случае на производстве со смертельным исходом — доверенным лицам пострадавшего (по их требованию)».

Получается, что главный документ, подтверждающий несчастный случай на производстве (а значит, и обязанность выплат) — Акт Н-1.

Однако если Работодатель всё-таки попытался скрыть несчастный случай, а пострадавший, неграмотный в юридическом деле, остался без Акта на руках, у него ещё есть шансы доказать, что с ним произошёл несчастный случай на производстве.

1. На производстве, а особенно на строительной площадке, где работники чаще всего работают бригадами, можно попробовать найти свидетелей, которые смогут дать показания в пользу пострадавшего. Какие работы он выполнял, что именно произошло, и так далее.

2. Имеют юридическую силу показания самого пострадавшего.

3. Если оказывалась медицинская помощь, то можно сделать соответствующий запрос:

— Вызывалась ли скорая помощь? Если да, то в Журнале вызовов скорой помощи должна стоять отметка о вызове.

— Если оказывалась непосредственно медицинская помощь в скорой, или больнице — должны быть выданы соответственно справка произвольной формы, или боль-

ничный лист. В них должны быть указаны дата и время обращения, характер полученной травмы, оказанное лечение.

4. Важным документом для расследования незафиксированного несчастного случая является трудовой договор, в котором должен быть указан характер выполняемой работы, и так далее. Это поможет подтвердить, что пострадавший — не просто постороннее лицо на объекте, а непосредственный сотрудник, который выполнял на строительной площадке Работу, и в связи с этим получил травму (1 экземпляр трудового договора должен быть на руках у сотрудника).

5. Должностная инструкция (подписанный обеими сторонами экземпляр также должен находиться у пострадавшего) поможет установить то, что Работник выполнял конкретно свои должностные обязанности.

6. Внутренние документы организации. Если работника направляли на определенные виды работ, не прописанные в вышеперечисленных документах, на это должны были создаваться Приказы по организации. Так же сотрудник должен быть обучен по ОТ, ПТМ, ЭБ и соответствующему виду работ, если это требуется. Должен пройти вводный, вводный противопожарный инструктаж, инструктаж по пожарной безопасности и инструктаж на рабочем месте. Отметки обо всех вышеперечисленных инструктажах должны стоять в соответствующих журналах. На определенные виды работ должен выдаваться наряд-допуск, в котором указаны ФИО Работников, и их подписи за инструктаж, а также непосредственный характер выполняемых опасных работ.

IV. Заключение

В силу разных причин при наступлении несчастного случая на строительной площадке, Работодатель не всегда оформляет нужные документы.

Задача Работника, или его доверенных лиц — сохранять бдительность.

Вовремя требовать положенные по закону экземпляры документов (Трудовой договор, инструкции, справки и др.).

Не подписывать лже-документацию, помогая безответственному Работодателю сокрыть несчастный случай.

При наступлении несчастного случая требовать его соответствующего оформления.

Ведь проблема расследования незафиксированных несчастных случаев состоит как раз в том, что пострадавшему не выдается Акт формы Н-1. И человек вынужден искать свидетелей, медицинские отметки, и другие факты, подтверждающие произошедшее.

Литература:

1. Федеральный закон № 125-ФЗ 24 июля 1998 г. «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний»;
2. Трудовой кодекс Российской Федерации (ст. 227–231);

3. Положение о расследовании и учёте профессиональных заболеваний, утверждённое постановлением Правительства РФ от 15 декабря 2000 г. № 967;
4. Положение об особенностях расследования несчастных случаев на производстве в отдельных отраслях и организациях, утверждённое постановлением Минтруда России от 24 октября 2002 г. № 73 и введённого в действие с 1 января 2003 г.
5. Постановление Правительства Российской Федерации от 31 августа 2002 г. N 653 «О формах документов, необходимых для расследования и учета несчастных случаев на производстве, и особенностях расследования несчастных случаев на производстве».
6. Постановление Министерства Труда и Социального развития от 24.10.2002 г. № 73 «Об утверждении форм документов, необходимых для расследования и учета несчастных случаев на производстве, и положения об особенностях расследования несчастных случаев на производстве в отдельных отраслях и организациях».
7. www.vedomosti.ru
8. www.ohranatruda.ru

Молодой ученый

Международный научный журнал
Выходит два раза в месяц

№ 7 (111) / 2016

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Ахметов И. Г.

Члены редакционной коллегии:

Ахметова М. Н.
Иванова Ю. В.
Каленский А. В.
Куташов В. А.
Лактионов К. С.
Сараева Н. М.
Авдеюк О. А.
Айдаров О. Т.
Алиева Т. И.
Ахметова В. В.
Брезгин В. С.
Данилов О. Е.
Дёмин А. В.
Дядюн К. В.
Желнова К. В.
Жуйкова Т. П.
Жураев Х. О.
Игнатова М. А.
Коварда В. В.
Комогорцев М. Г.
Котляров А. В.
Кузьмина В. М.
Кучерявенко С. А.
Лескова Е. В.
Макеева И. А.
Матвиенко Е. В.
Матроскина Т. В.
Матусевич М. С.
Мусаева У. А.
Насимов М. О.
Прончев Г. Б.
Семахин А. М.
Сенцов А. Э.
Сенюшкин Н. С.
Титова Е. И.
Ткаченко И. Г.
Фозилов С. Ф.
Яхина А. С.
Ячинова С. Н.

Международный редакционный совет:

Айрян З. Г. (Армения)
Арошидзе П. Л. (Грузия)
Атаев З. В. (Россия)
Ахмеденов К. М. (Казахстан)
Бидова Б. Б. (Россия)
Борисов В. В. (Украина)
Велковска Г. Ц. (Болгария)
Гайич Т. (Сербия)
Данатаров А. (Туркменистан)
Данилов А. М. (Россия)
Демидов А. А. (Россия)
Досманбетова З. Р. (Казахстан)
Ешиев А. М. (Кыргызстан)
Жолдошев С. Т. (Кыргызстан)
Игиснинов Н. С. (Казахстан)
Кадыров К. Б. (Узбекистан)
Кайгородов И. Б. (Бразилия)
Каленский А. В. (Россия)
Козырева О. А. (Россия)
Колпак Е. П. (Россия)
Куташов В. А. (Россия)
Лю Цзюань (Китай)
Малес Л. В. (Украина)
Нагервадзе М. А. (Грузия)
Прокопьев Н. Я. (Россия)
Прокофьева М. А. (Казахстан)
Рахматуллин Р. Ю. (Россия)
Ребезов М. Б. (Россия)
Сорока Ю. Г. (Украина)
Узаков Г. Н. (Узбекистан)
Хоналиев Н. Х. (Таджикистан)
Хоссейни А. (Иран)
Шарипов А. К. (Казахстан)

Руководитель редакционного отдела: Кайнова Г. А.
Ответственные редакторы: Осянина Е. И., Вейса Л. Н.

Художник: Шишков Е. А.

Верстка: Бурьянов П. Я., Голубцов М. В.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

почтовый: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231;

фактический: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <http://www.moluch.ru/>

Учредитель и издатель:

ООО «Издательство Молодой ученый»

ISSN 2072-0297

Подписано в печать 26.04.2016. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, 25